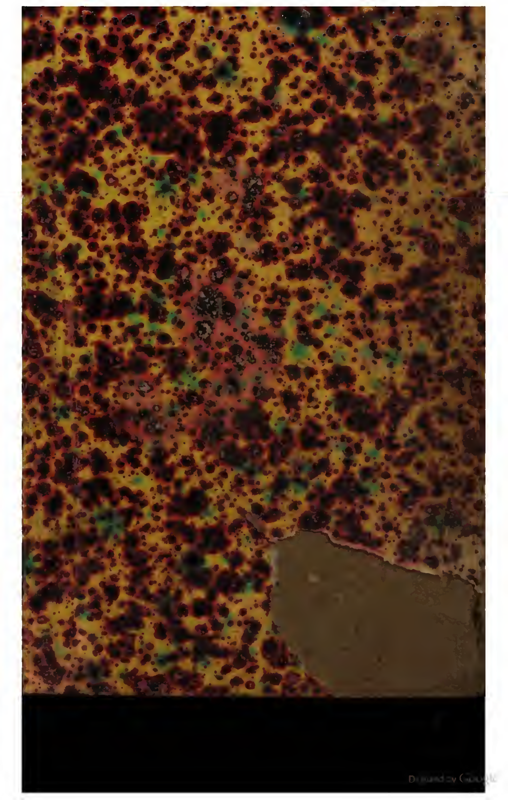

ЗАПИСКИ
Г. БУРІЕННА.

ЗАПИСКИ

Г. БУРІЕННА,

ГОСУДАРСТВЕННАГО МИНИСТРА.

О

НАПОЛЕОНѢ,

ДИРЕКТОРІИ, КОНСУЛЬСТВѢ, ИМПЕРІИ И ВОЗСТАНОВЛЕНІИ БУРБОНОВЪ.

Перевелъ съ Французскаго

С. де Шаплетъ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

ЧАСТЬ IX.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

1835

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра С. Петербургъ 18 Іюня 1835 года.

Цензоръ *П. Гаевскій.*

ЗАПИСКИ

Г. БУРІЕННА,

ГОСУДАРСТВЕННАГО МИНИСТРА.

ГЛАВА I.

Величія падшія и величія существующія. — Остановка въ отъѣздѣ моемъ въ Гамбургъ. — Немиролюбивый духъ Наполеона. — Война, основаніе могущества Императора. — Липпскій Департаментъ. — Сужденія Іозефины. — Справедливое предчувствіе относительно Испанскихъ дѣлъ. — Мои поѣздки въ Мальмезонъ. — Первый другъ и первая жена Наполеона. — Горесть Іозефины и привязанность ея къ нарядамъ. — Слезы и туалетъ.

Я принимаюся за послѣднюю часть моихъ Записокъ, а мнѣ еще остается сказать многое, и это многое можетъ быть гораздо щекотливѣе всего, о чемъ я говорилъ до сихъ поръ, потому что до сего я говорилъ объ ошибкахъ величія падшаго, а теперь буду заниматься величіями существующими и кознями, которыхъ пламя при мнѣ зажжено было и до сихъ поръ

еще не угасло Такъ какъ и въ восьми первыхъ частяхъ, я буду говорить истину: одна она была моею цѣлію, когда я рѣшился сообщить свѣту то, чего былъ свидѣтелемъ. Однакоже такое предварительное разсужденіе не можетъ еще имѣть отношенія къ тому, съ чего мнѣ начать должно—я довелъ читателя до весны 1811 года, а въ это время я располагался ѣхать за своимъ семействомъ въ Гамбургъ. Разныя дѣла задержали меня до Мая мѣсяца, такъ что я былъ еще въ Парижѣ въ день рожденія Короля Римскаго.

Я дозволю себѣ сдѣлать приближеніе, которое, по моему мнѣнію, довольно важно, и кажется можетъ значительно пояснить послѣдовавшія вскорѣ происшествія. Изступленные обожатели Наполеона, хотѣли сдѣлать изъ этого великаго воина, миролюбиваго Государя, который бы дорожилъ спокойствіемъ Европы и всеобщимъ въ ней порядкомъ; если послушать ихъ, то они будутъ говорить, что Наполеонъ только что защищался; я съ своей стороны знаю, какъ объ этомъ думать, по крайней мѣрѣ въ отношеніи того времени изъ его поприща, когда я находился при немъ, а потому сказалъ, и кажется доказалъ, что даже когда первые пушечные выстрѣлы сдѣланы были противъ него, то и тогда онъ не менѣе былъ причиною войны, потому что великая

наука его политики состояла въ томъ, чтобы принуждать другія Державы нападать на него, и онъ достигалъ сего безпрерывными присвоеніями чужихъ земель или оскорбленіями, наносимыми другимъ Государямъ.

Вотъ что показываютъ событія, а еще болѣе, вѣрное понятіе о Наполеоновомъ характерѣ. Сколько разъ говорилъ онъ мнѣ, что война его стихія; что для утвержденія его могущества, необходима война! Послѣ сего какъ согласить вмѣстѣ это отъявленное желаніе, сдѣлать родъ свой самымъ старшимъ изъ всѣхъ царствующихъ домовъ Европы, съ тою кротостію, которая удерживала его всегда въ оборонительномъ положеніи? Это невозможно.

Наполеону ли, посреди своей славы, на самой высокой степени своего могущества, по духу умѣренности и по наклонности къ миру, отказаться отъ врожденной своей раздражительности, которою онъ увлекался съ такою силою, и даже могу сказать опрометчивостью въ знаменитомъ привѣтствіи своемъ Лорду Виторту, еще въ то время, когда онъ облеченъ былъ только сомнительною властію Перваго Консула! Кто зналъ Бонапарте, тотъ не можетъ допустить подобныхъ предположеній.

Между тѣмъ положеніе дѣлъ Императора было такое блестящее, его горделивое чувство владычества достигло до такой высокой степе-

нени, что невозможно было подумать, что онъ поступалъ такъ изъ опасенія оскорбить Русскаго Императора; потому что, зная, какъ Государь сей былъ недоволенъ вторженіемъ въ Анзеатическія земли, онъ немедленно отвѣтствовалъ на такое негодованіе, присоединивъ новый Департаментъ, состоящій изъ земель Реца, Мюнстера и Нейгаузена, и наименовалъ оный Липпскимъ Департаментомъ. Я сказалъ Дюроку о моихъ о семъ мысляхъ; я просилъ его, умолялъ, изъ преданности къ Императору, дать ему почувствовать сколь безразсудно раздражать Россію еще новыми оскорбленіями; но Дюрокъ могъ только тужить вмѣстѣ со мною о послѣдствіяхъ необузданнаго честолюбія, которое онъ наконецъ ясно видѣлъ, и котораго онъ долженъ былъ сдѣлаться одною изъ самыхъ достойныхъ сожалѣнія жертвъ.

Надобно вспомнить, что онъ мнѣ повѣрилъ тайну свою о Булонскомъ лагерѣ, единственно потому, что я ее угадалъ, и вообще отъ него можно было что нибудь узнать, или угадывая или когда у него что нибудь вырывалось въ минуты нескромныхъ разговоровъ.

Въ тогдашнее время пребыванія моего въ Парижѣ продолжали очень заниматься Испанскою и Португальскою войною, и это было такое предпріятіе, на счетъ котораго прозорливость Іозефины ее необманула. Она обыкновен-

но мало мѣшалась въ политическія дѣла, во первыхъ потому, что это не понравилось бы Наполеону, а во вторыхъ, что по вѣтренности своей она увлекалась суетными мыслями; но она была одарена, могу сказать, столь совершеннымъ врожденнымъ чувствомъ, что рѣдко ошибалась, говоря о томъ, хорошо или худо какое дѣло кончится для ея супруга, и я помню, что она тогда говорила мнѣ, что узнавъ о намѣреніи Императора отдать Испанскій тронъ Іосифу, она такъ была перепугана, что и сама не знала отъ чего такъ великъ былъ ея испугъ. Не знаю, какъ опредѣлить это врожденное чувство, которое заставляетъ усматривать будущее въ предчувствіяхъ; но вѣрно то, что Іозефина изо всѣхъ кого я только зналъ, наиболѣе была одарена такимъ чувствомъ, и такой даръ былъ для нея пагубенъ, потому что она была несчастна и настоящимъ, и будущимъ. Я ѣздилъ къ ней часто въ Мальмезонъ, потому что Дюрокъ увѣрялъ меня, что Императоръ въ томъ не находилъ ничего худаго, хотя онъ впрочемъ и могъ полагать, что въ нашихъ съ глазу на глазъ разговорахъ съ Іозефиною, мы не всегда его хвалили, и въ самой вещи его первый другъ, и первая жена, были очень извинительны, взаимно повѣряя другъ другу свои жалобы.

Не смотря на то, что уже прошелъ цѣлый

годъ послѣ развода, горесть была все еще свѣжа въ Іозефининомъ сердцѣ, и все способствовало къ ея увеличенію. «Повѣрите ли, любезный другъ, говорила она мнѣ часто, сколько мученій я должна была вытерпѣть съ самаго того пагубнаго дня, о которомъ я вамъ «говорила; не понимаю какъ я еще жива? можете ли себѣ представить, какое было для «меня мученіе, когда я видѣла вездѣ описанія «празденствъ? А въ первый разъ, какъ онъ «пришелъ ко мнѣ послѣ своей женидьбы, какое свиданіе! и сколько слезъ онъ заставилъ «меня пролить. Тѣ дни, въ которые онъ пріѣзжаетъ, для меня самые мучительные, потому «что онъ меня не бережетъ. Съ какимъ жестокосердіемъ онъ говоритъ мнѣ о робенкѣ, который ему родится! Понимаете ли, Буріеннъ, «все, что въ этомъ для меня есть ненавистнаго. Гораздо бы лучше быть въ заточеніи за «тысячу миль отсюда; однакоже прибавила «она, нѣсколько друзей моихъ, остались мнѣ «по прежнему преданными, и для меня теперь «единственное утѣшеніе, когда удастся провести съ ними нѣсколько минутъ.» Истинно то, что она была очень несчастна и тогда еще нечѣмъ было утѣшать ее, кромѣ соболезнованія къ ея жалобамъ. Однакоже лоскутки имѣли надъ нею еще такую власть, что проплакавъ съ четверть часа, она тотчасъ забывала свое

горе, чтобы принять модныхъ торговокъ или изобрѣтателей новыхъ уборовъ. При взглядѣ на шляпку, Іозефина дѣлалась только женщиною. Однажды я помню, что пользуясь минутою покоя, который доставилъ ей полный запасъ сихъ блестящихъ бездѣлушекъ, я не могъ удержаться, чтобы не поздравить ее съ счастливымъ влiянiемъ, какое онѣ на нее дѣлали: «Что вы хотите, любезный другъ, сказала она «мнѣ, конечно мнѣ это должно быть все равно, «да такая у меня привычка.» Іозефина могла бы прибавить: и занятiе; безъ преувеличенiя можно сказать, что если бы изъ жизни Іозефины исключить то время, которое она провела, проливая слезы и за туалетомъ, то число дней ея значительно бы уменьшилось.

++

ГЛАВА II.

Огромное пространство Имперіи, присяга Бонапарте Сенату — Сомнѣнія. — Измѣненіе нравовъ, законовъ и обычаевъ въ Европѣ.—Извѣстія изъ Италіи — Списокъ убитымъ и сосланнымъ въ Піемонтѣ.—Характеръ Италіянскій и характеръ Нѣмецкій.—Изрѣченіе Алфіери о Испаніи.— Разкрытыя книги на письменномъ столѣ Бонапарте. — Удачи въ Испаніи.—Уронъ Массены въ Португаліи.—Дурное положеніе арміи, и славные поступки Мармонта—Въ Испаніи стяжали безполезную славу—Собраніе Кортесовъ.—Свѣдѣнія, доставленныя мнѣ Дюрокомъ. — Упорство Наполеона за континентальную систему.—Исправленіе неумышленной забывчивости.—Слова мои Саварн въ 1811 году. — Цѣлая Европа дѣлается жертвою континентальной системы. — Встрѣча съ Мюратомъ на Елисейскихъ поляхъ. — Характеръ Мюрата.—Откровенность. — Причины неудовольствія Мюрата.—Мюратъ угадываетъ намѣренія Наполеона относительно Италіи.—Скромность съ моей стороны.

Пока я оставался въ Гамбургѣ, дѣла Сѣверной Германіи и кое-какая переписка, занимали все мое время. По присоединеніи Анзеатическихъ городовъ къ Имперіи, я обратился къ

частной жизни, и имѣлъ возможность узнать въ большей подробности о дѣлахъ на Югѣ Франціи или Европы, что сдѣлалось почти одно и тоже, съ тѣхъ поръ какъ Франція причислила Тибрскій Департаментъ къ своимъ Департаментамъ. Только десять лѣтъ прошло и, благодаря постояннымъ вторженіямъ въ чужія земли, можно было не выступая изъ за границъ Франціи, проходить огромное пространство, раздѣляющее устья Эльбы съ Остійскимъ портомъ; и едва минуло шесть лѣтъ, какъ Бонапарте, принимая отъ Сената Императорскую корону, столь торжественно объявилъ, что ни подъ какимъ видомъ не хочетъ дѣлать распространенія границъ *Республики*. Если бы Наполеонъ былъ и такой человѣкъ, на котораго бы могло въ семъ случаѣ найти сомнѣніе въ духовномъ отношеніи, то ему бы легко было найти между своими теологами, такого, который бы его тотчасъ успокоилъ, убѣдивъ отъ чистаго сердца, что онъ распространяетъ границы не Республики — Республики болѣе уже не существовало, а потому слѣдуетъ, что онъ выполнилъ обѣтъ свой какъ слѣдуетъ доброму христіанину.

Обширная Имперія представляла видъ напоминавшій болѣе владычество Римлянъ и побѣды Карла Великаго, чѣмъ привычки и политическія движенія новѣйшей Европы. Въ самой

вещи почти около двухъ вѣковъ до самой революціи, или лучше до восшествія Наполеона, не было значительныхъ измѣненій въ разграниченіи Европейскихъ Государствъ. Во время владычества Наполеона все было внезапно измѣнено; обычаи, нравы, законы, замѣнились новыми законами, нравами и обычаями, предписанными силою, и все это составляло разнородную массу, которой надлежало очевидно разрушиться, когда бы эта сила утратила свое дѣйствіе. Въ Парижѣ я видѣлъ еще нѣсколько изступленныхъ; но какъ бы они сбавили своего удивленія, если бы покинувъ средоточіе круга, отдалились отъ онаго въ какомъ либо направленіи! Италія была такъ угнѣтена, что, какъ я узналъ отъ одной достойной довѣрія особы, если бы армія Принца Евгенія, вмѣсто того, чтобы одержать побѣду, потерпѣла пораженіе въ Піавѣ, то возстаніе, тайно приуготовленное, долженствовало открыться въ одно время и въ Піемонтѣ, и въ самой Италіи, гдѣ впрочемъ большая часть жителей отдавала справедливость прекраснымъ качествамъ Евгенія. Я также узналъ положительнымъ образомъ, что уже составлены были списки о тѣхъ Французахъ, которыхъ надлежало перерѣзать, и о тѣхъ, которые найдя случай смягчить жестокость повелѣній Императорскаго Правительства, были бы только выпровождены за границы. Я безъ

труда повѣрилъ всему, что мнѣ говорили о такомъ расположеніи Италіянцевъ, потому что я помнилъ еще столько характеръ ихъ, и не могъ не знать, что причины замѣченнаго мною въ Германіи неудовольствія были повсюду однѣ и тѣже; онѣ произвели бы слѣдствія, которыя бы обнаружились сообразно съ различіемъ характеровъ — возмущеніе было столь же свойственно Италіянцамъ, какъ покорность добрымъ моимъ Нѣмцамъ и отчаянное неистовство Испанскому народу. При этомъ случаѣ нельзя неприпомнить словъ Алфіери: въ одномъ его сочиненіи, изданомъ за пятнадцать лѣтъ до Испанской войны, онъ кидая взглядъ на разные Европейскіе народы, видитъ, что только «въ одномъ Испанскомъ народѣ осталося до«вольно энергіи, чтобы бороться противъ чу«жеземнаго ига.» Если бы я находился еще при Наполеонѣ, то навѣрное, прибѣгнувъ къ одной невинной хитрости, которую я употреблялъ нѣсколько разъ съ успѣхомъ, подложилъ бы на его бюро книгу Алфіери, раскрывъ ей на той страницѣ, которую бы я хотѣлъ заставить его прочесть. Иногда онъ не обращалъ вниманія на книгу, но когда раскрывалъ ее на томъ мѣстѣ, гдѣ была закладка то рѣдко случалося, чтобы не раздумалъ о мысли, которая случалася въ какомъ нибудь соотношеніи съ

господствующими въ то время въ умѣ его мыслями.

Какъ бы то ни было, мнѣніе Алфіери объ Испанскомъ народѣ, на дѣлѣ оправдалося какъ нельзя болѣе, и признаюсь, что не могу безъ содроганія вспомнить о потокахъ крови оросившихъ полуостровъ этого народа — и для чего?—чтобы сдѣлать Іосифа Бонапарте Королемъ.

1811 годъ начался довольно благопріятнымъ образомъ Французскому оружію въ Испаніи; въ самый первый день года сего Маршалъ Сюше взялъ городъ Тортозу, и почти въ тоже время мы пріобрѣтали значительныя выгоды въ Португаліи; тамъ въ теченіи Генваря мѣсяца Порто и Оливенца достались во власть Французамъ, бывшимъ подъ командою Генерала Жирара; мы имѣли и другія выгоды, какъ-то взятіе Пардалераса и Геборское сраженіе, данное Герцогомъ Далматскимъ. Но въ началѣ Марта счастіе перемѣнилося. Герцогъ Беллунскій, не смотря на храбрость войскъ своихъ, не могъ умилостивить это непостоянное счастіе въ день сраженія при Шихланѣ, и съ самаго этого дня Французская армія не могла ничего предпринять противъ Англо-Португальской арміи. Самъ Массена, не смотря на титулъ Эслингенскаго Князя полученный имъ подъ стѣнами Вѣны, въ послѣднемъ сраженіи,

не былъ уже любимымъ дитятею побѣды, какъ въ Цюрихѣ.

Говоря о Массенѣ, я радъ случаю сказать, что онъ не былъ приверженцамъ сдѣланнаго при основании Имперіи измѣненія въ образѣ правленія. Массена любилъ очень двѣ вещи: славу и деньги; что касается до такъ называемыхъ почестей, то онъ заботился только о тѣхъ, которыя происходятъ отъ командованія арміею; онъ возносился еще воспоминаніями къ Республикѣ, потому что Республика напоминала ему самыя славныя эпохи блестящаго его военнаго поприща. Онъ былъ изъ числа тѣхъ Маршаловъ, которымъ бы хотѣлося видѣть конецъ честолюбія Бонапарте, и конечно, онъ такъ довольно сдѣлалъ съ самаго начала войнъ Республики, что имѣлъ полное право желать покоя — къ тому же тогдашнее его здоровье того требовало. Что могъ онъ сдѣлать противъ Англичанъ въ Португаліи? Соединенныя Англійскія и Португальскія силы съ каждымъ днемъ увеличивались, а наши уменьшались. Англіи ничего не стоило обезпечить себѣ успѣхъ въ завязавшейся великой борьбѣ, и такъ какъ она не жалѣла денегъ, то ея армія, производя исправно платежи не имѣла недостатка ни въ продовольствіи, ни въ амунициіи, а это обстоятельство принуждало и Французскую армію платить за свое продовольствіе, на

тотъ конецъ, чтобы жители не стали рѣшительно держаться стороны Англичанъ; а средствъ къ тому такихъ же совсемъ не имѣли. Это самое даже не помѣшало вспыхнуть во многихъ мѣстахъ частнымъ возстаніямъ, отъ чего сношенія съ Франціею сдѣлались чрезвычайно затруднительны; вооруженные шайки захватывали безпрестанно нашихъ солдатъ, когда они были гдѣ въ незначительномъ числѣ, а присутствіе Англійскихъ войскъ, съ помощію денегъ, которыми здѣсь они такъ и сорили, раздражало противъ насъ умы жителей—никому не придетъ въ голову, чтобы Португалія, безъ пособія Англіи, могла хотя на краткое время противустоять Франціи. Сраженіе, дурное время года, лишенія, даже нищета, изнурили Французскую армію и ей надобно было дать отдыхъ, хотя предпріятія ея долженствовали остаться безъ успѣха; въ такомъ положеніи дѣлъ Массена былъ отозванъ, потому что здоровье его было такъ растросно, что ему физически было невозможно употребить довольно дѣятельности на то, чтобы поставить армію на порядочную ногу.

Въ сихъ обстоятельствахъ Наполеонъ послалъ Бертрана въ Иллирію на мѣсто Мармона, а Мармонъ заступилъ мѣсто Массены въ Португаліи. При вступленіи въ командованіе войсками, Мармонъ нашелъ ихъ въ жалкомъ состояніи. Труд-

ность въ добыванiи продовольствiя, была чрезвычайна, а средства, какiя къ тому употребляли, еще усугубляли то, что было въ положенiи армiи ужаснаго; въ тоже время замѣшательство и неподчиненность достигли до такой степени, что описывать было бы и больно, и трудно. Мармону удалось своими поступками устроить дѣла, и онъ вскорѣ имѣлъ подъ своею командою довольно порядочную армiю, изъ тридцати тысячъ пѣхоты, съ сорока орудiями артиллерiи; кавалерiи собралъ онъ очень не много, да и въ той были предурныя лошади.

Происходившее въ Испанiи въ началѣ 1811 года, мало чѣмъ разнилося отъ того, что было въ Португалiи; сначала повсемѣстные успѣхи, но за нихъ платили такъ дорого, что легко можно было предвидѣть, какое будетъ окончательное слѣдствiе этой борьбы, потому, что коль скоро народъ дерется въ своей землѣ за свою независимость, то всегда войска нападающiя уменьшаются, а въ тоже время толпы народа, вооружаяся и ободряясь успѣхами, увеличиваются гораздо въ болѣе замѣчательной соразмѣрности. Нельзя тотчасъ замѣнить уничтоженный полкъ, тогда какъ выжженная деревня, у народа полнаго энергiи, заставляетъ жителей цѣлой провинцiи приняться за оружiе. Напрасно Сулletъ и Суше покрыли славою и себя, и войска свои при Тортозѣ, Оливенцѣ, Гeборѣ; въ

Бадайозѣ эта слава, обагренная Испанскою кровiю долженствовала быть безполезною; возстанiе для Испанцевъ сдѣлалося священнымъ долгомъ, которому недавное собранiе Кортесовъ на островѣ Леонѣ давало видъ, такъ сказать, законности, потому что Испанiя находила въ воспоминанiи древней своей свободы по крайней мѣрѣ тѣнь правленiя, средоточiе, къ которому могли стрѣмиться защитники земли полуострова.

Въ Парижѣ Испанская война была предметомъ большой части разговоровъ; но всѣ были въ сомнѣнiи, потому что всякой зналъ, что извѣстiямъ изъ армiи было нельзя вѣрить. Я узналъ отъ Дюрока, что Испанская война много способствовала къ его разочарованiю; я помню, что онъ мнѣ сказалъ однаджы: «хорошiя «вѣсти изъ Испанiи получаемыя, меня устрашаютъ почти также, какъ и дурныя; эта страна «будетъ наконецъ пагубною Императору,» Дюрокъ увѣрилъ меня тогда, что Императоръ не одинъ разъ объяснялъ ему свое сожалѣнiе о томъ, что ввязался въ эту войну; но съ той поры, какъ пришлося драться съ Англичанами, никакое уваженiе ни могло принудить его отказаться отъ своего намѣренiя, тѣмъ болѣе потому, что цѣлiю тогдашнихъ всѣхъ его дѣйствiй было намѣренiе защитить честь своей континентальной системы. Я объяснился съ Дюрокомъ по

по сему предмету, точно также какъ дѣлалъ то со всѣми съ кѣмъ говорилъ, какъ дѣлалъ столько разъ съ Герцогомъ Ровиго, и какъ дѣлаю въ моихъ Запискахъ.

Въ отношеніи этой достойной сожалѣнія континентальной системы, я припоминаю теперь одно обстоятельство, которое я невольно упустилъ изъ виду, описывая совѣщанія мои съ Савари, въ послѣдствіе коихъ, я принялъ на себя пригласить Г. Лафитта къ Министру. Я нашелъ въ одной запискѣ, которую считалъ затерянною, одно обстоятельство, имѣющее отношеніе къ бывшему у насъ съ Савари разговору—вотъ вѣрная выписка изъ этой записки.

Говоря съ Савари о континентальной системѣ, я ему высказалъ, все, что думалъ объ ней худаго. Вчера (*) я убѣждалъ его повидаться съ Г. Лафиттомъ, видя, что онъ почти совершенно убѣжденъ въ томъ, какой ненависти, какого посмѣянія достойна континентальная система. «Савари отвѣчалъ мнѣ: «Ты правъ, я думаю, что я хорошо сдѣлаю если повидаюсь съ Лафиттомъ, но Императоръ его не любитъ; его политическія правила ему неправятся; на него часто дѣлаютъ доносы, которые я опровергать стараюсь.» Я возразилъ Министру: «однако за

(*) Записка моя была начерно написанная бумага безъ числа и я незнаю, къ какому дню относится это вчера, но оно должно было въ Февралѣ 1811 года.

«мѣть, что я тебѣ не говорю ни о дружбѣ, ни «о установленіяхъ, ни о политикѣ; я говорю тебѣ «о деньгахъ. Лафиттъ можетъ ошибаться въ та«кихъ венцахъ, которыя не положительны, но «въ финансахъ, увѣряю тебя, онъ смыслитъ «болѣе твоего патрона, и все что должно ска«зать о познаніяхъ его въ финансахъ таково «же, чего заслуживаетъ его прамодушіе. Ты «знаешь, что я часто тебѣ говаривалъ, что «Императоръ ничего не смыслитъ въ общест«венномъ кредитѣ, въ курсѣ, въ биржевыхъ обо«ротахъ; поговори съ Г. Лафиттомъ—это тебѣ «послужитъ къ добру.» Сіе, повторяю я, извлечено изъ записки, составленной мною на другой день послѣ этого разговора, и тогда же мнѣ поручено было отъ Савари попросить Г. Лафитта къ нему; мы всѣ трое имѣли продолжительное совѣщаніе, котораго подробности и послѣдствія я объяснилъ въ предъидущемъ томѣ.

Какъ можно отрицать, что эта ненавистная система была причиною, если не предварительнаго паденія Наполеона, то по крайней мѣрѣ поспѣшности сего паденія, когда принять вразсужденіе блестящее положеніе Имперіи въ 1811 году, и то дѣйствіе, какое сія система произвела почти вдругъ во всей Европѣ, изрывъ пропасть подъ трономъ, самымъ сильнымъ, по которому посреди его силы и пышности приходилось существовать еще только три года.

Я сказалъ, что въ Испанiи Наполеонъ защищалъ континентальную систему, и въ этомъ нѣтъ сомнѣнiя, потому что удалось его удостовѣрить, что эта система, при строгомъ ея соблюденiи, убьетъ Англiйскую торговлю; къ тому же я слышалъ отъ Дюрока такую вещь, которая въ этомъ отношенiи немаловажна: Наполеонъ сказалъ ему однажды: «Я не хлопочу болѣе о томъ, чтобы Iосифа сдѣлать Испанскимъ Королемъ, да и самъ онъ о томъ не «думаетъ. Я посажу на этотъ тронъ перваго, «кто мнѣ попадется на глаза, только бы онъ «могъ заперетъ свои порты Англичанамъ» Что, съ другой стороны, озаботило Имперiю обладанiемъ Голландiею? Упрямая воля Императора заставитъ Голландцевъ перенести бѣдствiя, имѣющiя связь съ его пагубною системою. Къ чему было присоединенiе Анзеатическихъ городовъ къ Имперiи? все для той же цѣли. Какое несообразное съ политикою неистовство могло понудить Наполеона къ завладѣнiю герцогствомъ Ольденбургскимъ, не смотря на то, что Принцъ Ольденбургскiй былъ зять Императора Александра? опять строгое соблюденiе континентальной системы. Здѣсь, я не скрываю самъ отъ себя, что родственныя связи очень не надежны въ политическихъ дѣлахъ; это въ послѣдствiи доказалъ Наполеонъ на опытѣ; но они могутъ съ удачею служить предлогомъ

тѣмъ, кто подъ видомъ требованія къ нимъ уваженія, въ самой вещи повинуются только потребности ихъ политики; а политика Россіи, Швеціи, Даніи и Пруссіи состояла тогда въ томъ, чтобы уклониться отъ ненасытныхъ требованій Наполеоновыхъ.

Родственныя связи давали достойный уваженія видъ ополченію Россіи; но какъ же уважалъ Бонапарте такія связи въ отношеніи къ брату своему Людовику? Это видѣли; какъ бы ему уважать ихъ къ Мюрату, когда было время, что онъ находилъ его неслишкомъ хорошей породы, къ тому чтобы сдѣлаться зятемъ Перваго Консула, а послѣ сдѣлалъ его Неаполитанскимъ Королемъ? Онъ хотѣлъ также наложить на него иго своей ненавистной континентальной системы, и принудить его къ тому, что все бремя этой системы легло всею тяжестію на народъ, къ управленію которымъ онъ самъ его призвалъ.

Мюратъ пріѣхалъ, чтобы присутствовать при разрѣшеніи отъ бремени Императрицы; во время пребыванія его въ Парижѣ, я съ нимъ видѣлся часто, потому что мы всегда были хороши другъ съ другомъ, и надобно ему отдать справедливость въ томъ, что онъ представлялъ изъ себя Короля только съ своими служителями и съ такими людьми, которые его не знавали до полученія имъ Королевскаго сана. Во-

семь или десять дней спустя по рожденiи Римскаго Короля, событiи, о которомъ, я хотя и немного, но буду говорить ниже, когда я проходилъ утромъ часу въ девятомъ по одной аллеѣ Елиссейскихъ полей, идущей вдоль садовъ предмѣстiя Сенъ-Гоноре, ко мнѣ вдругъ подошелъ Мюратъ, котораго я прежде не замѣтилъ. Онъ былъ одинъ, въ длинномъ синемъ сертукѣ; мы были противъ самого сада невѣстки его Принцессы Боргезской:— «Ну, Бурiеннъ, сказалъ мнѣ Мюратъ послѣ взаимныхъ привѣтствiй, «что ты теперь подѣлываешъ?» Я разсказалъ ему, какую со мною сыгралъ штуку Наполеонъ, который для того, чтобы я не былъ въ Гамбургѣ, когда туда дойдетъ декретъ о присоединенiи, призвалъ меня въ Парижъ, подъ наружнымъ видомъ довѣренности. Мнѣ кажется, что и теперь еще гляжу на прекрасное и полное живости лице Iоахима, когда онъ слыша, что я называю его Государемъ и Его Величествомъ, сказалъ мнѣ: «Ну, полно любезный Бурiеннъ, развѣ мы не по прежнему старые товарищи. Императоръ неправъ противъ тебя! «Да противъ кого же онъ не таковъ? Его немилость право лучше милости; такъ дорого «онъ заставляетъ за нее платить! Онъ говоритъ, «что сдѣлалъ насъ Королями, да развѣ не мы «его сдѣлали Императоромъ! Послушай, любезный другъ, я тебя давно, и хорошо знаю, а

«потому и могу тебѣ объявить мой образъ мы-«слей: Моя шпага, моя кровь, моя жизнь при-«надлежатъ Императору: пускай онъ призываетъ «меня на поле брани, сражаться съ его врагами «и съ врагами Франціи—перестаю быть Коро-«лемъ и по прежнему дѣлаюсь Маршаломъ Им-«періи, но пускай онъ отъ меня не требуетъ «болѣе. Въ Неаполѣ я хочу быть Неаполитан-«скимъ Королемъ, и ни какъ не намѣренъ жер-«твовать жизнію, счастіемъ и выгодами моихъ «подданныхъ, его ложнымъ расчетамъ. Онъ и «не думай поступать со мною такъ, какъ посту-«палъ съ Людовикомъ! Я готовъ защищать, ес-«ли надобно, даже противъ него самого, права «народа, надъ которымъ онъ мнѣ вручилъ пра-«вленіе. Развѣ я авангардный Король! . . .» Эти послѣднія слова въ особенности мнѣ показались примѣчательны въ устахъ Мюрата, который всегда служилъ въ авангардѣ нашихъ армій, и выразилъ, по моему мнѣнію, очень удачно подобіе, какое было между нимъ какъ Королемъ, и какъ солдатомъ.

Я прогуливался съ Мюратомъ около получаса. Въ продолженіи нашего разговора онъ не скрылъ отъ меня, что со стороны Наполеона для него всего обиднѣе то, что онъ подвинувъ его впередъ, потомъ покинулъ. «Когда я пріѣ-«халъ въ Неаполь, сказалъ онъ мнѣ еще, меня «извѣстили, что я буду убитъ. Что же я сдѣ-

«далъ? въѣхалъ въ Неаполь, одинъ, среди бѣла-«го дня, въ открытой коляскѣ, и право лучше «бы хотѣлъ, чтобы меня убили въ первый день, «чѣмъ жить въ безпрерывномъ страхѣ, что «меня убьютъ. Я тотчасъ попытался сдѣлать «экспедицiю противъ острова Исхiи, и она уда-«лась. Предпринялъ такую же экспедицiю про-«тивъ Сицилiи, и она, я увѣренъ, удалась бы «мнѣ также, если бы Императоръ исполнилъ «свое обѣщанiе и прислалъ бы изъ Тулона «флотъ, чтобы способствовать моимъ дѣйствi-«ямъ; но онъ отмѣнилъ данное о томъ приказа-«нiе: *Онъ поступилъ какъ Мазаринъ и хотѣлъ «меня трактовать, какъ удалого Герцога Гиз-«скаго.* Теперь я вижу, чего онъ хочетъ. Съ «тѣхъ поръ какъ у него есть сынъ, котораго «онъ наименовалъ Римскимъ Королемъ, онъ ду-«маетъ самъ про себя, что Неаполитанская ко-«рона у меня на головѣ только на сохраненiе. «Онъ считаетъ Неаполь неиначе, какъ за буду-«щую прибавку къ Римскому Королевству, съ «которымъ, я вижу, онъ намѣренъ совокупить «всю Италiю; но если онъ доведетъ меня до «крайности, то я или ему въ томъ воспрепят-«ствую, или погибну съ оружiемъ въ рукахъ.»

Я имѣлъ благоразумiе, или по крайней мѣрѣ скромность, не говорить Мюрату, какъ вѣрно угадалъ онъ намѣренiя Наполеона и виды его на Италiю, какъ я то объяснилъ прежде;

но когда онъ дошелъ до континентальной системы, которая была для меня предметомъ самымъ важнымъ, или, какъ говоритъ Стернъ, моимъ *конькомъ*, то я высказалъ ему все точно также, какъ наслѣдному Шведскому Принцу, и я видѣлъ, что онъ, какъ нельзя болѣе готовъ слѣдовать моимъ совѣтамъ, что достаточно доказалъ на опытѣ. Дѣйствительно континентальная система положила конецъ тому, что было нераздѣлимаго у Мюрата съ Наполеономъ и заставила новаго Неаполитанскаго Короля искать союза съ Государями, бывшими въ войнѣ съ Франціею. По этому предмету судили розно: что касается до меня, то изо всѣхъ пересудовъ я могу заключить, что Маршалъ Имперіи былъ виноватъ, а Неаполитанскій король правъ.

++

ГЛАВА III.

Новые титулы и старыя имена.—Сила привычки.—Презрѣніе, какое имѣлъ Фуше къ своему Герцогскому титулу.—Отсутствіе Фуше изъ Парижа.—Стихи на бракосочетаніе Наполеона, заказанные Министромъ Фуше.—Добрыя намѣренія Савари въ отношеніи къ литераторамъ.—Жаръ пѣвцовъ придворныхъ.—Раздача наградъ въ Полиціи.—Пѣвцы-хвалители, и нѣкоторыя исключенія.—Шатобріанъ и Лемерсье.—Смерть Шенье и его пріемникъ—Предметъ разговоровъ во всемъ Парижѣ.—Всеобщія заключенія о назначеніи Шатобріана и о его рѣчи.—Похвала невозможному цареубійству.—Коммисія судитъ рѣчь.—Двѣ партіи въ Академіи.—Наполеонъ читаетъ Шатобріанову рѣчь—Негодованіе и угрозы.—Возобновленіе давнихъ обидъ и причины запрещенія Меркурія.—Сравненіе Бонапарте съ Нерономъ.—Мое по этому предмету мнѣніе.—Разница между дѣйствіями и словами.—Воспоминаніе.—Двѣ ваканціи въ Институтѣ—Гг. Лемерсье и Эменаръ.—Двойное представленіе Императору.—Странность и гнѣвъ.

Прошу прощенія у Принцевъ и Герцоговъ Имперіи вътомъ, что часто, говоря объ нихъ, я называю ихъ республиканскимиихъ именами; право

это съ моей стороны не жеманство, по которому бы хотѣлъ отказывать имъ въ титлахъ, столь заслуженныхъ большею ихъ частію, и за которые многіе изъ нихъ заплатили своею кровію на поляхъ брани—это просто дѣйствіе привычки. По привычкѣ, разговаривая съ Іозефиною о Императорѣ, мы всегда называли его Бонапарте. Не могу порядочно растолковать, по чему я помѣщаю здѣсь такое разсужденіе: я думаю потому что оно пришло мнѣ на умъ; и другія размышленія, нечаянно вкрадывающіеся въ мой расказъ, не имѣютъ другой побудительной причины кромѣ самоохотности, отъ которой я даже не стараюся остерегаться. Въ семъ отношеніи Маршалы гораздо менѣе дорожили дворянскими титулами; чѣмъ Герцоги и Графы, изъ статской службы. Изо всѣхъ дѣтей Республики Рено де Сенъ-Жанъ-д'Анжели, всѣхъ болѣе радъ былъ своему Графству; а изо всѣхъ отцевъ революціи никто не имѣлъ такого презрѣнія, какъ Фуше къ своему титулу Отрантскаго Герцога: онъ порадовался ему только однажды, но это было послѣ паденія Имперіи, а въ какихъ обстоятельствахъ я разскажу въ своемъ мѣстѣ въ моихъ Запискахъ.

Я сказалъ уже, что я не любилъ Фуше, и видѣли за что; я не могъ терпѣть въ немъ той необходимости, какую онъ чувствалъ сдѣлать изъ Полиціи Правительство въ Правительствѣ.

По моемъ возвращеніи его не было уже въ Парижѣ, но я не разъ имѣлъ случай говорить объ этой знаменитой особѣ съ Савари, котораго по сей часъ вышеприведенной мною причинѣ, я не всегда называю Герцогомъ Ровиго Савари больше всякаго другаго былъ въ состояніи знать про его лживыя средства управленія, по тому что онъ занялъ его мѣсто. Фуше, подъ предлогомъ поощренія литераторовъ, хотя и зналъ, что Императоръ ихъ не любитъ, какъ я то нѣсколько разъ имѣлъ случай доказывать, ни очемъ такъ не заботился, какъ о томъ, чтобы нанести имъ безчестіе, заставляя ихъ писать стихи по заказу. Можно было также замѣтить, что изъ того, какую жестокую ненависть питалъ Бонапарте къ этому во всѣхъ обществахъ уважаемому классу людей, не должно заключать, чтобы онъ хотѣлъ сдѣлать публику повѣренною такой своей ненависти. Впрочемъ кто посвящалъ перо свое исключительно на восхваленіе его славы и величія, тотъ могъ быть увѣренъ, что его сочиненіе будетъ принято съ благоволеніемъ, а въ такихъ людяхъ, какъ извѣстно, недостатку у него небыло. Какъ съ одной стороны Карломанъ и Людовикъ XIV обязаны были отчасти блескомъ своего царствованія тому сіянію, которымъ озарила литература ихъ дѣянія, то и онъ хотѣлъ казаться ихъ покровителемъ, только съ тѣмъ, чтобы сочинители

не касались никогда предметовъ высшей философіи, независимости человѣка и правъ народныхъ и политическихъ. Что касается до ученыхъ, то это было другое дѣло—онъ ихъ уважалъ искренно, собсвтенно же называемыхъ литераторовъ онъ почиталъ только вѣнчикомъ Императорской своей короны.

Женидьба Императора на Австрійской Эрцгерцогинѣ привела въ восторгъ всѣхъ стихотворцевъ придворныхъ, и въ этой борьбѣ хваленій и наушничествъ, должно признаться, что ложные боги были побѣждены истиннымъ Богомъ, потому что не смотря на ихъ исполненныя обожанія стихи, ни одному изъ Аполлоновыхъ учениковъ, какъ они ни бились, не удалось добиться Епископскаго сана. При этомъ случаѣ Савари, который столько любилъ Императора, что хотѣлъ сдѣлать чтобы всѣ отголоски его славы дышали тою же любовію, занялся въ особенности литераторами. Онъ увѣрялъ меня, что большая часть стиховъ наводнявшихъ Парижъ по случаю бракосочетанія, были заказаны его предшественникомъ, и я этому легко вѣрилъ: Герцогу Ровиго поручена была раздача сочинителямъ хвалебныхъ произведеній знаковъ монаршей щедрости. Этимъ господамъ надобно было бы подумать, что одно имя Герцогскаго Министерства было для нихъ поношеніемъ.

Я не былъ, какъ видѣли уже, въ Парижѣ во время бракосочетанія Наполеона съ Маріею Луизою; но былъ тогда какъ родился Римскій Король, и могъ судить, по изобилію пѣвцовъ хвалителей при этомъ случаѣ, что такое было въ прошломъ году. Я далекъ отъ того, чтобы осуждать Правительство за то, что оно даетъ пенсіи и награды сочинителямъ, но я бы хотѣлъ, чтобы ихъ давали за произведенія полезныя, а не за ѳиміамъ возженный въ похвалу Монарха; но лесть есть болѣзнь человѣческаго ума, началась она при созданіи міра, и кончится не иначе какъ съ нимъ же. Въ такія времена, когда необходимость возвыситься, желаніе сдѣлаться извѣстнымъ, порабощаютъ нѣкоторые умы, есть что-то тонкое въ уваженіи публики и оно имѣетъ отношеніе къ людямъ высшаго ума, которыхъ перо остается независимымъ, посреди всеобщаго совращенія. Таковы были Лемерсье, Шатобріанъ. Я былъ въ Парижѣ весною 1811 года, когда по смерти Шенье, бывшіе во второмъ классѣ Института, въ большомъ числѣ, друзья Г. Шатобріана думали, какъ бы сдѣлать его преемникомъ покойнаго. Это было уже не одно литературное событіе, потому что высокая репутація Г. Шатобріана, не только превышала репутацію самыхъ извѣстныхъ литераторовъ, но воспоминаніе о похвальномъ поведеніи его во время смерти

Герцога Энгіенскаго, было еще у всѣхъ въ свѣжей памяти, а къ тому же кто незналъ о несоизмѣримой разности въ мнѣніяхъ, которая раздѣляла Шенье отъ Г. Шатобріана. Я имѣлъ случай говорить тогда объ этомъ съ Г. Фонтанемъ, который очень большое принялъ участіе въ томъ, чтобы сей выборъ состоялся, и, если не ошибаюсь, такъ онъ уговорилъ Г. Шатобріана представиться—обрядъ необходимый и, по моему, очень забавный, но безъ котораго академическое достоинство почло бы для себя за уничиженіе, сдѣлать по собственной своей волѣ избраніе человѣка съ геніемъ. Я долженъ прибавить, что говорилъ объ этомъ съ Савари, который изъявилъ величайшую готовность ходатайствовать, чтобы Императоръ не воспротивился такому выбору, и я помню, какъ онъ гордился тѣмъ, что не встрѣтилъ дальнихъ препятствій.

Г. Шатобріанъ представился къ избранію на мѣсто Шенье, получилъ въ свою пользу большинство голосовъ и былъ избранъ членомъ Института. Тутъ-то открылось въ Парижѣ поле разнымъ заключеніямъ; старались разгадать, какъ сочинитель книги О духѣ Христіанства, вѣрный защитникъ Бурбоновъ, могъ принудить свое краснорѣчіе до такой степени, чтобы произнести похвалу цареубійству, и всѣ кто только сохранилъ у себя въ памяти тогдашнее

время, должны вспомнить, что это тогда былъ предметъ, о которомъ разсуждать вездѣ было обязанностію. День прiема новаго члена Института наступилъ; но онъ дерзнулъ говорить въ своей рѣчи, съ которой нѣсколько списковъ ходили по рукамъ въ Парижѣ и которую я тогда читалъ (*) о смерти Лудовика XVI, и возставать противъ цареубiйствъ. Это бы не могло не понравиться Бонапарте; но Г. Шатобрiанъ обнаруживалъ также мысли въ пользу свободы, которая, говорилъ онъ, имѣетъ убѣжище у писателей, когда ее изгоняютъ изъ политическаго сословiя. Все это было слишкомъ дерзко по тогдашнему времени, потому, что если Наполеонъ въ тайнѣ и доволенъ былъ тѣмъ, что отважное перо мараетъ имя судей Лудовика XVI, но они всѣ занимали высокiя въ Государствѣ должности. Камбасересъ былъ второе лице въ Имперiи, хотя отъ перваго былъ очень отдаленъ; Мерлинъ де Дуэй былъ человѣкъ всемогущiй; извѣстно до какой степени свобода была заглушена и прикрыта обманчивымъ и ослѣпительнымъ дымомъ, который называютъ славою.

Я описываю здѣсь эти подробности, хотя изъ нихъ нѣкоторыя я узналъ уже по возвращенiи моемъ изъ предположенной поѣздки въ Гамбургъ; 29 Апрѣля составлена была комми-

(*) Я послѣ узналъ, что эти списки были невѣрны.

сія для разсмотрѣнія Шатобріановой рѣчи, а я уѣхалъ изъ Парижа три или четыре дня спустя. Въ тотъ день, когда назначена была коммисія, я завтракалъ, кажется, у Герцога Ровиго, котораго я навѣщалъ раза по три и четыре въ недѣлю. Гг. Суаръ, Сегюръ, Фонтань и еще два или три члена Института тогоже класса, имена которыхъ я позабылъ, полагали, что рѣчь можетъ быть произнесена; но большинство членовъ были противнаго мнѣнія. Когда Наполеонъ узналъ о происшедшемъ, то потребовалъ рѣчь, которую ему представилъ Г. Дарю. Прочитавъ ее, онъ вскричалъ: «Если бы «эта рѣчь была произнесена, то я бы велѣлъ «заложить стѣны Института, а Шатобріана на «всю жизнь бросить въ яму.» По пріятности такого восклицанія, которое въ послѣдствіи мнѣ пересказали, а Дюрокъ и подтвердилъ, я тотчасъ узналъ врожденную горячность Бонапарте, въ особенности въ первыхъ движеніяхъ его гнѣва. Гроза продолжалася долго; наконецъ стали искать средствъ къ примиренію. Императоръ требовалъ, чтобы Шатобріанъ сочинилъ другую рѣчь, но тотъ рѣшительно отказался, не смотря ни на какія угрозы. Услужливыя особы вмѣшались въ это дѣло: Госпожа Гей просила Г-жу Рено де Сен-Жанъ-д'Анжели, которая убѣдила своего мужа въ пользу творца книги: О духѣ Христіанства. Монталиве и Са-

вари дѣйствовали при семъ случаѣ также самымъ благороднымъ образомъ, и успѣли утишить первые порывы гнѣва Императора; но имя Шатобрiана безпрестанно ему напоминало тѣ обстоятельства, по которымъ онъ ему далъ отставку; къ тому же Наполеону, послѣ того, и еще представилася другая причина на него досадовать. Г. Шатобрiанъ напечаталъ въ Меркурiѣ статью о путешествiи, совершенномъ Александромъ Лабордомъ; статью эту читали на перехватъ во всемъ Парижѣ, что заставило запретить Меркурiй. Въ этой статьѣ замѣтили знаменитое изрѣченiе, которое такъ часто послѣ повторяли: «Тщетно Неронъ торжествуетъ; «Тацитъ уже родился въ Имперiи.» По случаю сего изрѣченiя, которое мнѣ пришло на память, я не могу не повторить сказаннаго уже, кажется, мною, то есть, что въ сравненiи Бонапарте съ Нерономъ было чрезвычайное преувеличенiе: честолюбiе могло заставить его быть слѣпымъ къ преступленiямъ политическимъ, но въ домашней жизни никто не былъ менѣе его жестокъ и кровожаденъ; не смотря на высокое уваженiе мое къ дарованiю и характеру Г. Шатобрiана, никакая сила человѣческая не можетъ заставить меня согласиться съ такимъ сравненiемъ; но осуждая это сравненiе, я дивлюсь отважности, съ какою оно сдѣлано во время Наполеонова всемогущества. Доказатель-

ствомъ тому, что онъ не походилъ на Нерона, служитъ то, что въ семъ случаѣ гнѣвъ его разразился только словами противъ сочинителя статьи. — «Какъ! вскричалъ онъ, развѣ Шато«бріанъ думаетъ, что я дуракъ, и что его не «понимаю? Да если онъ неуймется, такъ я велю «его изрубить въ куски на ступеняхъ лѣстни«цы Тюлерійскаго дворца.» Я узнаю въ этихъ словахъ Наполеона; но то что онъ сказалъ въ гнѣвѣ, Неронъ бы выполнилъ на дѣлѣ, а въ подобномъ обстоятельствѣ надобно признаться, что есть нѣкоторая разница между словами и дѣломъ.

Рѣчь Г. Шатобріана оживила воспоминанія Наполеона и обновила въ немъ сильную противъ его ненависть; онъ получилъ повелѣніе выѣхать изъ Парижа. Г. Дарю возвратилъ сочинителю въ Сен-Клу, рукопись, которая была у Наполеона; онъ самъ въ ней рвалъ листы и по мѣстамъ маралъ карандашемъ; не зная этой рукописи, я смѣю увѣрять, что слова о свободѣ были не изъ числа тѣхъ, которыя Императорскій карандашъ пощадилъ. Какъ бы то ни было распустили письменныя копіи съ рѣчи, которая была измѣнена и изуродована; меня увѣряли, что она была даже напечатана однимъ тисненіемъ, только мнѣ не удавалось видѣть ни одного экземпляра; я не нашелъ этой рѣчи и въ собраніи сочиненій Г. Шатобріана, и я изъ

сего заключаю, что авторъ еще не разсудилъ сдѣлать ее извѣстною свѣту.

Таковы были главнѣйшiя обстоятельства избранiя Г. Шатобрiана въ Институтъ; теперь я могу разсказать другiя такого же рода обстоятельства, относящiяся къ избранiю стариннаго и постояннаго посѣтителя Малмезона, Г. Лемерсье;* въ нихъ усмотрятъ одну изъ тѣхъ странностей, которыя столь часто происходили отъ характера Бонапарте.

Съ самого основанiя Имперiи, Г. Лемерсье пересталъ ѣздить и въ Тюлiери, и въ Сен-Клу, и въ Малмезонъ, гдѣ мы часто видалися въ гостиной Г-жи Бонапарте, когда она еще не надѣялася сдѣлаться государынею. Въ одно и тоже время открылись двѣ вакансiи во второмъ классѣ Института, гдѣ существовала еще сторона свободы. Эта сторона не имѣя возможности избрать двухъ членовъ удовольствовалась избранiемъ одного, съ взаимнымъ условiемъ, что она приметъ охотно кандидата, который назначенъ будетъ стороною правительства съ тѣмъ, чтобы она также не противилась выбору стороны свободы. Свободные мужи Института обратили взоръ на Г. Лемерсье, но такъ какъ имъ была извѣстна и старинная связь его и разстройка съ Бонапарте, то хотѣли напередъ знать, точно ли онъ не сдѣлаетъ чего такого, чтобы могло навлечь ихъ выборомъ

неудовольствіе. Тому самому Шенье, котораго мѣсто нѣсколько времени спустя заступилъ Г. Шатобріанъ, поручено было переговорить съ Г. Лемерсье, чтобы удостовѣриться, согласится ли онъ ѣхать въ Тюліери, когда Институтъ отправится туда всѣмъ своимъ сословіемъ, а именно когда онъ, какъ вновь избранный, по обыкновенію, будетъ представленъ, Императору. Г. Лемерсье увѣрилъ, что онъ никогда не сдѣлаетъ ничего противнаго тому, чего требовали обыкновенія и приличія того сословія, къ коему онъ принадлежать будетъ: и его избрали. Кандидатъ Правительства былъ Г. Эменардъ, сочинитель поемы о Навигаціи, о которой въ то время Савари часто отзывался мнѣ съ величайшими похвалами; онъ былъ также избранъ. Два новые Академика были представлены Императору въ одинъ день, и я узналъ что въ этотъ день было болѣе четырехъ сотъ особъ въ той залѣ, гдѣ происходило это двойное представленіе; отъ одного изъ числа этихъ особъ я знаю сіи подробности. Какъ скоро Императоръ увидѣлъ Г. Лемерсье, къ которому онъ давно притворялся, что очень благоволитъ, подошелъ къ нему и сказалъ самымъ обязательнымъ образомъ: «Ну, Лемерсье, вотъ и вы сидите въ креслахъ!» Не отвѣчая ни слова, Лемерсье низко поклонился. Досадуя на такое молчаніе, Императоръ сколько грубо, столько

и несправедливо разразилъ всю тягость своего негодованія на Эменарда, новоизбраннаго, который наиболѣе ему былъ долженъ нравиться. Съ быстротою молніи обернувшись къ нему онъ сказалъ: «Ну, Эменардъ, все ли ты еще сохранилъ свое мѣсто при Полиціи?» Наполеонъ произнесъ эти слова такимъ громкимъ голосомъ, что всѣ присутствовавшіе могли ихъ слышать; безъ сомнѣнія сіи ужасныя слова, будучи худо истолкованы, дали врагамъ Эменарда оружіе, чтобы посягнуть на доброе имя этого благороднаго человѣка, и распространить на гласныя должности, которыя онъ исправлялъ съ искуствомъ и благоразуміемъ, печать отверженія, и которую я всегда считалъ несправедливостью. Но изъ людей хорошо знавшихъ характеръ Бонапарте, кто не узнаетъ его во всемъ пространствѣ?

ГЛАВА IV.

Предполагаемое торжество враговъ моихъ.—Рожденіе Римскаго Короля.—Распространеніе клеветъ.—Корвизаръ меня успокоиваетъ.—Искренній вопросъ при рожденіи Наполеонова сына.—Положеніе Франціи въ 1811 году.—Пятдесятъ семь миліоновъ людей подвластныхъ Наполеону.—Отъѣздъ мой въ Гамбургъ.—Размышленіе въ дорогѣ, и прибытіе.—Жалкое положеніе Анзеатическихъ земель.—Даву, и злоупотребленіе силы.—Порученіе Правительства въ Гамбургѣ.—Дальній родственникъ Іозефины.—Г. Шабанъ.—Его исторія, и странный случай въ Рошамбо.—Честолюбивое желаніе сдѣлаться Сенаторомъ, остается безъ удовлетворенія.—Тягость, наложенная на Анзеатическіе города.—Прохожденіе двухъ сотъ тысячь человѣкъ, и одежда ихъ.—Замѣчательныя происшествія во время пребыванія моего въ Гамбургѣ.—Ссоры Наполеона съ Папою.—Безполезные посредничества у Святаго Отца.—Кардиналъ Фешъ на сторонѣ Папы.—Приписываемыя ему слова.—Созваніе совѣта.—Внезапное распущеніе и Епископы въ Винсеннѣ.—Новая поѣздка Наполеона въ Голландію.—Языкъ льстецовъ и истина.

Когда въ началѣ 1811 года я оставилъ Парижъ, куда я пріѣзжалъ, имѣя права на благорасположеніе Императора и надежды, которыя

полагалъ сбыточными, то начиналъ выходить изъ заблужденiя на счетъ поприща, столь блестящимъ образомъ предо мною открывшагося во время Консульства. Я видѣлъ хорошо, что Бонапарте вмѣсто того, чтобы принять меня такъ какъ я ожидалъ, отказался меня видѣть, изъ чего должно было заключить, что клеветы враговъ моихъ одержали верьхъ, и что не было болѣе надежды на возвращенiе милостиваго расположенiя со стороны властелина, котораго самыя несправедливости, дѣлали еще несправедливѣе. Онъ обладалъ тѣмъ, чего съ такою горячностью такъ давно желалъ—дитятею его крови, наслѣдникомъ его имени, могущества и трона. Здѣсь я долженъ сказать, что по истинѣ, слухи, злонамѣренiемъ тогда распространяемые относительно рожденiя Римскаго Короля, были безъ всякаго основанiя, и какъ нельзя болѣе ложны. Другъ мой Корвизаръ, не покидавшiй ни на минуту Марiю Луизу во все время продолжительныхъ и трудныхъ родовъ ея, не оставилъ во мнѣ никакого на этотъ счетъ сомнѣнiя, и столько же справедливо, что маленькой Принцъ, воспрiемникомъ котораго отъ купели былъ Австрiйскiй Императоръ, дѣйствительно сынъ Наполеона и Эрцгерцогини Марiи Луизы, сколько ложно то, что Наполеонъ былъ отецъ старшаго изъ дѣтей Гортензiи. Еще объ одномъ событiи я умолчать не долженъ

потому, что ни моя привязанность, ни мои въ то время обманутыя надежды, не могутъ сдѣлать меня несправедливымъ. Рожденіе на свѣтъ Наполеонова сына, было привѣтствовано всеобщимъ восторгомъ; вѣрили прочности правленія, которое было уже не безъ будущности, продолженію новой династіи, которая не оставалась болѣе безъ потомства, и я думаю еще никогда ребенокъ не родился на свѣтъ, озаряемымъ столь блестящими лучами славы.

Въ самой вещи Императоръ былъ на самой высочайшей степени своего могущества со дня рожденія своего сына, до первыхъ превратностей, которыя его ожидали за Москвою. Имперія, считая земли состоящія во владѣніи Императорской фамиліи, имѣла около пятидесяти семи миліоновъ жителей (*), но приближилась

(*) Народы подвластные Наполеону въ прямомъ или косвенномъ отношеніи были:

Франція, которая съ присоединеніемъ къ себѣ Голландіи городовъ Анзеатическихъ, Піемонта, Генуи, земли Валлисцевъ, владѣній Пармы и Піаченцы, Тосканы и Римскихъ владѣній, содержала въ сто тридцати Департаментахъ жителей 42,365,434

Провинціи Иллирійскія, раздѣленныя на одиннадцать частей 1,531,000

Королевство Италія, раздѣленная на двадцать четыре Департамента 6,662,331

Сенъ-Маринская Республика 7,000

Королевство Неаполитанское, раздѣленное на четырнадцать провинцій 5,990,000

минута, въ которую это непостижимое въ новѣйшія времена могущество долженствовало начать уменьшаться, и вскорѣ склониться подъ собственною своею тяжестію. Во время проѣзда моего изъ Парижа въ Гамбургъ, мысли мои были совсѣмъ не веселы, и мнѣ было довольно досугу пораздумать объ этихъ великихъ перемѣнахъ счастія, которыя я издавна предвидѣлъ; понимая все, что было истиннаго въ восторгѣ Французовъ при рожденіи Наслѣдника Престола, я не могъ ослѣплять себя относительно несчастія столькаго числа народа, несчастія, котораго я такъ долго былъ свидѣтелемъ, и котораго мнѣ приходилось видѣть опять плачевную картину, омраченную не вообразимыми удрученіями.

Изо всего сказаннаго мною выше, о моемъ пребываніи въ Германіи можно было видѣть, сколько я любилъ Гамбургъ и его жителей; но въ какомъ положеніи я нашелъ этотъ несчастный городъ! Такъ какъ я принималъ самое живѣйшее участіе во всемъ томъ, что касалося до

Княжество Луккское и Піомбинское	179,000
Княжество Беневетинское	20,000
Понте-Корво	6,000
А всего . .	56,760,765.

Примѣчаніе. Я не включаю въ это исчисленіе десяти съ половиною миліоновъ жителей, считавшихся тогда въ Испаніи, хотя они и были помѣщены въ показаніи числа вассаловъ Имперіи.

Анзеатическихъ городовъ, то первымъ по прiѣздѣ моемъ стараніемъ было узнать отъ достойныхъ довѣрія особъ о тѣхъ начальникахъ, которые имѣли болѣе вѣсу въ новомъ правленіи. Даву, какъ уже знаютъ, былъ главнымъ. Зная хорошо непріязненныя намѣренія и виды своего Государя, тотчасъ по своемъ прибытіи онъ устроилъ въ Герцогствѣ Мекленбургскомъ, въ Шведской Помераніи, въ Стральзундѣ, главномъ городѣ сей провинціи, военные и таможенные посты, и все это въ полной силѣ мирнаго съ этими землями положенія и безъ всякаго предварительнаго объявленія. Всемогущество Наполеона и ужасъ внушаемый именемъ Даву, уничтожали всѣ препятствія, какія могли представиться отъ незаконности такихъ вторженій. Надобно было, какъ и всегда, чтобы слабый уступилъ сильному.

Въ Гамбургѣ составили Правительствующую Коммисію; Предсѣдателемъ въ ней былъ Маршалъ Принцъ Экмюльскій, а членами Графъ Шабанъ, Статскій Совѣтникъ управляющій внутренними дѣлами и финансами и Г. Форъ, которому было поручено образованіе судовъ и присутственныхъ мѣстъ.

Я видалъ уже нѣсколько разъ въ Мальмезонѣ Г. Шабана, дальняго родственника Іозефины. Онъ служилъ прежде Офицеромъ въ Французской Гвардіи, и припужденъ былъ сдѣлаться

эмигрантомъ, потому что во время Революціи испыталъ всякаго рода преслѣдованія; я при семъ случаѣ не могу не вспомнить про одинъ случай, который слишкомъ хорошо изображаетъ тогдашнія несчастныя времена. Будучи принужденъ, чтобы проѣхать Францію во время этихъ ужасовъ, прибѣгнуть къ переодѣванію, онъ купилъ себѣ кафтанъ и весь нарядъ извощика, телѣгу, лошадей и полную поклажу мѣшковъ съ рожью. Онъ разъѣзжалъ съ своею повозкою изъ города въ городъ, стараясь выбраться за границу. Однажды проѣзжая чрезъ Рошамбо въ Вандомской провинціи, онъ тамъ остановился и былъ узнанъ Маршаломъ Рошамбо, который боясь подвергнуть его опасности при своихъ людяхъ, обошелся съ нимъ, какъ съ простымъ извощикомъ и сказалъ ему только: «*Ступай пообѣдай въ кухнѣ.*» Какъ бы то ни было, Г. Шабанъ возвратился одинъ изъ первыхъ, когда 18 Брюмера открыло врата Франціи большему числу эмигрантовъ, которые какъ и онъ жаждали увидѣть опять свое отечество. Родство его, сначала доставило ему только мѣсто Подъ-Префекта въ Вандомѣ; но при присоединеніи Тосканы къ Франціи, Наполеонъ назначилъ его членомъ Юнты, на которую возложено было устройство этой страны. Потомъ онъ былъ Префектомъ въ Кобленцѣ и Брюкселѣ, Графомъ фабрики Бонапарте, и на-

конецъ въ вышеизъясненной мною должности. Г. Шабанъ, котораго смерть была поводомъ къ страннымъ обстоятельствамъ, какъ-то увидятъ ниже, былъ благородный человѣкъ и въ разныхъ должностяхъ своихъ, умѣлъ пріобрѣсти уваженіе и привязанность подчиненныхъ. Всѣ его честолюбивые виды клонились къ тому, чтобы его въ награду за труды его, сдѣлали Сенаторомъ, но Наполеонъ рѣшительно въ томъ отказалъ, и ему удалось только добиться до званія члена Почетнаго Легіона.

Города Анзеатическіе, будучи присоединены подъ предлогомъ ихъ благосостоянія къ великой Имперіи, скоро почувствовали благодѣтельныя слѣдствія новаго устройства возстановительнаго Правительства. Имъ тотчасъ подарили пошлину гербовую, за внесеніе въ протоколъ, за лотарею, налоги: карточный и градскіе. Такое изобиліе въ подаркахъ, возбудило, какъ можно себѣ представить, живѣйшую признательность. Назначили военный постой и сборъ потребностей для войскъ. Такой налогъ не избавлялъ отъ личнаго помѣщенія, не только Офицеровъ и солдатъ, но и всѣхъ гражданскихъ начальниковъ и ихъ чиновниковъ. Сахарные заводы, пивоварни и всякаго рода фабрики запрещены. Захватили Адмиралтейскую казну, благотворительныхъ обществъ, фабричную, экономическую и запасную для работни-

ковъ, капиталы тюремные, назначенные въ пособiе немощнымъ, страннопрiимные, сиротскiе и госпитальные.

Болѣе двухъ сотъ тысячъ человѣкъ солдатъ Италiянскихъ, Голландскихъ и Французскихъ, приходило попеременно стоять здѣсь, но только съ тѣмъ, чтобы заставить себя одѣть и обуть, а тамъ они отправлялись опять одѣтые съ головы до ногъ, какъ говорится съ иголочки. Чтобы ничего желать не оставалося, ниже увидятъ, что Даву, прежде, чѣмъ отправился къ Русской армiи въ 1812 году, учредилъ военныя коммисiи во всей тридцать второй военной дивизiи, а чтобы довершить всѣ эти угнетательныя мѣры, онъ въ тоже время учредилъ также и высшiй Таможенный Судъ. При этомъ случаѣ Г. Эудесъ, управляющiй ординарными таможнями, человѣкъ строгiй, но справедливый, сказалъ: *управленiя ординарныхъ таможенъ будутъ жалѣть; до сихъ поръ видѣли только розы.* Предполагаемыя въ этомъ судѣ разбирательства и рѣшенiя, были безъ аппеляцiи и исполнялись безъ отлагательства. По всему сказанному мною можно судить о положенiи сѣверной Германiи, о ея нищетѣ, и о томъ, какiя неудовольствiя были того слѣдствiемъ.

Во время пребыванiя моего въ Гамбургѣ, которое на этотъ разъ было непродолжительно, два дѣла занимали въ особенности Наполеона,

одно внѣшнее, а другое, сдѣлавшееся внутренним: Португальская кампанія и споры его съ Папою. Я сказалъ, какъ Наполеонъ недовольствуясь тѣмъ, что захватилъ Маркизство Анконское, чтобы присоединить его къ своему Италійскому Королевству, присоединилъ Римское Государство къ Имперіи, чтобы сдѣлать оное удѣломъ своего сына, и какъ Папа былъ похищенъ у Рима въ послѣднюю Австрійскую кампанію. Съ самаго этого времени Папа, сдѣлавъ нѣсколько переѣздовъ изъ одного города въ другой, жилъ въ Савонѣ чрезвычайно просто; я даже достовѣрно узналъ, что этотъ старецъ отказался принять миліонъ, который Императоръ хотѣлъ ему назначить. Чтобы скрыть такой отказъ, посылали все миліонъ въ Савону, и такъ какъ Цезарь Бертье былъ назначенъ, Интендантомъ дома, сформированнаго для Папы противъ его воли, то можно было быть увѣреннымъ, что этотъ любящій расходы человѣкъ его истратитъ.

Въ то время не такъ-то опасалися Римскаго проклятія, однакоже увеличили предосторожности къ тому, чтобы отлученіе отъ церкви, учиненное Піемъ VII противъ Наполеона осталось покрыто тайною; но не смотря на всѣ эти предосторожности, все обнаружилось, и Папа скоро составилъ себѣ партію между духовенствомъ. Такіе раздоры между трономъ и церковью на-

водили на Императора какое-то безпокойство, которому онъ не могъ противиться, потому что Папа съ упорствомъ не хотѣлъ и слушать ни о какихъ предложеніяхъ къ примиренію, прежде чѣмъ не будетъ возстановленъ въ Римѣ со всѣми своими правами духовными и свѣтскими. Желая убѣдить Пія VII отказаться отъ такого требованія. Наполеонъ, который въ семъ случаѣ ни за что на свѣтѣ не сдѣлалъ бы уступки, отправилъ въ Савону Нантскаго Буржскаго, Трирскаго и Турскаго Архіепископовъ, чтобы попытаться еще уладить примиреніе. Но всѣ ихъ покушенія были тщетны, и пробывъ въ Савонѣ цѣлый мѣсяцъ, они возвратились въ Парижъ съ ничѣмъ. Такая первая неудача не отняла у Наполеона надежды, нѣсколько времени спустя, онъ отправилъ другую депутацію, которая имѣла участь одинаковую съ первою. Наполеоновъ дядя Кардиналъ Фешъ объявилъ себя на сторонѣ Папы — это я знаю навѣрное; не смѣю ручаться, что онъ дѣйствительно сдѣлалъ Императору такой отвѣтъ, какъ говорили. Мнѣ разсказывали, что однажды Наполеонъ, разговаривалъ съ своимъ дядею о упорствѣ Папы; Кардиналъ сдѣлалъ ему нѣсколько замѣчаній относительно собственныхъ его поступковъ съ Его Святѣйшествомъ, который пріѣзжалъ короновать его въ Парижъ. Наполеонъ пришелъ въ бѣшенство, сказалъ, что

и Папа и дядюшка были старые дураки, прибавивъ: «Это старый упрямецъ, который ничего и слышать не хочетъ! нѣтъ, уже вѣрно я «ему не отдамъ назадъ Римъ!... Онъ не хочетъ «оставаться въ Савонѣ? . . . Ну такъ куда ему «хочется чтобы я его отправилъ?»...—«Вѣроятно «на тотъ свѣтъ.» Я уже сказалъ, что не ручаюсь за истину этаго отвѣта, но если дѣйствительно такъ отвѣчалъ Кардиналъ, то это дѣлаетъ ему честь.

Вѣрно то, что Императоръ былъ въ ужасномъ ожесточеніи на Пія VII; глядя не благопріятнымъ окомъ на сплетни, толки и происходящее отъ того волненіе умовъ, онъ хотѣлъ знать, что ему тутъ дѣлать. Папа не хотѣлъ и слышать ни о какихъ предложеніяхъ, которыя ему дѣлали, и онъ оправдывалъ свое упорство тѣмъ, что при немъ не было никого изъ такихъ особъ, которыя бы могли ему способствовать своими совѣтами. Все сіе происходило лѣтомъ 1811 года. Наполеонъ рѣшился созвать соборъ, который послѣ шести или семи сотъ другихъ соборовъ, какіе собирали съ первыхъ временъ существованія церкви, долженствовалъ можетъ быть постановить что нибудь положительное и водворить миръ въ церквѣ. Этотъ соборъ созванъ въ Парижѣ. Въ немъ было много Италіянскихъ Епископовъ.

Папа по прежнему настаивалъ, чтобы разсу-

ждали о правахъ свѣтскихъ вмѣстѣ съ дѣлами духовными. Ему отвѣчали, что хотятъ совсемъ противнаго. Такимъ образомъ уладить было нельзя. Съ помощію собора, надѣялись обойтися и безъ его Святѣйшества.

Какъ ни были расположены нѣсколько человѣкъ прелатовъ, въ особенности Италіянскихъ, отдѣлить эти двѣ статьи предлежавшаго имъ обсужденія, но вліяніе Церкви и интригъ, довольно хорошо обдуманныхъ, мало по малу дало перевѣсъ видамъ Папы. Императору надоѣло и онъ хотѣлъ кончить. Открывъ, что засѣдающіе на соборѣ Епископы и Архіепископы разослали секретныя инструкціи, онъ разсудилъ за то наказать нѣкоторыхъ изъ нихъ; Гентскій, Троаскій, Дорпинскій и Тулузскій были арестованы и отправлены въ Винсеннъ; онъ назначилъ на ихъ мѣста другихъ, потребовавъ ихъ отрѣшенія. Онъ рѣшился распустить соборъ, который ни къ чему не служилъ и въ томъ опасеніи, чтобы оный не дозволилъ себѣ сдѣлать что нибудь противъ Высочайшей его воли, каждый членъ собора составилъ особенное мнѣніе, которымъ признавалъ согласными съ уставами церкви предложенія о желаемыхъ перемѣнахъ. Въ то время увѣряли, что въ этихъ каждымъ особенно поданныхъ объявленіяхъ, они были всѣ одного мнѣнія: однакоже извѣстно навѣрное, что въ засѣданіяхъ собора, въ мнѣніяхъ было

несогласіе и многіе судили совсемъ противно тому, что въ послѣдствіи подписали, безъ сомнѣнія *по соглашенію.* Не знаю, какими глазами Папа глядѣлъ на эти письменныя мнѣнія, сравнивая ихъ съ изустными; но хотя по прежнему его держали въ Савонѣ, но онъ отказался согласиться съ тѣми, которые тайно положили свои мнѣнія. Мы скоро увидимъ его въ Фонтенебло.

Послѣ всѣхъ этихъ ссоръ съ Папою, Императоръ совершилъ еще путешествіе въ Голландію: онъ проѣхалъ до Амстердама. Конечно давно уже я не сопутствовалъ ему въ его поѣздкахъ, но такъ какъ я часто имѣлъ возможность сравнивать то, какъ дѣйствительно что происходило, съ тѣмъ какъ описывали въ общенародное извѣстіе, и еще въ то время, когда онъ, подавая Франціи надежду на мудрое и умѣренное съ его стороны правленіе, былъ истиннымъ предметомъ всѣхъ желаній, то и зналъ, что думать о пышныхъ описаніяхъ, собираемыхъ изступленными хвалителями или историками, не имѣющими собственнаго своего мнѣнія. По этому-то, не смотря на увѣренія о томъ, какія восклицанія возбуждало присутствіе Наполеона въ послѣднее его путешествіе въ Голландію, я смѣю ручаться, что ни одинъ Голландецъ не глядѣлъ на него съ удовольствіемъ. Надобно быть дуракомъ, чтобы вѣрить восторгу народа

угнѣтеннаго, ограбленнаго и раззореннаго, къ такому человѣку, который его раззоряетъ, грабитъ и притѣсняетъ, къ человѣку, который отягощаетъ народъ налогами, отъ времени до времени отымаетъ молодыхъ людей, всегда въ возрастающемъ числѣ, и который, оскорбляя этотъ народъ своею пышностiю и гордясь своимъ могуществомъ, говоритъ ему: «Вы жили торговлею? . . . ну, теперь больше «торговать не будете!» онъ же, соединяя жестокую насмѣшку съ злоупотребленiемъ силы, велитъ печатать въ Мониторѣ, что все это для величайшаго ихъ блага. Все что я зналъ, какъ изъ разговоровъ, такъ и изъ обширной моей переписки, будучи въ Гамбургѣ и послѣ того, все способствовало къ убѣжденiю меня, что эти изъявленiя радости существовали только въ воображенiи Наполеоновыхъ льстецовъ.

++

ГЛАВА V.

Попеременныя удачи и потери въ Испаніи. —Албуерское сраженіе. — Праздники по случаю рожденія Римскаго Короля. — Наполеонъ удостовѣренъ въ войнѣ съ Россіею.— Посольство Лористона въ Петербургъ.—Безполезность дипломатіи.—Невозможность сохранить миръ. — Препятствіе, причиненное континентальною системою.— Пренебреженіе Испанскою войною. — Солдаты всѣхъ народовъ, и одинъ человѣкъ.—Мои посѣщенія Саварн.— Начало нашей связи. —Моя переписка, и совѣты Герцогу Ровиго. — Общія предчувствія.—Пожертвованія, искусно отвергнутыя.—Калмыки въ Парижѣ.—Огромныя приуготовленія.—Украшенія для коронаціи и Императорскій багажъ.— Наборъ Національной гвардіи.—Трактатъ о обоюдномъ обезпеченіи пограничныхъ правъ Пруссіи и Австріи. — Условія въ пользу Оттоманской Порты.—Возобновленіе договоровъ съ Швейцарцами.

Въ продолженіи лѣта 1811 года въ Испаніи не произошло ничего рѣшительнаго: то успѣхи, ужасно дорого покупаемые, то уроны, и все съ пролитіемъ крови безъ пользы. Въ этомъ хаосѣ крови и бѣдствій, въ который Испанія

была ввергнута войною единственною изъ всѣхъ, какiя когда либо предпринимали, нѣсколько блестящихъ дѣлъ свидѣтельствуютъ храбрость нашихъ войскъ и искуство нашихъ Генераловъ: таковы Албуферское сраженiе и взятiе Таррагоны Маршаломъ Сюше, тогда какъ Веллингтонъ былъ принужденъ снять осаду Бадайозы. Эти выгоды, принося одну только славу, все таки щекотали надежду Наполеона на то, что онъ восторжествуетъ надъ полуостровомъ и давали ему возможность съ большею безпечностью наслаждаться празднествами, которыя затѣяны были въ Парижѣ въ продолженiи лѣта, чтобы достойно торжествовать рожденiе Римскаго Короля. Я уже довольно часто объяснялъ, какой я былъ не охотникъ всегда до этого пышнаго блеску, а потому нечего опасаться, что я примуся описывать здѣсь торжества сiи; да я же старался всегда быть отъ нихъ по далѣе. Торжества сiи были отправляемы до Наполеоновой поѣздки, о которой я сей часъ говорилъ; поѣздка эта продолжалась до исхода Октября мѣсяца, а тутъ онъ возвратился въ Сен-Клу.

На возвратномъ пути изъ Голландiи Наполеонъ началъ не сомнѣваться болѣе въ близкомъ и неизбѣжномъ разрывѣ съ Россiею. Тщетно послалъ онъ Лористона въ Петербургъ въ качествѣ посланника, на мѣсто Колeнкура,

который тамъ не хотѣлъ болѣе оставаться, и въ самомъ дѣлѣ что могла сдѣлать вся дипломатія, наивозможное искуство Посланника, у Правительства, которое приняло твердое намѣреніе. Уже по всей Европѣ, съ одного края до другаго были сдѣланы соглашенія; всѣ кабинеты съ горячностію желали ниспроверженія Наполеонова могущества, такъ какъ и народы съ неменьшею горячностію желали также порядка вещей менѣе вреднаго для ихъ торговли и промышленности; здѣсь то можно сказать, что настоящая сила находится только тамъ, гдѣ народы согласны, и такъ сказать въ союзѣ съ своимъ Правительствомъ. Въ крайности, въ какую приведена была Европа, никто не могъ оспоривать съ успѣхомъ желаніе Россіи и ея союзниковъ вести войну съ Франціею, и Лористонъ не больше Коленкура. Многіе другіе полагали, что Наполеонъ хочетъ мира; я уже говорилъ и объяснялъ, по чему онъ никогда не хотѣлъ его: миръ былъ противенъ его склонности, желаніямъ, выгодамъ, неограниченному честолюбію; сверхъ того миръ былъ противенъ и его нравственному образованію. Но предполагая даже, что онъ бы желалъ мира, возможенъ ли былъ тогда миръ, не смотря на внушаемый именемъ его страхъ? Правда, что вмѣстѣ съ симъ страхомъ, и безпрестаннымъ распространеніемъ границъ Франціи, представлялася эта

проклятая континентальная система, которая разрѣшала вопросъ; надлежало сражаться или пасть; солдаты Кортеса, когда этотъ безстрашный удалецъ сожегъ свои корабли, не столько имѣли необходимости покорить Американскiе страны, сколько Сѣверные народы сокрушить свинцовое иго, которое дѣлали таможни перваго агента Правительствъ Европы. Только одинъ голосъ могъ возвыситcя противъ Бонапарте; ему только можно было предохранить свои границы отъ вторженiя, и уклониться отъ этой раззорительной системы. Е ли Императоръ полагался на условiя, по которымъ разныя Державы покорялися его власти, то это было только для виду.

Какъ бы то ни было, сiя неминуемая война, къ которой надобно было готовиться, принудила Наполеона пренебречь Испанiю и оставить тамъ дѣла въ истинно опасномъ положенiи. Занятiе Испанiи и очень извѣстное намѣренiе тамъ держаться, были также причинами, побуждавшими Державы вести войну, потому что Наполеоновы силы были раздѣлены.

Внезапно войска, бывшiе въ Италiи или на Сѣверѣ Германiи двинулись къ границамъ Русской Имперiи.

Съ Марта мѣсяца 1811 года Императоръ имѣлъ въ своемъ распоряженiи почти всѣ военныя силы Европы. Всѣ дивятся такому со-

единенію народовъ, различныхъ нравовъ, нарѣчій, вѣръ и побужденій, готовыхъ сражаться за одного человѣка, съ Державою, которая имъ ничего не сдѣлала. Самая Пруссія, которая не могла простить ему своихъ несчастій, также вступила въ союзъ съ нимъ, впрочемъ очень естественно съ намѣреніемъ разорвать этотъ союзъ при первомъ случаѣ.

Я уже не сомнѣвался въ приготовленіяхъ къ войнѣ Россіи, когда еще былъ Французскимъ Полномочнымъ Министромъ въ Гамбургѣ, и видѣли, какъ я былъ вознагражденъ за то, что доставилъ первыя о томъ свѣдѣнія Императору; все, что узналъ я во время вторичнаго моего въ семъ городѣ пребыванія, доказало мнѣ, какъ основательны были полученныя мною свѣдѣнія. По возвращеніи моемъ, я продолжалъ, какъ и прежде, видѣться часто съ Министромъ Полиціи Герцогомъ Ровиго. Я знакомъ съ нимъ былъ съ самаго Маренгскаго сраженія. Подпора, какую онъ мнѣ оказывалъ у Императора противъ враговъ моихъ, его дружескіе и откровенные разговоры, словомъ всѣ со мною поступки, внушали мнѣ истинную къ нему привязанность. Въ молодости вступивъ въ военную службу, онъ былъ пораженъ великими дѣлами человѣка, о которомъ Дезе часто съ нимъ разговаривалъ (*). Поступивъ въ 1800 году въ Адъютанты къ

(*) Савари былъ у Дезе Адъютантомъ.

Наполеону, онъ положилъ въ душѣ своей начало признательности и преданности, которыя границъ не имѣли. Все, чемъ ему попрекаютъ, должно приписать этимъ двумъ чувствамъ. Если онъ что дѣлалъ худо, то это отъ заблужденія, или изъ преданности; но онъ никогда не подавалъ худыхъ совѣтовъ. Я долженъ сказать, что онъ съ жадностію выслушивалъ все, что я сообщалъ ему о нашихъ дѣлахъ, и когда былъ въ чемъ убѣжденъ, то дѣйствовалъ, сколько то ему дозволяли характеръ и виды Императора.

Когда въ 1811 году поговаривали уже о войнѣ съ Россіею, то мы часто имѣли разговоръ объ этомъ предметѣ. Я ему сообщалъ все, что доходило до меня изъ за границы объ этомъ обширномъ предпріятіи. Герцогъ Ровиго раздѣлялъ мои и корреспондентовъ моихъ предчувствія, и еслибъ слушались только его, или тѣхъ, кто одинаково съ нимъ думалъ, то вѣроятно войны бы не было. Отъ него я узналъ о особахъ, которыя подстрекали къ сему вторженію. Ихъ ненасытное честолюбіе влекло ихъ къ войнѣ; Вице-Королевства, Княжества, староствы, помѣстья, не дозволяли имъ видѣть козаковъ въ Парижѣ. Герцогъ Ровиго, получавшій отъ всюду важныя извѣстія обовсемъ, что происходило въ Европѣ, все проповѣдывалъ миръ; я говорю это потому, что оно было правда. Самое безумное честолюбіе, совершенное ослѣпленіе, и

низкая безпрестанная лесть, имѣвшая основаніемъ собственныя свои выгоды, могли только заставить поднять оружіе въ 1812 году, и воспрепятствовать потомъ положить ихъ въ Дрезденѣ. Безъ сомнѣнія надобно было дѣлать уступки, но тѣ, которыхъ требовали союзники на Прагскихъ совѣщаніяхъ, были справедливы. Рейнъ границею и все что сверхъ того оставляли Франціи, не было ли для нея достаточно? Чѣмъ у насъ теперь менѣе противъ того, что было въ 1788 году? а мы видѣли Калмыковъ въ Парижѣ и какъ въ Каруселѣ располагались козаки на бивакахъ.

Однажды принятая рѣшимость дать ходъ гиганскому предпріятію, на которое Наполеонъ пустился зажмуривъ глаза, была поводомъ къ такимъ огромнымъ пріуготовленіямъ, что можно было сказать, что дѣло идетъ о покореніи цѣлаго міра, и въ первый разъ, конечно для того, чтобы совершить торжественный входъ въ древнюю Русскую столицу, въ Императорскомъ багажѣ находились блестящія орудія, служившія украшеніемъ при торжествѣ коронованія; извѣстно, какова была ихъ участь, что короновальная карета, этотъ надменный трофей, въ послѣдствіи сдѣлалась предметомъ торговыхъ оборотовъ въ Лондонѣ. Предъ отъѣздомъ, Наполеонъ, уводя съ собою всѣ войска, которыми располагать могъ, велѣлъ составить

Сенатское опредѣленiе о наборѣ нацiональной гвардiи, съ раздѣленiемъ на три ополченiя. Нацiональная гвардiя! гражданская милицiя, которой воззванiе было только уклоненiемъ въ неограниченной системѣ правленiя Императора! Онъ также устроилъ свои дипломатическiя дѣла, заключивъ въ Февралѣ 1812 года наступательный и оборонительный союзъ съ Пруссiею, союзъ, по силѣ котораго обѣ договаривающiяся Державы обезпечивали неприкосновенность своихъ настоящихъ владѣнiй; въ дополненiе онѣ обезпечивали владѣнiя Оттоманской Порты въ Европѣ, потому что она тогда была въ войнѣ съ Россiею; такой же трактатъ былъ заключенъ въ началѣ Марта мѣсяца съ Австрiею, а въ концѣ того же мѣсяца Наполеонъ возобновилъ договоръ Францiи съ Швейцарiею.

++

ГЛАВА VI.

Боязнь и необходимость говорить обо мнѣ. — Ожесточеніе моихъ враговъ.—Злое дѣло служитъ утѣшеніемъ за Вице-Королевство.—Мѣры, принятыя противъ доносовъ.—Записка, поданная мною прямо Императору.—Ожье-де ла Соссей·—Таинственная шкатулка.—Тайна всѣми узнанная.—Старинная книжка и возобновленные доносы. — Изобличеніе и молчаніе Наполеона. — Требованіе быть отданнымъ подъ судъ.—Наполеонъ не одобряетъ и презираетъ доносы.—Совѣты Дюрока.—Порядокъ, какой учредилъ Бонапарте во внутреннихъ дѣлахъ.—Опасенія отъ пребыванія Папы въ Савонѣ.—Перемѣщеніе Папы въ Фонтенебло.—Помѣщеніе Г. Денона при Піѣ VII.—Дружеское расположеніе Папы къ Г. Денону.—Странный случай.—Египетскія древности, первая книга Моисеева и невольное отлученіе отъ церкви. —Мнѣніе Папы на счетъ его положенія.—Отъѣздъ Наполеона и Маріи Луизы въ Дрезденъ.—Монархи придворные и Королевская гостиная.—Разность между Дрезденомъ и Эрфуртомъ. — Другъ дѣлается врагомъ.—Дурное положеніе дѣлъ въ Испаніи и Португаліи.—

Смѣю надѣяться, что если мои читатели имѣютъ въ чемъ попрекнуть меня, то покрайней

мѣрѣ это не въ томъ, что я говорилъ слишкомъ много о себѣ самомъ; я заслоняю себя, сколько могу, особами болѣе важными, которыхъ видѣлъ близко и съ которыми мнѣ хочется познакомить ихъ. Однако же есть такiя обстоятельства, которыя лично до меня касаются и о которыхъ я молчать не долженъ: таковы позорныя клеветы, которыми безпрестанно меня преслѣдовали, съ непремиримымъ ожесточенiемъ, съ той самой минуты, какъ обязанности мои въ Гамбургѣ долженствовали получить конецъ, по причинѣ, какъ я сказалъ выше, присоединенiя Анзеатическихъ городовъ къ великой метрополiи матерой земли. Сказанное мною по сему предмету, думаю, не оставило сомнѣваться въ томъ, отъ куда происходили всѣ эти клеветы, и случилося то, что случается почти всегда, что выгоды способствовали къ раздраженiю могущаго и честолюбиваго человѣка, котораго я оскорбилъ самолюбiе, сказавъ первому Консулу объ немъ истину. Я думаю, что то зло, какое мнѣ причинилъ Даву, утѣшило его въ томъ, что онъ не сдѣлается Вице-Королемъ Польскимъ.

Онъ былъ такимъ Вице-Королемъ только въ своихъ надеждахъ, когда въ Мартѣ мѣсяцѣ 1812 года, я видя, что предстоящая война необходимо увлечетъ Наполеона изъ Францiи, къ тому же утомясь отъ безпрестанныхъ мною испы-

тываемыхъ преслѣдованій, отъ угрозъ которыхъ я ежедневно былъ предметомъ, рѣшился проложить конецъ, если можно будетъ этимъ наемнымъ крикамъ. Я принялъ свои мѣры, написалъ прямо къ Императору, и послалъ ему обо всѣхъ моихъ поступкахъ записку, которую не назову оправдательною, потому что мнѣ оправдываться было не въ чемъ, а запискою объяснительною, въ которой я ему доказалъ глупость и добровольную злость моихъ обвинителей. Между прочимъ въ числѣ ихъ находился нѣкто Ожье де ла Соссей, который подалъ на меня доносъ Императору. Мнѣ нетрудно было показать, какая клевета находилась въ доносѣ этого человѣка. Но чтобы неслишкомъ наскучить читателю этими непріятными распрями, я удовольствуюсь тѣмъ, что покажу, только, кто былъ главою сдѣланнаго противъ меня доноса, и какое я за долгъ почелъ подать объясненіе.

Доносъ Ожье де ла Соссея оканчивался такъ: «Я прилагаю къ моему донесенію допросы, сдѣланные Гг. Фестфалену, Ози, Шапо-Ружу (*), Аукгеру, Тіери и Гумпрехтъ-Маресу. Допросъ сего послѣдняго наиглавнѣйше имѣлъ въ пред-

(*) Того, чрезъ посредство котораго Бонапарте, первый Консулъ, получилъ пять миліоновъ, смягчившихъ гнѣвъ его въ дѣлѣ Наппуи-Танди, и которые, какъ извѣстно, не поступали въ казну Правительства.

метѣ *одну таинственную шкатулку*, и допрашиваемый присовокупилъ: *Нельзя разъяснить этой тайны, хотя можно очень вѣрить ея дѣйствительности.*» Таковы его выраженія.

Читатель, слава Богу, теперь знаетъ, что думать о таинственной шкатулкѣ; дѣло шло просто о моихъ бумагахъ, которыя я положилъ въ шкатулку, и которыя зарылъ, какъ я говорилъ выше, опасаясь, чтобы ихъ у меня не похитили; безъ какой предосторожности мнѣ бы невозможно было сообщить свѣту собственноручныя бумаги, оставшіяся у меня и составляющія, по моему мнѣнію, самую существенную часть моихъ записокъ.

Сверхъ сего вотъ какъ я кончилъ протестъ мой Императору, намѣкая на бездѣльническое выраженіе, которое читали выше: «Вотъ Госу-«дарь выраженія самыя вѣроломныя и лютыя «рапорты Г-на Ожье. Гумпрехтъ, будучи до-«прошенъ по сему предмету, отвѣчалъ, что до-«носчикъ, вѣроятно, читалъ это, какъ и онъ «самъ, въ безчестной книжкѣ, напечатанной за «семь или за восемь лѣтъ тому назадъ, подъ «заглавіемъ, кажется: *Тайны Тюльерійскаго ка-«бинета*, о которой вѣроятно тогда же донесе-«но было Вашему Величеству Полиціею. Въ са-«мой вещи въ этомъ пасквилѣ, въ которомъ «относятся обо мнѣ самымъ ужаснымъ обра-«зомъ, сказано, что *когда я покинулъ перваго*

«Консула, то унесъ съ собою шкатуклу съ важ-
«ными бумагами, за что и былъ посаженъ въ
«Тампль; что вашъ братъ Іосифъ пришелъ
«туда ко мнѣ отъ вашего лица, и предложилъ
«мнѣ свободу и миліонъ, съ тѣмъ, чтобы я
«отдалъ бумаги, но я отказался . . . и тысячу
«чу такихъ же глупостей и нелѣпостей. Ожье,
«вмѣсто того, чтобы отыскать этотъ пасквиль
«въ Гамбургѣ, гдѣ я его читалъ, имѣлъ без-
«стыдство повѣрить доносчику, не смотря на
«формальное показаніе допрашиваемаго и его
«утвержденіе, которое можно было тотчасъ
«повѣрить. Между тѣмъ Ожье присовокупляетъ:
«Эта тайна, которой дѣйствительности очень
«можно вѣрить. Ваше Величество изволите
«знать, былъ ли я когда посаженъ въ Тампль
«и дѣлалъ ли мнѣ Іосифъ подобныя предложе-
«нія. Какъ, Государь, могъ бы я видѣть хлад-
«нокровно, что подобнымъ людямъ ввѣрена
«судьба семействъ! Какъ не негодовать тѣмъ,
«что осмѣливаются безъ доказательствъ, безъ
«всякихъ признаковъ, обвинять въ нарушеніи
«вѣрности того, кому остается сладостная и
«утѣшительная увѣренность, о которой Ваше
«Величество мнѣ нѣсколько разъ повторяли,
«что вы изволите отдавать справедливость моей
«вѣрности и скромности. По этому, Государь,
«можете судить, что сей рапортъ составленъ
«изъ лжи; дѣло подлости и глупости.

«Я оканчиваю, Государь, скучнымъ и горест«нымъ разсмотрѣніемъ моего обвиненія. Несправедливаго доноса Г. Ожье де Соссея недостаточно будетъ, чтобы изгладить четырнадцатилѣтнюю безпорочную службу и заставить произнести противъ меня анафему, которая можетъ «распространиться на все мое семейство.

«Изволите видѣть, Государь, каково мое положеніе. Мѣста, которыя занималъ я, степень, на которой находился въ свѣтѣ, довѣренность, которою меня удостоили въ продолженіи столькихъ лѣтъ, все казалося надлежало открыть мнѣ путь къ почестямъ и отличіямъ; а вмѣсто того я вынужденъ просить, съ величайшимъ сокрушеніемъ сердца, изслѣдованія дѣла, которое не оканчивается. Я долженъ сражаться съ врагами подлыми и жестокими, которые поражаютъ меня во мракѣ, и которыхъ я знаю ядовитыя стрѣлы только потому что плачу рукѣ, пустившей ихъ.

«Умоляю Ваше Величество положить конецъ такому порядку вещей, который ведетъ меня къ могилѣ; приказать судить меня, если я виноватъ, или объявить меня невиннымъ, если имѣете доказательство моей невинности.»

Тщетно я ходатайствовалъ у Императора объ оказаніи мнѣ *милости* отдачею меня подъ судъ, потому что дѣйствительно я считалъ бы это за милость, тогда какъ меня оставляли

предметомъ голословныхъ обвинений; но всѣ мои по сему премету просьбы были безполезны. Письмо мое къ Императору осталось безъ отвѣта; но доносы оставались еще болѣе безъ дѣйствія, что, какъ ниже увидятъ, не лишило бодрости людей съ ожесточеніемъ меня преслѣдовавшихъ.

Сверхъ того, хотя Бонапарте не разсудилъ удѣлить нѣсколько минутъ на то, чтобы отвѣчать прежнему своему другу, но я зналъ отъ Дюрока, какое презрѣніе внушали въ него мои второстепенные обвинители. Дюрокъ мнѣ сказалъ, чтобы я оставался покоенъ, и что, по всѣмъ вѣроятіямъ, послѣ вновь предпринимаемой войны, Императоръ разувѣрится на счетъ тѣхъ предубѣжденій, которыя въ него противъ меня вселены, и я долженъ сказать, что если онъ не разувѣрился, то это не зависѣло ни отъ Дюрока, ни отъ Савари, которые знали, а особливо послѣдній, что думать объ основаніи этихъ достойныхъ презрѣнія интригъ.

Рѣшася наконецъ распростерть границы своей имперіи, или лучше сказать идти отмстить въ Россіи оскорбленія, нанесенныя его континентальной системѣ, Наполеонъ, по обычаю, принятому имъ еще съ того времени, какъ онъ былъ главнокомандующимъ въ Италіи, каждый разъ когда перемѣнялъ мѣсто своего пребыва-

нія, устроивать текущія дѣла, и въ эти-то минуты неизмѣримость и множество его идей, представлялись истинно чудеснымъ образомъ. Посреди тѣхъ мыслей, которыя занимали его душу предъ отъѣздомъ въ Германію, одна въ особенности его томила и брала верхъ надъ другими. Онъ часто думалъ о непреклонности Папы согласиться на какія либо условія, и Савона стала казаться ему недовольно надежною для такого плѣнника; онъ опасался, чтобы, когда всѣ его силы двинуты будутъ къ Нѣману, Англичане не покусились на похищеніе, или чтобы Италіянцы, подстрѣкаемые духовенствомъ, которое въ Италіи было вообще недовольно, не пустились бы въ духовныя смятенія, которыя всегда пагубны и неудобны къ усмиренію По этому, желая обезпечить себя на счетъ того, чтобы Папа оставался всегда въ его распоряженіяхъ, онъ призвалъ его въ Фонтенебло, а прежде еще хотѣлъ, чтобы онъ жилъ въ самомъ Парижѣ. Нашъ любезный товарищъ по Египетской кампаніи, Г. Денонъ былъ назначенъ Наполеономъ состоять при Его Святѣйшествѣ, и при этомъ случаѣ я не могу не вспомнить объ одномъ довольно любопытномъ анекдотѣ, который послѣ мнѣ самъ Г. Денонъ росказывалъ.

Папа очень подружился съ Г. Денономъ и я долженъ признаться, что посреди обидъ, кото-

рыхъ предметомъ былъ Пій VII, нельзя не почесть за похвальное вниманіе со стороны Наполеона то, что онъ приставилъ къ знаменитому своему плѣннику человѣка, съ столь хорошимъ обращеніемъ и столь способнаго ко всѣмъ щекотливостямъ поведенія, какое требовалось отъ настоящаго его положенія.

«Папа взялъ себѣ въ привычку говорить мнѣ ты, сказалъ мнѣ Г. Денонъ; онъ называлъ меня всегда: сынъ мой; кажется ему очень пріятно было со мною разговаривать, особливо когда я ему расказывалъ про нашу Египетскую экспедицію, о которой онъ часто меня распрашивалъ. Однажды онъ просилъ меня дать ему прочесть изданное мною сочиненіе о Египетскихъ древностяхъ; но такъ какъ въ немъ не все согласно съ православіемъ, съ разными изъясненіями и даже на счетъ эпохи созданія міра по первой книгѣ Моисеевой, то я сначала колебался; онъ настаивалъ, и я исполнилъ его желаніе. Святый отецъ сказалъ мнѣ, что чтеніе моей книги очень пріятно его заняло; я старался какъ нибудь отклонить щекотливыя изысканія: «Все равно, сказалъ онъ нѣсколько разъ повторяя, все равно сынъ мой; все это очень любопытно; право я не зналъ этаго.» Тогда, продолжалъ Г. Денонъ, я счелъ, что могу сказать Его Святѣйшеству, какая была причина тому, что я колебался дать ему это со-

чиненiе; я признался ему, что онъ отлучилъ отъ церкви и книгу и ея сочинителя. «Отлу-«чилъ отъ церкви! тебя, мой сынъ, возразилъ «Папа съ самымъ трогательнымъ добродушiемъ, «я тебя отлучилъ отъ церкви! ахъ какъ мнѣ «жаль! увѣряю тебя, что со всѣмъ безъ намѣ-«ренiя.» Г. Денонъ, разсказывая мнѣ этотъ анекдотъ съ тою остротою, какую онъ умѣлъ употреблять въ своихъ расказахъ, увѣрялъ меня, что во все время пребыванiя его въ Фонтенебло, добродѣтели и покорность судьбѣ Святаго Отца, его безпрестанно трогали; но что не смотря на то, легче было бы сдѣлать его мученикомъ, чѣмъ заставить уступить въ чемъ нибудь, пока ему не возвратятъ верховную свѣтскую власть въ Римѣ; онъ считалъ себя блюстителемъ этой власти, и ни какъ не хотѣлъ, чтобы его могли попрекнуть въ добровольной ея потерѣ.

Наполеонъ, успокоясь на счетъ мѣста пребыванiя Папы, поѣхалъ наконецъ въ Дрезденъ, взявъ съ собою Императрицу Марiю Луизу, которая изъявила желанiе повидаться съ своимъ родителемъ. Въ это время я очень долго не могъ видѣться съ Iозефиною, потому, что она тогда имѣла свое пребыванiе въ прекрасномъ Наварскомъ имѣнiи, близъ Эвре.

Пребыванiе Наполеона въ Дрезденѣ не было,

какъ часто говорили, самымъ лучшимъ временемъ его славы, но это было самое блестящее время того Императорскаго тщеславія, которое явилъ онъ тогда въ столь высокой степени, что завелъ въ своемъ дворцѣ *залу Королевскую*, точно такъ, какъ въ Тюльери была зала Принцевъ и Маршаловъ. Но, кто захочетъ разсмотрѣть основательно мысль о такомъ числѣ Принцевъ и Монарховъ, судьбою превращенныхъ въ придворныхъ солдата Французской Республики, тотъ увидитъ, что сіе собраніе, каково бы нибыло великолѣпіе онаго, не представляло Наполеона въ такомъ положеніи, которое бы можно было сравнить съ тѣмъ, въ какомъ онъ находился на Эрфуртскомъ свиданіи. Какая разница между политическими причинами, которыя собрали Королевскій дворъ въ Саксонской столицѣ, съ торжественнымъ изъявленіемъ дружбы, которое было причиною прибытія въ Эрфуртъ этого благороднаго Тильзитскаго друга, готовящагося теперь измѣриться оружіемъ съ Наполеономъ! Это гигантское предпріятіе, можетъ самое обширнѣйшее изо-всѣхъ, какія только производилъ умъ человѣческій съ самого покоренія Индіи Александромъ, обращало на себя взоры всѣхъ, занимало всѣ мысли и устрашало расчеты разсудка. Не думали уже больше о Мансанареѣ, а о Нѣманѣ, который былъ уже столь знаменитъ по Тильзитскому

плоту. Къ этому пункту, какъ къ единственному средоточію, стремились со всѣхъ концевъ твердой земли Европы люди, лошади, повозки, продовольствія и багажи всякаго рода. Наполеонова армія состояла не изъ однихъ Французовъ, и не только изъ войскъ взятыхъ изъ странъ непосредственно подъ его вліяніемъ находящихся, какъ то Испаніи, Италіи, Швейцаріи и Рейнскаго союза. Ни Пруссія, ни Австрія не имѣли возможности, остаться въ нейтральномъ положеніи. Пруссія долженствовала на свою долю поставить пятнадцать тысячъ человѣкъ, подъ командою Генерала Горка, а Австрія армію въ тридцать тысячъ подъ начальствомъ Князя Шварценберга, который вмѣстѣ съ тѣмъ сохранилъ и свое званіе посланника при Наполеонѣ.

Тотчасъ Россія сдѣлалася предметомъ всѣхъ взоровъ, всѣхъ честолюбивыхъ видовъ Генераловъ, всѣхъ надеждъ Офицеровъ, всѣхъ опасеній людей благоразумныхъ. Испанская война болѣе и болѣе дѣлалась несчастною, но возбуждала только слабое участіе; люди наиболѣе отличившіеся въ военномъ искуствѣ считали за не милость, когда ихъ посылали въ полуостровъ, или удерживали тамъ. Впрочемъ не нужно большей прозорливости, чтобы заранѣе предвидѣть ту эпоху, когда Французы будутъ принуждены опять переходить Пиринейскія го-

ры. Я сокращаю, сколько могу, собранныя мною замѣчанія объ этой не благодарной войнѣ, которой подробности дѣлаются скучными для того, кто не посвятилъ себя предпочтительно узученію военнаго искуства. Непріятель дѣйствовалъ все наступательно; у него было шестдесятъ тысячъ человѣкъ, а мы не могли ему противопоставить болѣе и половины; къ тому же наши войска были разсыпаны въ малыхъ дивизіяхъ подчиненныхъ разнымъ Начальствамъ. — Іосифъ хотя и возвратился въ Мадридъ, но ни одинъ изъ нашихъ Генераловъ не считалъ себя подъ его командою. Непріятель имѣлъ въ изобиліи продовольствіе, потому что его встрѣчали какъ избавителя и отъ того, что онъ за все платилъ щедрою рукою, тогда какъ у насъ былъ во всемъ недостатокъ, потому что мы были предметомъ ненависти Испанскаго народа, и солдатамъ нашимъ неосталось другаго средства къ пропитанію, какъ грабежъ, отъ чего еще въ высочайшей степени возрастало ожесточеніе жителей противъ Французовъ.

Я могу увѣрить, что если скрывали часто истину отъ Императора по множеству предметовъ, то поступили совсемъ иначе въ разсужденіи положеній Испаніи весною 1812 года, то есть незадолго до отбытія его въ Дрезденъ. Съ самого Февраля мѣсяца Герцогъ Рагузскій

говорилъ ему объ этомъ откровенно; онъ не скрывалъ отъ него, что Португальская и Испанская армiи не могли безъ значительныхъ подкрѣпленiй людьми и деньгами, надѣяться на важныя выгоды, потому что уже Цiудадъ—Родриго и Бадайозъ, достались во власть Англичанамъ.

ГЛАВА VII.

Русская кампанія и описаніе ея Г. Филиппа Сегюра. — Наполеонъ обвиняетъ Жюно. — Подробности, сообщенныя мнѣ Раппомъ. — Хорошій характеръ и прямодушіе Раппа. — Превосходное сужденіе Раппа о Русскихъ. — Опасеніе дурнаго расположенія духа Императора — Предвѣщаніе Раппа Наполеону. — Мюратъ опередилъ Императора въ Данцигѣ. — Неаполитанскій Король. — Разговоръ Раппа съ Бонапарте. — Искренность Адъютанта, и дурное расположеніе духа Государя. — Въ глазахъ Наполеона Мюратъ перемѣнился. — Болѣзнь и грусть. — Взаимныя жалобы Бонапарте и Мюрата. — Ужинъ Императора съ Мюратомъ, Бертье и Раппомъ. — Мнѣніе Наполеона о союзѣ его съ Пруссіею и Австріею. — Зло, причиненное союзникамъ. — Одинъ Раппъ говоритъ съ Наполеономъ. — Одобреніе безъ подражанія.

Между тѣмъ, какъ дѣла въ Испаніи принимали дурной оборотъ, Наполеонъ, покинувъ Дрезденъ, откуда Императрица возвратилась въ Парижъ, пустился къ Смоленску. Не стану входить въ извѣстныя всѣмъ подробности, относительно кампаніи и послѣдовавшихъ за нею

бѣдствiй; я думаю мало кто не читалъ описанiя оной въ превосходномъ сочиненiи Г. Филиппа Сегюра. Къ тому же извѣстно, что это Смоленское дѣло не имѣло всего ожиданнаго успѣха. Наполеонъ обвинялъ Жюно, что онъ не отрѣзилъ отступленiя непрiятелю, потерпѣвшему уронъ подъ стѣнами сего города, потому что онъ не перешелъ за рѣку, омывающую тѣ стѣны, чтобы дало ему возможность отрѣзать отступленiе Русскихъ, очутясь прежде ихъ на Московской дорогѣ. Какова бы ни была ошибка Жюно, все она не могла имѣть большаго влiянiя на послѣдствiя этой кампанiи. Однакоже побѣда осталась на нашей сторонѣ; только въ то же самое время, когда эта побѣда не могла имѣть важныхъ послѣдствiй, мы проиграли въ Испанiи Саламанхское сраженiе, и Веллингтонъ вступилъ въ Мадридъ.

До начатiя своихъ великихъ операцiй на Нѣманѣ и Волгу, Наполеонъ сдѣлалъ поѣздку въ Данцигъ, и я буду говорить объ этомъ обстоятельствѣ, потому что Раппъ, бывшiй тогда въ семъ городѣ Губернаторомъ, сообщилъ мнѣ о сдѣланномъ ему Императоромъ посѣщенiи весьма любопытныя подробности. Удаленный отъ двора, при которомъ онъ присутствовалъ при бракосочетанiи Наполеона съ Марiею Луизою, Раппъ не сдѣлался придворнымъ; онъ по прежнему говорилъ правду Бонапарте, и по прежне-

му же говорилъ съ нимъ со всею откровенностію, потому что видя его болѣе въ лагеряхъ, чѣмъ во дворцѣ, онъ продолжалъ видѣть въ немъ больше Генерала, у котораго онъ былъ Адъютантомъ, чѣмъ Государя; но не смотря на такое различіе, котораго самъ Раппъ можетъ быть не дѣлалъ, ничто не могло сравниться съ его преданностію, которую онъ доказывалъ не лестью, а когда-то надобно было, такъ жертвуя собственною своею особою. Раппъ оплакивалъ Наполеоново паденіе; извѣстно, что онъ оплакивалъ его смерть при Лудовикѣ XVIII; но то, что не всякой знаетъ, это-то, что если бы слушались его совѣтовъ, и если бы тѣ, кто выше былъ его, поддерживали эти совѣты, то Бонапарте не пробовалъ бы удачи въ войнѣ до тѣхъ поръ, пока не испыталъ совершенной неудачи.

«Выѣхавъ изъ Дрездена, сказалъ мнѣ Раппъ, Наполенъ поѣхалъ въ Данцигъ; я навѣрное ожидалъ, что онъ мнѣ *помоетъ голову*, потому что, надобно признаться, я обходился уже слишкомъ безъ церемоніи съ его таможнею и таможенными, которые надѣлали Франціи столько же враговъ, сколько подъ моимъ управленіемъ было жителей. Я даже посадилъ въ тюрьму одного Директора таможни, который вздумалъ поупрямиться со мною; онъ жаловался; на меня доносили Императору; но не смотря,

что онъ отдалъ мнѣ должную справедливость, я все думалъ, что онъ будетъ сердиться, потому что онъ долженъ былъ знать, что я не во всей точности исполнялъ предписанія его, относительно введенія Англійскихъ товаровъ и колоніальныхъ припасовъ; я видѣлъ, какъ жалки были эти бѣдняки и у меня не достало духу обходиться съ ними строго. Съ другой стороны, я предупредилъ его въ одномъ изъ своихъ рапортовъ о томъ, что происходило въ Россіи, о всемъ что случилось послѣ, и увѣряю тебя, что никакъ не думалъ, что я такой хорошій пророкъ; я писалъ къ нему, въ началѣ 1812 года: «Если Ваше Величество испытаете «неудачу, то можете быть увѣрены, что Русскіе «и Германцы возстанутъ общею громадою, что«бы свергнуть иго: это будетъ крестовый по«ходъ; всѣ ваши союзники васъ покинутъ. Ко«роль Баварскій, на котораго вы такъ много «надѣетесь, самъ присоединится къ союзу. Я «исключаю только одного Саксонскаго Короля; «можетъ быть онъ вамъ останется вѣренъ, но «его подданные принудятъ его дѣйствовать за «одно съ вашими непріятелями»

Приводимый мною здѣсь разговоръ, я имѣлъ съ Раппомъ уже послѣ втораго возстановленія; хотя мы въ то время избрали для себя всякой свой цвѣтъ, но таже дружба царствовала между нами, какъ и во время нашей старинной

пріязни въ Малмезонѣ, такъ и тогда, какъ во время Булонскаго лагеря, онъ вмѣстѣ съ Дюрокомъ, употреблялъ столько усилій у Перваго Консула, чтобы убѣдить его призвать меня, чтобы и случилось, какъ видѣли, если бы не интриги завистниковъ. Я обратился опять къ тому опасенію, которое онъ имѣлъ въ Данцигѣ на щетъ дурнаго пріема, какой ожидалъ его со стороны Императора. «Неаполитанскій Король, которому было поручено въ арміи командованіе кавалеріею, сказалъ мнѣ Раппъ, прибылъ въ Данцигъ, прежде Императора, и Мюратъ не въ лучшемъ противъ самаго меня видѣ взиралъ на послѣдствія начинавшейся кампаніи. Къ тому же Мюратъ былъ очень недоволенъ тѣмъ, что Императоръ не хотѣлъ ему дозволить пріѣхать къ нему въ Дрезденъ; онъ мнѣ сказалъ, что стыднѣе быть такимъ какъ онъ Королемъ, чѣмъ простымъ Гренадерскимъ Капитаномъ. Здѣсь я прервалъ Раппа, чтобы пересказать ему то, что я слышалъ подобнаго отъ самаго Мюрата, встрѣтясь съ нимъ на Елисейскихъ поляхъ. «Ба! возразилъ Раппъ; какъ ни былъ храбръ Мюратъ (*), при Императорѣ дѣлался не лучше *мокрой курицы*, и я тебѣ это докажу: когда Императоръ пріѣхалъ въ Данцигъ, Мюратъ и я, первые его встрѣтили. Такъ какъ онъ тогда очень усталъ, то сдѣлавъ

(*) Въ то время Мюрата уже не было на свѣтѣ.

мнѣ нѣсколько вопросовъ относительно Данцига, онъ насъ отпустилъ, но скоро велѣлъ позвать опять къ себѣ меня одного и говорилъ со мною, ни какъ не касаясь тѣхъ предметовъ, которыхъ я опасался. Какъ скоро Констанъ (*) кончилъ его одѣвать, то первое, о чемъ онъ началъ мнѣ говорить, было союзъ, заключенный имъ съ Пруссiею и Австрiею. Такъ какъ я управлялъ за него въ союзной землѣ, то и не могъ удержаться, чтобы не сказать ему, что къ сожалѣнiю мы дѣлали много зла, какъ союзники, въ чемъ я слишкомъ былъ уже удостовѣренъ, по получаемымъ мною ежедневно донесенiямъ о поведенiи нашихъ войскъ. Императоръ кивнулъ головою, какъ, знаешъ, онъ всегда дѣлывалъ, когда не совсемъ былъ въ духѣ. Помолчавъ съ минуту, онъ сказалъ мнѣ, не говоря ты: «Господинъ Генералъ, «все это ничто иное какъ потокъ, которому «надо дать протечь; оно продолжится не долго; «прежде всего мнѣ надобно знать, хочетъ ли «Александръ положительно войны.» Тутъ онъ внезапно перемѣнилъ предметъ разговора, и сказалъ мнѣ: «Не нашли ли вы въ Мюратѣ че-«го-то необыкновеннаго; что касается до меня, «такъ я нахожу, что онъ перемѣнился. Боленъ, «что-ли онъ?—Государь, отвѣчалъ я, Мюратъ «не боленъ, но опечаленъ.—Опечаленъ! а чемъ?

(*) Констанъ былъ старшiй камердинеръ Императора.

«Развѣ онъ не радъ быть Королемъ?—Государь, «Мюратъ говоритъ, что онъ не Король.—Самъ «онъ въ томъ виноватъ! За чѣмъ онъ Неаполи«танецъ? . . . За чѣмъ не Французъ? . . . Когда «онъ у себя въ Королевствѣ, такъ ничего тамъ «не дѣлаетъ, кромѣ глупостей; онъ покровитель«ствуетъ торговлѣ съ Англіею, а я этого не «хочу.»

Я думалъ, прибавилъ Раппъ, когда онъ говорилъ о снисхожденіи, оказываемомъ Мюратомъ торговлѣ Неаполитанцевъ съ Англіею, что дойдетъ и до меня очередь, однако ничего не бывало, и разговоръ на томъ остановился; и даже, когда я уходилъ, то Императоръ сказалъ мнѣ, точно какъ во время величайшаго своего ко мнѣ благоволенія: «Раппъ, ты сего дня бу«дешъ со мною ужинать.» Я ввечеру явился на ужинъ къ Императору, который пригласилъ также Неаполитанскаго Короля и Бертье. Прежде, чѣмъ мы сѣли за столъ, говорили о войнѣ съ Россіею, и такъ какъ у меня въ гостиной стоялъ бюстъ Прусской Королевы, то Императоръ слегка мнѣ за это выговорилъ, но я ему замѣтилъ, что онъ самъ же мнѣ сей часъ сказалъ, что Пруссія была со союзница. На другой день, Императоръ осмотрѣлъ крѣпость, а потомъ возвратясь въ Губернаторскій домъ, принималъ тамъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, и опять насъ съ Мюратомъ и Бертье

пригласилъ на ужинъ. Этотъ второй ужинъ начался скучно, потому что Императоръ молчалъ, а ты знаешь, что и самъ Мюратъ не смѣлъ первый начать съ нимъ разговоръ. Наконецъ онъ прервалъ молчанie, спросивъ, какъ далеко отъ Кадикса до Данцига. Я отвѣчалъ ему, не обинуясь: «Государь, очень далеко.» Тутъ опять онъ пересталъ говорить ты: «Господинъ «Генералъ, сказалъ онъ мнѣ, я васъ понимаю. «Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы однакоже будемъ еще гораздо далѣе.» — «Тѣмъ хуже, Государь.» Тутъ опять послѣдовало на минуту молчанie; ни Мюратъ, ни Бертье, которому Императоръ смотрѣлъ въ глаза, испытательными очами, какъ ты знаешъ его обычай, не промолвили ни слова, и опять онъ началъ разговоръ, только уже не обращался ни къ которому изъ насъ въ особенности: «Господа, сказалъ онъ важнымъ, однако не громкимъ голосомъ, я вижу, что у васъ нѣтъ больше охоты «воевать. Неаполитанскому Королю нехотѣлосябы болѣе покидать прекрасный климатъ своего Королевства; Бертье желаетъ охотиться въ «своемъ помѣстьѣ Гробуа, а Раппъ не можетъ «дождаться того времени, когда ему удастся «жить въ своемъ Парижскомъ домѣ.» При такомъ тройномъ привѣтствiи, продолжалъ Раппъ, можешъ ты себѣ представить, что ни Мюратъ, ни Бертье не отвѣчали ни слова, и опять

очередь остался за мною. Я ему сказалъ просто на просто, что это правда, и въ тотъ же вечеръ Неаполитанскій Король и Невшательскій Принцъ, хвалили мою смѣлость и говорили, что я имѣлъ тысячу причинъ отвѣчать ему такъ, какъ я сдѣлалъ: «Право, сказалъ я «имъ, когда вы находите, что я такъ хорошо «поступилъ, то за чѣмъ же сами также не отвѣчали, а заставляли меня одного говорить?» Ты не можешъ себѣ представить, прибавилъ Раппъ, какой у нихъ обоихъ былъ смущенный видъ, и у Мюрата еще болѣе чѣмъ у Бертье, хотя впрочемъ онъ былъ совсемъ въ другомъ положеніи. За чѣмъ, Боже мой! за чѣмъ онъ меня не послушался?»

Уже давно Наполеонъ не слушалъ ничего, кромѣ своего честолюбія, которое ему безпрестанно кричало: «Впередъ!» Что касается до меня, то я очень хорошо помню, что какъ въ Парижѣ, такъ и въ Гамбургѣ, куда я вторично ѣздилъ въ 1812 году, посреди хвалебныхъ кликовъ, исходившихъ изо всѣхъ офиціальныхъ устъ, мнѣ очень легко было замѣтить повсюду что-то угрюмое и полное смущенія; казалось, что печальное предчувствіе предвѣщало столькимъ тысячамъ семействъ трауръ, ожидавшій ихъ послѣ пагубной войны съ Россіею. Повсюду я видѣлъ безпокойство, которое скрывать тщетно требовало благоразуміе. Самыя печальныя мысли за-

нимали всѣ умы; не было больше ни кредита, ни торговли, какъ внутренней, такъ и внѣшней; всякой казался въ мучительномъ ожиданiи великаго бѣдствiя, и въ этомъ всеобщемъ уничтоженiи торговли и промышленности, точно какъ будто бы для того, чтобы позабавиться надъ раззоренiемъ народовъ, Наполеонъ, не задолго предъ тѣмъ, прибавилъ къ великому числу своихъ Министерствъ, Министерство Коммерцiи и мануфактуръ.

++

ГЛАВА VIII.

Переговоры и ораторскія предосторожности. — **Александръ и Наполеонъ.—Невозможность примиренія — Неизъяснимая безпечность Императора въ разсужденіи Турціи.—Выгода Турціи дѣйствовать за одно съ Франціею.—Воспоминанія о переговорахъ Себастіани.—Война объявленная въ 1806 году и миръ заключенный въ 1812 году. — Невѣроятное пренебреженіе Французскимъ Правительствомъ у Оттоманской Порты.—Безпокойства причиненныя Султану.—Бухарестскій миръ, и умноженіе опасеній на счетъ Наполеона. —Ложная политика Оттоманской Порты. — Покушеніе Наполеона къ отторженію Швеціи отъ союза съ Россіею. —Цѣль Наполеона въ томъ, чтобы принудить Императора Александра отозвать свои сѣверныя войска. — Вѣрность Бернадота къ союзу его съ Россіею.—Свиданіе въ Або.— Изслѣдованіе и оправданіе поведенія Наслѣднаго Шведскаго Принца.**

Переговоры, которые Наполеонъ приказалъ начать у Императора Александра, когда онъ хотѣлъ еще притворяться, что не желаетъ войны, походили на ораторскія фигуры удержанія, которыя ни какъ не мѣшаютъ сказать то, отъ

чего удерживаются. Оба Императора одинаково хотѣли войны; одинъ, чтобы упрочить свое могущество, а другой, чтобы избавиться отъ ига несносныхъ требованiй; да и что въ самомъ дѣлѣ подумать, когда требуютъ отъ такой Державы, какова Россiя, чтобы она затворила свои порты Англiйской торговлѣ, единственно для выгодъ Францiи. Въ виду не было возможности къ примиренiю, и я уже говорилъ, что съ самого 1811 года Наполеонъ желалъ и предвидѣлъ войну съ Россiею. Только двѣ Державы на твердой землѣ, въ это время, не были увлечены въ вихрь планеты Наполеоновой: Швецiя и Турцiя. Императоръ обращалъ свои взоры на эти два сосѣднiя съ Россiею Государства. Въ Швецiи, его усилiя были безуспѣшны, и хотя, въ самомъ дѣлѣ Турцiя находилась тогда въ войнѣ съ Россiею, но Султанъ не былъ уже болѣе, какъ послѣ посольства Себастiани, покоренъ влiянiю Францiи. Правда, что въ началѣ Московской кампанiи, Турецкая война съ Россiею, давала нѣкоторое занятiе Императору Александру на югѣ своего государства. Наполеонъ, ослѣпленный своимъ величiемъ былъ точно какъ будто опаломленъ, и я не понимаю, какъ онъ, будучи обыкновенно такой мастеръ расчитывать всѣ случаи, которые могли способствовать успѣху его предпрiятiй, прежде чѣмъ рѣшился на войну въ далекомъ краю и

полную опасностей, не принялъ никакихъ дѣятельныхъ мѣръ, чтобы обеспечить себя содѣйствіемъ со стороны Турокъ, или по крайнѣй мѣрѣ отвратить ихъ отъ заключенія мира съ Россіею.

Не теперь только это я думаю; я думалъ также и въ то время, и говорилъ о томъ всякому, кто у меня бывалъ, или съ кѣмъ я разговаривалъ объ этихъ великихъ дѣлахъ, занимавшихъ цѣлый свѣтъ; небреженіе Наполеона по сему предмету, тѣмъ болѣе для меня непостижимо, что польза Турціи требовала дѣйствовать за одно съ Франціею, готовою кинуться съ пяти сотъ тысячною арміею на ея опаснаго и вѣчнаго врага. Чемъ болѣе я размышляю объ этомъ обстоятельствѣ, тѣмъ болѣе не могу объяснить себѣ эту безпечность, которую показалъ Наполеонъ, въ отношеніи къ тому, чтобы склонить Турцію на свою сторону, прежде нападенія на Русскихъ. Какая въ самомъ дѣлѣ противуположность съ тѣмъ глубокимъ предвидѣніемъ, которое до того столь часто ему служило.

Въ тысяча восемь сотъ двѣнадцатомъ году, обстоятельства были для Наполеона благопріятнѣе: не для чего было вовлекать Оттоманскую Порту въ рѣшимость объявить войну, потому что война уже существовала. Что же, не только не было сдѣлано ничего ни въ 1811,

ни въ 1812 году, чтобы воспрепятствовать Турцiи заключить миръ, но Французское Правительство не старалось даже истребить или опровергать предубѣжденiя, которыя непрiятели Францiи внушили Султану. Удалось увѣрить, что если Россiя изнеможетъ въ битвѣ, то Наполеонъ заключитъ съ нею миръ на счетъ Оттоманской Имперiи, точно также, какъ онъ то сдѣлалъ въ 1797 году съ Австрiею на счетъ Венецiанской республики. Прошедшее оправдывало такое предположенiе. Въ продолженiи войны, окончившейся Тильзитскимъ миромъ, Францiя вступилась у Русскихъ за Турокъ; но тотчасъ ихъ покинула по заключенiи мира: ей они болѣе были не нужны.

Султанъ, предупрежденный противъ Французской политики, остерегался. Генералъ Андреосси, посланный въ Константинополь, не былъ выслушанъ благосклонно; къ домагательствамъ Наполеона не было оказано никакой довѣренности: они слѣдовали слишкомъ внезапно за цѣлыми годами пренебреженiя и забытья. Кажется можно означить однимъ объясненiемъ разность, которая существовала между Французскою политикою 1806 и 1812 годовъ; въ первую изъ сихъ двухъ эпохъ Г. Талейранъ былъ Министромъ Иностранныхъ дѣлъ, а во вторую, портфель этого Министерства попала въ руки Г. Море.

Какъ бы то ни было, Русскіе вели съ своей стороны переговоры: они сдѣлали нѣкоторыя уступки, какія сочли нужными.

Миръ, заключенный въ Бухарестѣ между Россіею и Турціею, умножилъ затрудненія Наполеона, который ни какъ не ожидалъ такихъ послѣдствій. Лѣвое крыло Русской арміи, обезпеченное нейтралитетомъ Турціи, было подкрѣплено корпусомъ Князя Багратіона, который возвратясь изъ Молдавіи, занялъ въ послѣдствіи мѣстоположеніе вправо отъ Березина, и уничтожилъ послѣднія надежды спасти остатки Французской арміи, которой осталось не болѣе половины.

Непонятно, какъ Оттоманская Порта могла въ семъ обстоятельствѣ, уступить чувствамъ огорченія своего противъ Франціи и рѣшиться положить конецъ враждебнымъ своимъ дѣйствіямъ противъ Россіи, когда Франція безпокоила эту державу съ многочисленными силами. Мы увидимъ, былъ ли онъ счастливѣе на Сѣверѣ. Онъ относится къ Французскому Принцу, своему роднѣ, которому онъ составилъ счастіе, но съ которымъ онъ ни въ какое время не жилъ въ добромъ согласіи.

У Императора Александра былъ въ Финляндіи значительный корпусъ войска, назначенный защищать противъ Шведовъ эту страну, на занятіе, которой согласился Наполеонъ, чтобы

получить предварительное согласie Александра на вторженie въ Испанiю.

Какая была Наполеонова тактика, когда будучи въ войнѣ съ Россiею, онъ хотѣлъ отвлечь Швецiю отъ мирнаго ея союза съ Александромъ? Онъ далъ замѣтить Бернадоту, что ему есть вѣрный случай отнять назадъ Финляндiю, понравиться Шведамъ завоеванiемъ, которое споспѣшествовало бы его славѣ и привязало бы къ нему новыхъ его подданныхъ. Наполеонъ хотѣлъ, этимъ союзомъ, принудить Александра оставить свои войска на Сѣверѣ своей Имперiи, и даже увеличить число ихъ для прикрытiя Финляндiи и Петербурга. Такимъ образомъ Наполеонъ домагался привлечь Наслѣднаго Принца на свою сторону. Наполеону мало было надобности въ томъ, будетъ ли имѣть Бернадотъ успѣхъ, или нѣтъ. Все Императору Александру придется оставить и умножить свой корпусъ въ Финляндiи. Вотъ все, чего желалъ Наполеонъ. Въ гигантской борьбѣ, на которую пускалась Францiя, нельзя было пренебрегать и самымъ маловажнымъ союзникомъ. Но въ Генварѣ мѣсяцѣ 1812 года Даву вторгнулся въ Шведскую Померанiю, безъ всякаго объявленiя войны и безъ очевидныхъ побудительныхъ причинъ. Такое непонятное нарушенiе пограничныхъ правъ могло ли расположить Наслѣднаго Шведскаго Принца къ союзу, даже и тогда

если бы выгоды его государства не были тому противны? Это было невозможно, по чему Бернадотъ рѣшился на то, чего отъ него не ожидали: онъ отвергнулъ предложенія Наполеоновы и приготовился ко всему, чтобы ни случилось.

Императоръ Александръ съ своей стороны желалъ имѣть возможность отозвать занимавшій Финляндію корпусъ, чтобы сильнѣе противустоять огромной арміи, которая угрожала его государству. Не хотя подвергнуть Финляндію нападенію со стороны Швеціи, онъ 28 Августа 1812, имѣлъ въ Або свиданіе съ Наслѣднымъ Принцемъ, чтобы уговориться съ нимъ и устроить взаимныя выгоды.

Бернадотъ согласился на всѣ предложенія Александра, и съ этой минуты Швеція учинилась общимъ дѣломъ противъ того, котораго называли, за дѣло, общимъ непріятелемъ, и далъ знакъ того совершеннаго отложенія, къ которому понуждало давно уже ненавистное и тиранническое властительство. Союзъ сей и миръ Русскихъ съ Турками, были причиною великихъ уроновъ.

Очень осуждали поведеніе Наслѣднаго Принца; но здѣсь дѣло идетъ единственно о выгодахъ политическихъ: Бернадотъ, Шведъ по усыновленію, могъ ли предпочесть союзъ съ честолюбивымъ и завистливымъ Государемъ, ко-

торый не упустилъ бы случая отплатить ему, который одобрялъ взятіе Финляндіи, союзу съ могущественнымъ монархомъ, страшнымъ сосѣдомъ, покровителемъ Швеціи, и котораго нерасположеніе могло бы дать очень дѣйствительную подпору наслѣдственнымъ правамъ юнаго Густава? Швеція, заключа союзъ съ Франціею, симъ самымъ поступкомъ обнаруживала себя враждебною къ Англіи; что же тогда бы стало съ ея флотомъ, торговлею, существованіемъ?

Въ такомъ поведеніи Наслѣднаго Принца, не было, какъ утверждали, ни ненависти къ Наполеону, ни желанія вредить прежнему своему отечеству. Если въ послѣдствіи союзъ сей повредилъ Франціи, то въ этомъ должно обвинять ту политику, которая заглушаетъ всякое чувство, кромѣ чувста выгодъ государства. Выгоды Шведскаго народа, надъ которымъ Бернадотъ былъ призванъ царствовать, внушили ему такую рѣшимость и эти выгоды оспоривать нельзя. Онъ былъ Шведъ, и ничего больше; нѣтъ никакой съ его стороны неблагодарности, а къ тому же, можно сказать, что Бернадотъ былъ со всемъ въ другомъ положеніи, какъ Короли, созданные Бонапарте, потому что Императоръ, по крайней мѣрѣ былъ чуждъ въ возведеніи его въ Наслѣдные Принцы. Только

невежество и недобросовѣстность могутъ называть *безумными*, какъ сдѣлали, правила, которымъ онъ слѣдовалъ. Онъ бы напротивъ того сдѣлалъ большую политическую ошибку и вмѣстѣ съ тѣмъ величайшую глупость, если бы поступилъ иначе. Чтобы по надлежащему судить о дѣлахъ человѣка, надобно поставить себя на его мѣсто, поставить себя точно въ его положеніе, и спросить самаго себя, чтобы мы сдѣлали.

✦✦

ГЛАВА IX.

Бонапарте и его намѣренія въ разсужденіи Польши.— Трудность читать въ Наполеоновыхъ мысляхъ.—Мысли Бонапарте въ Каирѣ и воспоминаніе о Сулковскомъ.—Грабитель жалуется на грабительство. — Наполеоново сужденіе о Сѣверной политикѣ. — Записки относительно Польши, диктованныя мнѣ Первымъ Консуломъ.—Статьи въ Монитерѣ.— Воспоминаніе нашихъ вечернихъ разговоровъ.— Странная статья въ протоколѣ Шатильонскаго конгреса.— Разсмотрѣніе того, что Наполеонъ сдѣлалъ въ отношеніи къ Польшѣ. — Мои увѣдомленія изъ Гамбурга. — Оба Императора желаютъ войны.—Разговоры съ Даву.— Энтузіазмъ его къ войнѣ.—Обнародованія.— Обѣщаніе Польскаго Вице-Королевства.—Торжество сабли. — Постоянныя мысли Наполеона о правѣ его на монархическое старшинство. — Чтобы сдѣлалъ Г. Талейранъ.—Интриги противъ этого Министра. — Г. Прадтъ въ Варшавѣ.— Надежды Поляковъ и разочарованіе. — Трудности, которыя бы встрѣтило возстановленіе Польскаго Королевства.

Я посвящу сію главу на разсмотрѣніе одного вопроса и на воспоминаніе событій, изъ которыхъ тогда извѣстныя подавали поводъ къ

большимъ толкамъ. Вотъ вопросъ: Имѣлъ ли Бонапарте, предъ отправленіемъ своимъ въ послѣдній Русскій походъ, намѣреніе возвратить Польшѣ ея независимость? Что касается до событій, то они окажутся сами собою при разсмотрѣніи вопроса. Бонапарте, Императоръ, никогда не имѣлъ сильной и непремѣнной воли возстановить прежнее Польское Королевство во всей его полнотѣ, но часто ему приходила на мысль къ тому какая-то охота, и даже было такое время, когда онъ чувствовалъ необходимость сего возстановленія; но такая мысль никогда, а особливо въ 1812 году, не была такимъ непремѣннымъ желаніемъ, какого бы онъ не могъ выкинуть изъ головы. Бонапарте могъ говорить, что онъ возстановитъ Польшу; въ этомъ я не спорю, но да позволено мнѣ будетъ не заключать изъ этого, что должно вѣрить тому, что говорилъ Наполеонъ. Онъ говорилъ также, и даже клялся, что не станетъ распространять границъ Имперіи! Отъ того такъ часто заблуждаются, желая проникнуть въ тайны Наполеонова генія, что теряютъ изъ вида единственное изъясненіе, которое можетъ служить вожатымъ въ этомъ движущемся хаосѣ. Эта самая подвижность мыслей, плановъ предначертаній Бонапарте, дѣлаетъ, что трудно ихъ постигнуть; но начинаемъ приближаться къ истинѣ, когда разсудимъ, что всѣ намѣренія, всѣ

начинанiя Наполеона, измѣнялись смотря по его удачамъ. По сему онъ могъ, когда-то, считать возстановленiе Польши вещiю необходимою въ Европейской политикѣ, а въ послѣдствiи находить это самое дѣло противнымъ развитiю его честолюбивыхъ видовъ. Какъ посмѣете сказать, что происходило въ его мыслахъ, когда въ Дрезденѣ онъ былъ ослѣпленъ блескомъ своей славы, и что тогда, въ его мечтанiяхъ, Царство Ягеллоновъ не явилось ему, какъ новый вѣнчикъ въ его Императорской коронѣ.

Истинно то, какъ можно было видѣть изъ сихъ Записокъ, что Бонапарте, будучи Главнокомандующимъ Египетскою армiею и Первымъ Консуломъ, имѣлъ на умѣ отмстить за три раздѣленiя Польши, и я разъ двадцать имѣлъ съ нимъ по этому предмету самые занимательные разговоры. Въ этомъ отношенiи мы были совершенно одного мнѣнiя. Такъ говорилъ Главнокомандующiй, когда мы прогуливались по Каирской террасѣ, тужили о смерти Сулковскаго, этого молодаго Поляка, о которомъ сердечно жалѣлъ Бонапарте; но время очень перемѣнилось! Какъ бы Императоръ могъ упоминать о необходимости возстановить равновѣсiе въ политическихъ дѣлахъ Европы, когда самъ истребилъ всякое равновѣсiе. Тогда, безъ сомнѣнiя, Первый Консулъ говорилъ отъ души, что ду-

малъ, и можетъ быть, если бы Сулковскій остался живъ, то мысли его приняли бы характеръ постоянства, котораго имъ не доставало; никто не говорилъ объ этомъ больше Наполеону, такъ какъ бы то дѣлалъ непремѣнно храбрый его Адъютантъ; съ той поры, посреди гигантскихъ намѣреній Наполеона, возстановленіе Польши сдѣлалось второстепеннымъ дѣломъ, невходящимъ въ число необходимостей его политики

Что объясняетъ мнѣ охлажденіе, скажу, почти равнодушіе Наполеона къ воскрешенію Польши, то это, что въ особенности въ началѣ Консульства предметъ сей занималъ наиболѣе его мысли. О! Тогда сколько разъ онъ разговаривалъ объ этомъ со мною, и съ многими другими особами, которыя можетъ быть еще того не забыли! Это былъ одинъ изъ самыхъ любимыхъ его разговоровъ, въ которыхъ онъ объяснялся, какъ видѣли, съ большимъ противъ обыкновеннаго жаромъ. Если бы кто вздумалъ прочитать Мониторъ тогдашняго времени, то я бы могъ показать не одну статью безъ подписи, и не имѣющую офиціальнаго вида, которыя мнѣ диктовалъ Наполеонъ, и которыхъ даже помѣщеніе въ семъ журналѣ, съ сохраненіемъ энергіи нѣкоторыхъ выраженій, ясно покажетъ, что творцемъ ихъ быть могъ только одинъ Бонапарте. Обыкновенно болѣе по вечерамъ онъ

диктовалъ мнѣ такимъ образомъ. Тогда окончивъ дневныя занятія, онъ увлекался въ будущность и предавался потребности мечтать о своихъ обширныхъ замыслахъ. Иныя изъ сихъ замѣчаній были такъ неумѣренны, что часто Первый Консулъ рвалъ ихъ на другое утро, смѣяся самъ надъ своими вчерашними маленькими неистовствами. Иногда я бралъ на себя не посылать ихъ въ Монитеръ въ тотъ же вечеръ, когда ихъ диктовали, и хотя ему очень хотѣлося, чтобы ихъ напечатали, но я приводилъ ему какія ни попало причины, чтобы оправдать замѣдленіе. Тогда онъ перечитывалъ статью, и хвалилъ меня. Ждите всего отъ времени, и отъ происшествій. Я прошу извинить меня, что не упускаю помѣщать сіи воспоминанія прошедшаго, когда они мнѣ приходятъ на память; я принимаю съ такимъ удовольствіемъ все, что обращаетъ меня ко времени Консульства, даже только хотя бы для того, чтобы забыть про Имперію!

Ниже увидятъ, и можетъ быть не безъ удивленія, что Наполеонъ велитъ помѣстить въ протоколъ засѣданій Шатильонскаго конгреса, о семъ завладѣніи Польши тремя главными Державами, соединившимися противъ него, какъ о правѣ на выгоднѣйшій миръ и на поземельныя вознагражденія Франціи. Какъ хорошій политикъ, онъ былъ правъ.

Безъ сомнѣнія, когда великіе военные Наполеоновы таланты, увѣнчанные блестящими побѣдами, доставили бы ему во владѣніе царство Ягеллоновъ, онъ могъ бы возстановить оное. Посмотримъ, что онъ сдѣлалъ.

Въ концѣ 1810 года я былъ убѣжденъ, что не пройдетъ и полутора года, какъ снова возгорится война между Франціею и Россіею. Я извѣстилъ объ этомъ Императора въ Октябрѣ того же года, потому что онъ спрашивалъ моего по сему предмету мнѣнія. Я долженъ признаться, что мнѣ нечего было опасаться обмануться, когда я писалъ ему, что эта война неизбѣжна, потому согласно съ полученными отъ него приказаніями, я освѣдомлялся самымъ вѣрнымъ образомъ, къ чему подавали безъ труда мнѣ возмомность, какъ положеніе мое въ Гамбургѣ, такъ многочисленныя и важныя сношенія мои по всему Сѣверу. Впрочемъ я имѣлъ еще и особенную побудительную причину: я зналъ навѣрное, что оба Императора вынуждали войну и желали ея, одинъ чтобы избавить свой народъ отъ раззоренія, которымъ ему угрожала Континентальная система и отомстить за уроны, понесенные въ 1805 и 1807 годахъ; а другой, чтобы найти случай придать силою опору той же самой системѣ и сдѣлать нѣсколько шаговъ къ наслажденію правомъ на монархическое стар-

шинство, котораго онъ никогда не терялъ изъ виду.

После сдѣланнаго не въ пору и безполезнаго присоединенія Анзеатическихъ городовъ къ Франціи, когда я весною 1811 года, ѣздилъ въ первый разъ за моимъ семействомъ въ Гамбургъ, я имѣлъ возможность отъ оставшихся тамъ во множествѣ друзей моихъ собрать свѣдѣнія, которыя не оставили мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ того, что я предвидѣлъ въ минувшемъ Октябрѣ мѣсяцѣ, и я видѣлъ ясно, что въ тридцать второй военной дивизіи, состоявшей подъ командою Даву, занимались пріуготовленіями къ войнѣ, которая впрочемъ должна была начаться не ранѣе слѣдующаго года. Будучи долженъ увидѣться съ Даву, я говорилъ съ нимъ о намѣреніи вести войну съ Россіею, и не скрылъ отъ него, что война сія мнѣ кажется неизбѣжною; онъ и не старался отвергать сего Наполеонова намѣренія, видя по той увѣренности, съ какою я говорилъ, что я имѣлъ полныя свѣдѣнія. Тутъ я не скрылъ отъ него ни тѣхъ затрудненій, которыя, по моему мнѣнію, это великое предпріятіе представляло, ни тѣхъ опасностей, которыя угрожать могли. Я старался въ особенности обратить его вниманіе на слишкомъ сомнительное расположеніе Германіи, Турціи и Швеціи. Я ему напомнилъ, что раздраженіе достигло высочайшей

степени у Германцевъ, которыхъ мы не знали, и съ которыми часто обходились очень дурно. Даву всегда отвѣчалъ мнѣ, какъ человѣкъ пристрастный къ войнѣ, который, какъ и столько другихъ, обязанъ былъ своимъ блестящимъ существованіемъ, внезапнымъ обогащеніемъ, и отъ которой онъ ожидалъ еще большаго; потому что пролитая кровь всегда обогащала: Даву ни въ чемъ не сомнѣвался: онъ за ранѣе упивался успѣхомъ, будучи увѣренъ, что тамъ, гдѣ Наполеонъ, въ этомъ успѣхѣ сомнѣваться нечего. Я долженъ сказать, что минувшее оправдывало эту увѣренность, которую будущее опровергло.

Въ одномъ изъ сихъ разговоровъ, я говорилъ ему, что если его желанія и надежды оправдаются на дѣлѣ и уничтожатъ мои печальныя предчувствія, то я надѣюся, что мы увидимъ возстановленіе Польши. Даву отвѣчалъ мнѣ, что то, чего я желалъ, было вѣроятно, потому что Наполеонъ обѣщалъ ему сдѣлать его Вице-Королемъ Польши, а многихъ его товарищей надѣлить староствами. Даву объ этомъ говорилъ столь многимъ лицамъ, что про то узналъ весь Гамбургъ и вся Сѣверная Германія: я не жалѣлъ, что заставилъ его, объяснивъ желаніе мое о возстановленіи Польши, признаться, что она будетъ подъ его правленіемъ, чего я ни мало не желалъ Полякамъ. Но въ этомъ объ-

щанiи я видѣлъ причину сей страстной охоты вторгнуться въ Россiю. Досада причиненная мнѣ такимъ признанiемъ, не дозволила мнѣ умолчать отъ него, что если бы возстановили, какъ онъ полагалъ Польшу, то Полякамъ показалось бы можетъ быть, страннымъ, что имъ даютъ главою иностранца и что раздаютъ иностранцамъ лучшiя помѣстья земли ихъ.—*Ахъ, Боже мой, да какое дѣло до ихъ жалобъ*, отвѣчалъ мнѣ Даву, *сабля торжествуетъ надъ всемъ и все улаживаетъ; тѣмъ хуже для побѣжденныхъ*. Я незаключилъ ничего хорошаго изъ такихъ намѣренiй и такихъ правилъ. Мои мнѣнiя и строгiя замѣчанiя увеличили только нерасположенiе его ко мнѣ.

Не смотря на такiя увѣренiя Даву на счетъ намѣренiй Наполеона, я почиталъ ихъ еще предварительнымъ ободренiемъ. Я сохранялъ надежду, что Наполеонъ ознаменуетъ первые свои шаги, которымъ всегда предшествовала побѣда, возстановленiемъ Сарматiи; я надѣялся, что если Польша возстанетъ изъ своихъ развалинъ, то онъ изберетъ особу знаменитаго рода, пользующуюся всеобщимъ уваженiемъ; что онъ полюбитъ этотъ воскресшiй народъ, сдѣлаетъ съ нимъ союзъ и поведетъ съ большею безопасностiю свою армiю къ столицѣ Восточной Россiи. По знанiю моему его характера и намѣренiй, я думалъ, что онъ этимъ достигнетъ пред-

мета своихъ желаній. Онъ дѣлался бы старшимъ Короля, поставленнаго имъ надъ Польшею и мнѣ бы хотѣлось его видѣть достигнувшимъ заключенія выгоднаго мира (и титла *Московскаго Императора*). По страннымъ его мыслямъ объ этомъ правѣ старшинства, такой титулъ, дѣлалъ бы его опять старшимъ этаго Государя, такъ какъ онъ воображалъ, что сдѣлался уже старше Императора Франца втораго, потому что принудилъ его перемѣнить древній свой титулъ Германскаго Императора, на титулъ Императора Австрійскаго, въ замѣнъ Эрцгерцогства. Если бы то, что такъ сильно вкорѣнилось въ его головѣ, исполнилось, тогда бы только одинъ Англійскій Король, котораго царствующій домъ былъ самый новый до Революціи, оставался бы изо-всѣхъ Королевскихъ домовъ старше Наполеонова. Богъ знаетъ, чего бы не предпринялъ Наполеонъ, только бы достигнуть этой послѣдней степени его непостижимаго безразсудства; не надѣясь никогда побѣдить Англію силою, и *системами*, онъ бы все употребилъ въ дѣло, лишь бы только произвести перемѣну въ династіи; и, по его мыслямъ, достигъ бы и сей цѣли. Какъ бы ни странна, какъ бы не безумна казалась эта цѣль, все ее должно считать дѣломъ положительнымъ. Лѣта его умножались, душевныя способности слабѣли, и это вѣрно помѣшало приведенію въ дѣй-

ство *послѣдняго* намѣренія, бывшаго постоянно въ его мысляхъ. Но оставляя въ сторонѣ Англію, Наполеону Артиллерійскому Офицеру, отрѣшенному въ 1795 году, казалось бы верьхомъ счастія быть въ 1812 году старшимъ Государемъ на твердой землѣ Европы. Какъ съ такими мыслями, при помощи столь великихъ талантовъ и необозримой власти, не совершать вещей чудесныхъ? Въ какой хижинѣ не произносили бы его имени въ продолженіи цѣлыхъ тысячъ поколѣній?

Но что дѣлаетъ Наполеонъ, чтобы возставить Польшу?—Ничего ровно. Обнародовано было, что послѣ Тильзитскаго мира, въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1807 года, онъ имѣлъ намѣреніе затѣять большое движеніе въ Польшѣ, и сдѣланы были большія пріуготовленія для достиженія сей цѣли, но что его повелѣнія были дурно выполнены. Такимъ образомъ легко извинять въ великомъ человѣкѣ ошибки, которыхъ ни одной находить въ немъ не хотятъ, не смотря на то, что онъ человѣкъ. Кто могъ воспротивиться твердой Наполеоновой волѣ? Слишкомъ рабски выполняли его повѣленія, даже самыя несправедливыя. Сколько бы отвратили бѣдствій, если бы вмѣсто слѣпаго исполненія этихъ повѣленій, данныхъ въ припадкахъ честолюбиваго упоенія, предоставили бы времени его благодѣтельное дѣйствіе. Жаль только, что никогда не помнятъ

истины: «Время смягчаеть всѣ рѣшенія гнѣва.»

Въ этой-то возрожденной Польшѣ Наполеонъ долженъ былъ найти средства, чтобы достигнуть успѣха въ гигантскомъ своемъ предпріятіи, порожденіи его честолюбія. Въ походѣ на Москву онъ бы обезпечилъ свои заднія силы, свое продовольствіе, и, прибавимъ, свое отступленіе, которое неудача могла бы сдѣлать возможнымъ, — а эта бѣда случилась! Наполеонъ тогда могъ бы надѣяться на націю, которая была бы ему обязана новымъ своимъ существованіемъ.

При отъѣздѣ Наполеона въ Московскій походъ, наступало время, что Г. Талейрана опять назначать Министромъ. Онъ былъ удаленъ отъ Министерства посредствомъ столь обычайныхъ пронырствъ, клеветы и интригъ. Его прямой умъ и большее знаніе Европы дали бы ему рѣшимость, я нисколько не сомнѣваюсь, возобновить и питать прежнія чувства, столь сильно оказывавшіяся въ душѣ *Перваго Консула* и которыя еще не совсемъ угасли въ душѣ *Императора*. Г. Талейранъ споспѣшествовалъ съ такою же удачею, какъ и съ усердіемъ къ ослабленію, посредствомъ великаго вознаградительнаго акта, Россіи, Пруссіи и Австріи. Этотъ великій политическій актъ удостоенъ одобренія всѣхъ людей великодушныхъ. Но лесть постоянно окружала Наполеона, а заманчивая мысль о

возможности раздѣлить обширную и прекрасную страну, одержала верхъ надъ истинными выгодами отечества. Такъ идетъ все на свѣтѣ; захваченное отобрали, но ничего не отдали изъ того настоящему хозяину.

Императора разными происками зависти отвратили отъ намѣренiя взять Г. Талейрана съ собою въ Варшаву; однако же онъ не хотѣлъ имѣть при себѣ по дипломатической части никого кромѣ Г. Марета, на тотъ случай, если бы занадобилось что исполнить въ отношенiи къ возстановленiю Польши. Онъ назначилъ своего придворнаго Священника Аббата Прадта посланникомъ въ Варшаву. Г. Прадтъ былъ въ послѣдствiи Малинскихъ Архiепископомъ, великимъ Канцлеромъ Почетнаго Легiона при возстановленiи, и сдѣлался знаменитъ съ той поры, какъ сталъ ничѣмъ.

Если бы я, въ то время, когда Наполеону не чего было скрывать свои виды, столько разъ не слыхалъ какъ онъ объяснялся о своемъ намѣренiи возстановить Польское Королевство; если бы я не могъ послѣ видѣть перемѣнчивость его мыслей, смотря потому, въ какомъ онъ былъ положенiи и цѣнить то обстоятельство, которое я утверждалъ въ началѣ сей главы, то я бы, видя поступки Наполеона съ Поляками, подумалъ, что онъ только хотѣлъ, предварительными случаями благопрiятными ихъ возстановленiю, ихъ

поласкать пустыми надеждами, чтобы приготовить себѣ у нихъ великую главную квартиру и обмануть ихъ ложными видами; получая даже первыя письма отъ нѣкоторыхъ Генераловъ, моихъ пріятелей, которые находились въ арміи при Вислѣ, я началъ сомнѣваться, но сомнѣнія мои скоро исчезли отъ полученныхъ мною болѣе точныхъ свѣдѣній, точно также какъ и Варшавскій Сеймъ обманулся въ своихъ надеждахъ, которыя сначала считалъ вѣрными.

Дѣйствительно по прибытіи Наполеона въ Польшу, Варшавскій Сеймъ будучи убѣжденъ, какъ ему необходимо надлежало быть, въ чувствахъ Императора, объявилъ Королевство свободнымъ и независимымъ. Онъ почиталъ ничтожными всѣ трактаты о раздѣлѣ, до сего бывшіе. Онъ надѣялся на силу: Наполеонъ дурно принялъ сдѣланный ему отъ Сейма адресъ, въ которомъ онъ объяснялъ сіи правила. Въ отвѣтѣ своемъ онъ нарочно помѣстилъ сомнѣніе, и нерѣшимость: нельзя было осуждать побудительной къ тому причины. Чтобы обезпечить себѣ союзъ Австріи противъ Россіи, онъ успокоилъ своего тестя на счетъ сохраненія въ цѣлости его владѣній. Наполеонъ объявилъ, что не можетъ принять участія ни въ какомъ движеніи, ни въ какой либо рѣшимости, могущей потревожить Австрію въ обладаніи Польскими провинціями, которыя составляли часть Импе-

рiи. Это значило бы, говорилъ онъ, отдѣлиться отъ союза его съ Австрiею и заставить ее броситься въ объятiя Россiи. Что касается до Польско - Русскихъ провинцiй, то Наполеонъ сказалъ, что онъ увидитъ, что надобно будетъ дѣлать, если Провидѣнiе дозволитъ успѣхъ въ ихъ дѣлѣ. Эти неопредѣленныя и темныя выраженiя, даже необъясняли, чтобы онъ сдѣлалъ для Поляковъ, если бы успѣхъ увѣнчалъ его обширныя предпрiятiя. Онѣ породили недовѣрчивость между Поляками и дѣла не имѣли никакихъ послѣдствiй.

Я окончу сiи разсужденiя о дѣлѣ Польши, краткимъ замѣчанiемъ, извиняющимъ Наполеона, и которое заслуживаетъ уваженiе. Польша, какъ извѣстно, была раздѣлена по перемѣнно между тремя Державами: Россiею, Австрiею и Пруссiею. Наполеонъ былъ въ войнѣ со всѣми этими тремя Державами, но ни разу со всѣми вдругъ. Въ 1805 году онъ велъ войну съ Австрiею и Россiею, а Прусiя сохраняла нейтралитетъ; когда воевалъ съ Австрiею, тогда Прусciя и Россiя оставались нейтральными, или лучше союзными; наконецъ когда въ 1812 году онъ дрался съ Русскими, то Австрiя и Прусciя были съ нимъ въ союзѣ: по сему онъ никогда не могъ употребить въ пользу свои побѣды для того, чтобы востановить Польшу, не нарушая выгодъ Державъ бывшихъ съ нимъ въ

нейтралитетѣ или въ союзѣ; изъ сего я даже осмѣливаюсь заключить, что не только онъ не имѣлъ твердой воли, которая бы надъ всѣмъ восторжествовала, но и возможности привести въ дѣйство свои мечты и намѣренія, которыми на берегахъ Нила, онъ хотѣлъ ублажить память Сулковскаго.

++

ГЛАВА X.

Какую надъ Бонапарте имѣли власть мечтанія.— Русскіе и Парояне.—Нетерпѣливость Наполеонова характера — Употребленіе и цѣна времени.—Напрасная надежда, что у него будутъ просить мира. — Отвергнутыя предложенія, и отказъ Императора Александра вступить въ переговоры.—Распоряженія въ Москвѣ относительно Французскаго театра.—Причины такихъ распоряженій —Безпрестанные трауры въ Парижѣ и пушка инвалиднаго дома.—Уроны арміи.—Заговоръ Маллета. — Невозможность въ успѣхѣ.— Начало удачи. — Дѣло дурака. — Подробности о проискахъ заговорщиковъ.—Герцогъ Ровиго въ ла-Форсѣ —Я открываю въ Министеріи Логорія, заказывающаго себѣ Министерское платье.— Маллетъ у Генерала Гюлена —Арестованіе Маллета.—Четырнадцать осужденныхъ.—Одобреніе Наполеона. —Императорскія безпокойства.— Отставленіе Фрошона за услышанное слово.— Полученіе Императоромъ извѣстія въ Смоленскѣ.—Раппъ, въ котораго присутствіи это было, разказываетъ мнѣ подробности. — Императоръ недоволенъ. — Оцѣнка его власти.—Необходимость побывать въ Парижѣ. — Настоящія причины Наполеонова отъѣзда. — Ложныя обвиненія.—Размышленіе о покушеніи Маллета.—Двадцать девятый бюллетень.

Характеръ Бонапарте представлялъ самыя непонятныя несходства; не смотря на то, что

онъ былъ самый своенравный человѣкъ, но я не зналъ, кого бы такъ легко можно было увлечь въ мечтанія; во многихъ обстоятельствахъ желать и быть несомнѣнно увѣрену въ полученіи желаемаго, было для него одно и то же. Никогда онъ не давалъ столько воли своимъ мечтаніямъ, какъ въ началѣ Московской кампаніи, хотя родъ отрицательной обороны, которую представляли въ началѣ Русскіе, отступая безпрестанно предъ торжественнымъ натискомъ нашей арміи, по обычаю древнихъ Парѳянъ, долженъ былъ бы открыть ему глаза въ разсужденіи послѣдствій этого отступательнаго движенія, которое не могло быть иначе, какъ слѣдствіемъ расчета. Пожары въ городахъ и деревняхъ, покинутыхъ войсками Императора Александра, по видимому, довольно ясно доказывали, что Русскіе хотѣли завлечь насъ въ нѣдро своей страны, и мнѣніе всѣхъ умныхъ людей, даже до начала тѣхъ непостижимыхъ бѣдствій, ознаменовавшихъ самое ужасное отступленіе изъ всѣхъ, какія сохранились въ исторіи, было по сему предмету одинаково, а именно, что Императоръ долженствовалъ провести зиму съ 1812 на 1813 годъ въ Польшѣ; основать тамъ, хотя на время, такъ сказать большую пристройку своей Имперіи, на тотъ конецъ, чтобы весною продолжать ходъ обширнаго своего предпріятія. Но нетерпѣливость его

характера понуждала его впередъ, такъ сказать безъ его вѣдома, точно какъ будто бы онъ находился подъ властію какого нибудь невидимаго злаго духа, который былъ сильнѣе его генія. Этотъ злой духъ было честолюбіе. Онъ зналъ такъ хорошо цѣну времени, но не зналъ довольно его могущества, и того что часто выигрываютъ умѣя подождать; однакоже онъ долженъ былъ читать въ комментаріяхъ Кесаря, составлявшихъ любимое его чтеніе, что Кесарь не въ одну кампанію покорилъ Галлію.

Другая мечта, которую себѣ забралъ въ голову Наполеонъ во время Московской кампаніи, и въ семъ отношеніи, я признаюсь, что прошедшіе опыты его извиняли, было полагать на вѣрное, что Императоръ Александръ предложитъ ему миръ, какъ скоро увидитъ его впереди арміи на Русскихъ границахъ; но пожаръ Московскій показалъ ему, что это была битва на смерть; и онъ привыкнувъ принимать предложенія отъ побѣжденныхъ непріятелей, къ огорченію своему, видѣлъ въ первый разъ, что отвергали его собственныя. Императоръ Александръ дѣйствительно не хотѣлъ и слышать о переговорахъ. По моему мнѣнію, продолжительное пребываніе Наполеона въ Москвѣ, можетъ быть объяснено только мечтательною увѣренностію, что Русскій кабинетъ перемѣнитъ мысли и наконецъ согласится вести переговоры о мирѣ.

Что касается до его постановленія о Французскомъ театрѣ, написаннаго въ Москвѣ, то это было только маленькое плутовство его политики, чтобы сбить съ пути Парижскихъ жителей, на счетъ настоящаго его положенія въ древней столицѣ Русскихъ Царей. Если Императоры, должны были говорить: есть досугъ заниматься театромъ,—то это значитъ, что счастіе ихъ не покидаетъ, что все идетъ по ихъ; такое увѣреніе, искусно распространяемое уставщиками общественнаго мнѣнія, поддерживало чудесно вымыслы, которыми онъ украшалъ бюлетени большой арміи. Сіи бюлетени, хотя были ложны во многихъ отношеніяхъ, ожидались всегда съ живѣйшимъ не терпѣніемъ; и какая жена, какая мать, у которыхъ были или мужъ или сынъ въ арміи, могли безъ трепетанія сердца срывать бандероль съ монитера! Въ самой вещи, сколько семействъ потеряло свои подпоры, или надежды въ этомъ раду уроновъ! Никогда не было пролито столько слезъ; и какой пустой былъ звукъ пушекъ Инвалиднаго дома, возвѣщающій побѣду для, тѣхъ, кто въ тишинѣ своего уединенія, съ горестію занимались пріуготовленіями троура! Нельзя не вспомнить, что съ полгода множество траурныхъ платьевъ поражало во всемъ Парижѣ.

Какъ бы то ни было, послѣ слишкомъ долгаго и безполезнаго пребыванія въ Москвѣ,

Наполеонъ выѣхалъ въ намѣренiи послѣ этого пункта на пеплѣ столицы, расположиться на зимнихъ квартирахъ въ Польшѣ; но судьба пошла вопреки Наполеону, и въ этомъ ужасномъ отступленiи, суровость климата явила себя за одно съ Русскими для того, чтобы истребить остатки самой страшной армiи, какая только когда либо повиновалася одному военачальнику; и чтобы найти въ исторiи бѣдствiе подобное претерпѣннымъ подъ Березинымъ, надобно вознестись къ гибели легiоновъ Вара.

Не смотря на всеобщее въ Парижѣ унынiе, не смотря на основательныя опасенiя столькихъ семействъ, и предвидѣнiя тѣхъ, которые озаряясь опытомъ, читали въ будущемъ, столица была покойна, какъ вдругъ, по странному стеченiю обстоятельствъ, въ тотъ самой день, какъ Наполеонъ выбирался изъ вызженной Москвы, въ Парижѣ обнаружилось странное и безумное предпрiятiе Маллета. Этотъ Генералъ всегда исповѣдывалъ республиканскiя мысли, будучи впрочемъ одаренъ довольно возвышеннымъ характеромъ: пробывъ въ заключенiи исходатайствовалъ отъ Правительства дозволенiе жить въ Парижѣ въ одной больницѣ близь Тронской заставы. Причины его арестованiя имѣли много сходства съ тѣми, которыя стоили ему жизни; его арестовали за то, что онъ изъявилъ дурныя намѣренiя противъ Император-

скаго Правительства, когда въ 1807 году Наполеонъ занятъ былъ въ Пруссiи, и готовился итти противъ Русскихъ. Маллетъ былъ впрочемъ человѣкъ нисколько неважный въ политическомъ отношенiи, безъ предшественниковъ, безъ послѣдователей, безъ опоры въ обществѣ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которыхъ Бонапарте называлъ, даже когда былъ еще Консуломъ, *воркотунами республики.* Этотъ удалецъ забралъ себѣ въ голову низпровергнуть могущество Наполеона, уничтожить Имперiи и возстановить народное правленiе; а чтобы не дать повода къ нарѣканiю тѣмъ, кому бы вздумалось обвинять его въ честолюбiи, онъ ограничилъ свои безумныя дѣйствiя, назвавшись Губернаторомъ Парижа.

Значило худо знать духъ и потребности, Францiи, когда хотѣть, чтобы замѣстить Императорство, не смотря на его погрѣшности, дать ему въ преемничество народное правленiе, самое худшее изо всѣхъ правленiй. Что могъ сдѣлать Маллетъ? ровно ничего, и если его правленiе велось три дня, то онъ испыталъ участь гораздо благопрiятнѣе той, какой бы ему, сообразно съ благоразумiемъ, ожидать можно было. Онъ говорилъ, что Императоръ умеръ? но вдругъ прибывшая изъ Россiи эстафета, все останавливала, воскрешала Наполеона; и прокламацiи, въ которыхъ Маллетъ убивалъ Бонапарте

долженствовали покрыться стыдомъ, также точно какъ ихъ творецъ. Предпрiятiе его было ничто иное, какъ дѣло глупца. Слишкомъ уже были утомлены безпокойствами, для того, чтобы кинуться въ руки какого нибудь Маллета, или Лагорiя, который показалъ себя столь постыднымъ образомъ въ процессѣ Моро. Однакоже, не смотря на очевидную невозможность въ успѣхѣ, надобно признаться, что много плутовства и большая изворотливость, сопровождали начало приведенiя въ дѣйство этого нелѣпаго заговора. Никто не былъ повѣреннымъ заговорщиковъ; они не могли имѣть никакого опредѣленнаго плана, и никакихъ послѣдователей, впрочемъ, могли найтись люди ничтожные, безъ подпоры, даже презираемые, чтобы произвести перемѣну въ правленiи Францiи!

Что дѣлаетъ Маллетъ? Онъ мечтаетъ въ своемъ уединенiи; въ мечтанiяхъ своихъ онъ увѣряетъ себя, что если бы можно было сдѣлать достовѣрнымъ слухъ о Наполеоновой смерти, то успѣхъ его предпрiятiя дѣлался несомнѣннымъ. Цѣлый свѣтъ для него въ темницѣ; если онъ получитъ свободу, то и Францiя также! По его Наполеонъ кончилъ жизнь осьмаго Октября. Офицiальное объ этомъ извѣстiе получилъ онъ бѣдный заключенный, а ни до кого изъ главныхъ въ Правительствѣ лицъ оно не доходило; онъ сбирается дѣйствовать внезапно.

Двадцать втораго Октября онъ уходитъ изъ своей больницы и идетъ къ Полковнику Сулье, командующему десятою когортою народной Гвардіи. Казарма, занимаемая этою когортою, находилась именно позади больницы Маллета. До сихъ поръ все шло хорошо.

Маллетъ наготовилъ себѣ кучу фальшивыхъ повелѣній, которыя онъ самъ сочинилъ и подписалъ. Онъ явился къ Сулье подъ именемъ Генерала *Ла Мотта*, говоря, что онъ присланъ отъ Генерала *Маллета*.

Полковникъ Сулье, узнавъ о кончинѣ Императора, залился слезами: онъ тотчасъ далъ приказаніе когортному Адъютанту собрать команду и явиться подъ распоряженіе Генерала Ла Мотта, предъ которымъ, онъ по простодушію еще извинялся, что по болѣзни своей не могъ встать. Тогда было два часа утра. Солдатамъ прочитали при свѣчахъ бумаги, составленныя о смерти Наполеона и о новомъ видѣ правленія. Маллетъ отправился со всею поспѣшностію съ тысяча двумя стами человѣкъ.

Это происходило въ Октябрѣ мѣсяцѣ. Маллетъ пошелъ съ своею колонною къ ла Форсу; велѣлъ себѣ отпереть эту темницу и выпустилъ изъ нея сидѣвшихъ тамъ Гвидала и Лагорія; Лагорій былъ арестованъ по Императорскому повелѣнію, потому что онъ хотѣлъ, пославъ его въ Америку, сбыть съ рукъ этого

презрѣннаго агента Жоржевскаго заговора. Его хотѣли перевести въ Нантъ-Гвидаль былъ арестованъ въ окрестностяхъ Марсели, какъ человѣкъ подозрительный въ шпіонствѣ для Англійскаго Адмирала, который стоялъ предъ Тулономъ. Его готовились перемѣстить въ Тулонъ, для преданія суду; но случай былъ причиною, что невольное замѣдленіе въ исполненіи предписанія, сдѣлало его третьимъ дѣйствующимъ лицемъ въ этомъ безумномъ предпріятіи.

Обнявшись съ Логоріемъ и Гвидалемъ, Маллетъ объявилъ имъ смерть Императора, и перемѣну въ Правительствѣ; сообщилъ имъ свои предписанія, и назначилъ свиданіе въ ратушѣ. Въ слѣдствіе этихъ предписаній Министръ и Префектъ Полиціи были арестованы въ ихъ домахъ.

Я былъ тогда въ Курбевоѣ; и пріѣхалъ въ этотъ день оттуда, какъ мнѣ и часто случалось, завтракать къ Министру Полиціи. Можно себѣ представить, каково было мое удивленіе, когда привратникъ разсказалъ мнѣ объ арестованіи Герцога Ровиго и о перемѣщеніи его въ ла Форскую темницу. Я вошелъ въ комнаты; мнѣ сказали, къ удивленію моему, что новый эфемерный Министръ былъ занятъ — съ него снимали мѣрку для новаго платья. Такіе поступки столь вполнѣ выказывали заговорщика, что я тотчасъ угадалъ, какъ поступать.

Военнаго Министра также хотѣли арестовать. Но Лагорій побѣжалъ за Генераломъ Гвидалемъ, которому онъ сначала поручилъ это дѣло, и догналъ его прежде, чѣмъ тотъ достигъ Министрова дома. Думаютъ, что онъ встрѣтилъ надобность въ Гвидалевомъ отрядѣ, чтобы дѣйствовать съ большею увѣренностію и съ большимъ успѣхомъ противъ Министра Полиціи Герцога Ровиго. Это одно обстоятельство, что занадобился небольшой отрядъ на Малакейской набережной, послужило помѣхою тому, что военный Министръ не прогулялся въ ла Форсъ, какъ его товарищь.

Маллетъ съ своей стороны явился къ Генералу Гюлэну, который начальствовалъ въ Парижѣ. Онъ объявилъ ему, что имѣетъ порученіе отъ Министра Полиціи арестовать его, и опечатать его бумаги. Гюлэнъ потребовалъ, чтобы онъ показалъ ему полученныя имъ предписанія. Онъ вошелъ въ свой кабинетъ, а Маллетъ за нимъ, и въ ту минуту, когда Гюлэнъ обратился къ нему, чтобы объясниться и разсмотрѣть его бумаги, Маллетъ выстрѣлилъ ему въ лице. Гюлэнъ упалъ, но пуля только что прошла ему въ щеку, не причинивъ ему смерти. Достойно примѣчанія то, что Капитанъ, котораго взялъ съ собою Маллетъ, и который сопровождалъ его къ Гюлэну, не нашедъ въ этомъ ничего, кромѣ весьма обыкновеннаго, не

двигался съ мѣста, и что Маллетъ преспокойно отправился къ Генераль-Адъютанту Дусету. Случилось, что главный Инспекторъ Полиціи пріѣхалъ для справокъ въ главный Штабъ, гдѣ все это происходило. Онъ узналъ Маллета, и потребовалъ его къ себѣ, какъ человѣка, ввѣреннаго его надзору; объявивъ ему, что онъ не долженъ былъ выходить изъ своей больницы, безъ него или безъ его приказанія, велѣлъ его предварительно арестовать.

Маллетъ, видя, что онъ погибъ, хотѣлъ взять съ собою въ карманъ пистолетъ; но это замѣтили и три бывшіе съ нимъ человѣка, схватили его и обезоружили.

Такъ кончился этотъ заговоръ, достопримѣчательный по продолжавшемуся нѣсколько часовъ успѣху, и по скорѣйшему еще трагическому концу своему; заговоръ, который хотя былъ настоящая глупость, но все таки стоилъ жизни четырнадцати человѣкамъ. Кромѣ Маллета, Гвидаля и Лагорія, остальные одиннадцать были только покорными орудіями, и обманутыми. Тогда говорили и утверждали послѣ, что если бы Императоръ былъ въ Парижѣ, то сія экзекуція не была бы такъ значительна. Прибавляли еще, что число казненыхъ его испугало и онъ вскричалъ: «Это умерщвленіе, «разстрѣливаніе! . . . . Какое впечатлѣніе оно «сдѣлаетъ въ Парижѣ?» Все это не такъ: извѣст-

но, что Наполеонъ съ удовольствіемъ узналъ о семъ жестокомъ и скоромъ наказаніи за покушеніе противъ его власти. Онъ столько же досадовалъ на это дерзкое предпріятіе, сколько имѣлъ презрѣнія къ тому, какъ легко оно было приведено въ дѣйство; и нѣтъ сомнѣнія, что строгость, послѣдовавшая за предусмотрительностью и слабостью, совсемъ неизлишне вознаградила его за безпокойства, причиненныя ему этими происшествіями. Его всегда болѣе устрашали внутреннія обстоятельства, чѣмъ внѣшнія, и онъ очень хорошо зналъ, что если у него было оружіе противъ Государей, то нѣтъ ни какой власти противъ общественнаго мнѣнія. Онъ поспѣшалъ къ побѣдамъ, чтобы имѣть болѣе средствъ противодѣйствовать во Франціи. Въ чужихъ земляхъ онъ былъ побѣдителемъ, а дома не имѣлъ покоя; каждое народное сборище заставляло его трепетать. Что же съ нимъ было, когда онъ находился въ этихъ обстоятельствахъ.

Всѣ знаютъ, что навлекли на почтеннаго Г. Фроше, Сенскаго префекта, два слова сказанныя ему однимъ чиновникомъ префектуры, который встрѣтилъ его при возвращеніи въ Парижъ. *Fuit imperator.* Жертва очень естественной мысли, потому, что Императоръ все таки былъ не безсмертенъ; онъ былъ отставленъ съ гнѣвомъ, за что всѣ вознегодовали.

Общественное мнѣніе отдало ему справедливость, и въ послѣдствіи главный Совѣтъ Сенскаго Департамента ему это засвидѣтельствовалъ.

Таковъ былъ заговоръ Маллетовъ и такова участь этого глупца и его сообщниковъ. Происшествіе сіе не произвело слишкомъ большаго дѣйствія въ Парижѣ, въ ту самую минуту, какъ оно случилось, потому что въ одно время узнали и объ немъ и о его послѣдствіяхъ; праздные люди очень потѣшались тѣмъ, что Министра и Префекта Полиціи посадили въ тюрьму такіе люди, которые еще на канунѣ были ихъ арестантами. На другой день я навѣстилъ Савари, котораго нашелъ въ большемъ смущеніи отъ бывшей съ нимъ непріятности. Онъ зналъ уже, что надъ нимъ смѣются въ Парижѣ, по случаю его ареста, который продолжался не болѣе получаса. Гвидаль явился къ нему въ домъ вмѣстѣ съ Лагоріемъ; заставъ его въ постелѣ, они схватили его въ одной рубашкѣ и на силу согласились дать ему одѣться; всякое съ его стороны сопротивленіе было бы безполезно, и онъ въ этомъ обстоятельствѣ поступилъ, такъ какъ бы и всякой другой на его мѣстѣ.

Императоръ, какъ я уже сказалъ, выѣхалъ изъ Москвы въ тотъ самый день, въ который Маллетъ произвелъ въ дѣйствіе свое безпутное намѣреніе, то есть девятнадцатаго Октября; вѣсть объ этомъ дошла до него въ Смоленскѣ.

Раппъ былъ раненъ предъ вступленіемъ въ Москву, но раны его почти совсѣмъ зажили, и онъ имѣлъ возможность сопровождать Наполеона, при которомъ и находился когда тотъ получилъ донесеніе о случившемся въ Парижѣ происшествіи. Раппъ мнѣ разказывалъ, что чтеніе этого донесенія очень встревожило Наполеона. Онъ сердился на безполезность и не искуство Полиціи, обвинялъ Савари въ нерадѣніи, и въ этомъ случаѣ былъ не правъ; если Савари не открылъ Маллетова заговора, то это доказываетъ только, что не онъ его составлялъ, потому что всегда, если какая бы то ни было Полиція извѣщаетъ Государя, что она открыла заговоръ, то онъ можетъ быть увѣренъ, что сія же самая Полиція тутъ имѣла участіе. Наполеонъ не удовольствовался тѣмъ, говорилъ мнѣ Раппъ, что жаловался на нерадѣніе агентовъ своей власти. «Вотъ, сказалъ онъ, на чемъ «держится мое могущество? Какъ? . . . Видно «это могущество очень не надежно, когда одинъ «человѣкъ, содержащійся въ заперти, можетъ «его подвергнуть опасности! По этому корона «на моей головѣ неслишкомъ плотно держит«ся, если въ самой моей столицѣ, дерзкая вы«ходка трехъ безпутныхъ удальцевъ можетъ ее «поколебать! Раппъ, бѣда одна не приходитъ; «это прибавка къ тому, что здѣсь происходитъ. «Мнѣ нельзя быть повсюду, но я долженъ

«возвратиться къ себѣ въ столицу, присутствіе «мое тамъ необходимо, чтобы возстановить мнѣ«ніе. Мнѣ нужны люди, и деньги; великіе успѣ«хи, великія побѣды все поправятъ. Я долженъ «ѣхать.»

Такія причины понудили Императора уѣхать совсею возможною поспѣшностью изъ арміи. Мнѣ ужасно было досадно видѣть людей, которые внезапный отъѣздъ его приписывали трусости, слабости, болзни. Онъ боялся! онъ былъ трусъ! Какъ же вы его знали! Никогда онъ не былъ счастливѣе, какъ на полѣ сраженія, покойнѣе, какъ посреди опасностей; скажите лучше, что онъ трепеталъ при одной мысли о какомъ нибудь двусмысленномъ изрѣченіи въ памфлетѣ, и вы не ошибетесь. Я очень понимаю то живое безпокойство, которое его одолѣло, когда онъ узналъ о Маллетовомъ предпріятіи; онъ зналъ, что публикѣ могли придти на умъ тѣ же мысли, которыя онъ обнаружилъ предъ Раппомъ, что нравственнаго дѣйствія такого покушенія должно было опасаться потому, что оно влекло къ тому, чтобы уничтожить ту обманчивую мысль о силѣ и непоколебимости, которыми онъ всячески старался окружить свое правленіе. Что же бы вышло, если бы Маллетъ не такъ поторопился въ своемъ дерзкомъ заговорѣ, а повременилъ

бы, и принялся за него когда въ Парижѣ получили этотъ знаменитый двадцать девятый бюллетень, который погрузилъ весь городъ въ такое смущеніе, какого не видывали съ самого его возшествія; Бюллетень, который онъ осмѣлился окончить увѣреніемъ: *Императоръ здоровъ!*

ГЛАВА XI.

Мюратъ оставляетъ армію.—Ней и Евгеній.—Какъ легко Италіянцы сносили стужу.—Прибытіе Наполеона въ Парижъ.—Фуше въ Парижѣ и опасенія Герцога Ровиго.—Слѣдствія Маллетова дѣла, и отрѣшеніе Г. Фрошо.—Пренебреженіе законными формами.—Наполеону необходимо вознаградить свои уроны.—Всеобщія жалобы.—Неимовѣрная дѣятельность и созданіе новой арміи.—Учрежденіе почетной стражи.—Затруднительное положеніе Прусскаго Короля.—Отложеніе Генерала Іорка, и осужденіе.—Безпокойства Наполеона.—Созваніе тайнаго совѣта.—Благоразумныя мнѣнія отвержены, а война рѣшена.—Положеніе Испаніи.—Слабость и отреченіе Папы.—Графъ Людовикъ Нарбонскій въ Вѣнѣ.—Безуспѣшные переговоры.—Вторый тайный совѣтъ.—Старинный церемоніалъ.—Регенство возлагается на Императрицу.—Марія Луиза и Королева Бланка.

Въ предъидущей главѣ я объяснилъ причины, по которымъ Наполеонъ поспѣшилъ возвратиться въ Парижъ, поручивъ впрочемъ остатки своей арміи попеченіямъ самыхъ искусныхъ Генераловъ, Мюрата, командовавшаго кавалеріею съ такою славою, но который покинулъ

армію и возвратился въ Неаполь; Нея, героя, котораго имя пребудетъ вѣчно въ лѣтописяхъ славы, а смерть также незабвенна въ отношеніи къ мстительности партіи. Евгеній болѣе другихъ начальниковъ умѣлъ содержать какую-то подчиненность между своими Италіянцами, посреди всеобщаго безпорядка, и замѣтили, что солдаты съ полудня, находившіеся въ ужасной Московской кампаніи, лучше солдатъ родившихся не въ столь теплыхъ климатахъ, переносили суровости холода, точно какъ будто бы природа дала людямъ привыкшимъ къ большому теплу, способность переносить суровость противуположной температуры.

Наполеонъ прибылъ въ Парижъ 19 Декабря въ восемь часовъ вечера, съ Коленкуромъ, котораго братъ убитъ при Московскомъ дѣлѣ. Коленкуръ сопровождая его, былъ съ нимъ наединѣ двѣ недѣли. Я узналъ, что Императоръ возвращаясь былъ очень дурно расположенъ къ Савари за Маллетово дѣло, и хотя Коленкуръ постоянно старался его оправдать, но Наполеонъ оставался все въ томъ же предубѣжденіи противъ своего Министра, котораго также точно можно было попрекнуть заговоромъ трехъ глупцовъ, какъ Бонапарте, морозомъ, истребившимъ его армію. Въ Парижѣ всѣ думали, что Герцогъ Ровиго будетъ отставленъ, а пребываніе Фуше въ Парижѣ придавало вѣ-

су такому предположенію. Однако ничего не вышло, и Наполеонъ, обсуживающій вещи лучше вблизи, чѣмъ издали, между прочимъ сказалъ относительно арестованія Министра Полиціи, что онъ самъ ежедневно находится въ рукахъ и въ полной волѣ баталіоннаго командира, начальствующаго надъ карауломъ въ Тюльери. Наполеонъ, также предубѣжденный противъ Префекта Полиціи Г. Пискье, не оказалъ къ нему никакой строгости; весь гнѣвъ его обрушился на Г. Фрошо, чтобы кого нибудь отрѣшить, и онъ опредѣлилъ на его мѣсто Г. Шаброля, зятя архи-казначея, бывшаго Префектомъ въ Савонѣ, гдѣ онъ умѣлъ согласить обязанности своего званія съ тѣмъ долгомъ, который на него какъ на человѣка налагали добродѣтели и несчастія Папы, во время продолжительнаго его пребыванія въ главномъ городѣ Монтенотскаго Департамента. Я иногда имѣлъ случай видѣть Г. Шаброля, когда онъ служилъ инженеромъ путей сообщенія въ Египетскомъ походѣ; видалъ его и опять, особливо при возстановленіи, и долженъ похвалиться его ко мнѣ отношеніями.

Возвращеніе Наполеона въ Парижъ совсѣмъ не было похоже на прежнія послѣ двухъ Вѣнскихъ походовъ и Тильзитскаго, когда онъ возвращался покрытый лаврами и приобрѣтя миръ своими побѣдами. Не упустили замѣтить, что

первая большая испытанная имъ неудача сопровождала первое предпріятіе, на которое онъ пустился послѣ своей женидьбы на Маріи Луизѣ, и тогда болѣе чѣмъ когда нибудь распространилось въ народѣ повѣріе, что присутствіе Іозефины приносило ему счастіе, и такъ какъ онъ иногда былъ суевѣренъ, то я не поручусь, чтобы онъ по временамъ не раздѣлялъ съ народомъ такую мысль.

Съ этого времени Наполеонъ пересталъ соблюдать даже наружныя законности въ своемъ правленіи. Онъ поступалъ по произволу, полагая, что важныя обстоятельства, въ которыхъ онъ находился могутъ извинить все. *Посреди* своихъ неудачь, онъ съ какимъ-то удовольствіемъ видѣлъ, что Американскіе Соединенные Штаты объявили войну Англіи, хотя это было слишкомъ слабымъ вознагражденіемъ за тѣ уроны, которые онъ претерпѣлъ на твердой землѣ. Его природная дѣятельность не только не покидала его, но казалось пріобрѣла еще новую силу въ затруднительныхъ его обстоятельствахъ. Твердое намѣреніе вознаградить за понесенные уроны, необходимость прибѣгнуть къ сильнымъ средствамъ, надобность отвратить всеобщее вниманіе отъ бѣдствій Французской арміи при Березинѣ, заставить всѣхъ говорить о новыхъ побѣдахъ, представлявшихся ему несомнѣнными въ будущности, желаніе прекратить жало-

бы, которыя возникали со всѣхъ сторонъ въ нѣсколько соединенныхъ голосовъ, всѣ эти причины заставили его рѣшиться дѣлать противузаконные налоги въ предположенiи, что послѣдствiе оправдаетъ средство, и прибѣгать къ мѣрамъ, достойнымъ порицанiя во всякомъ правленiи.

Какъ ни непонятны были средства, которыя тогда употреблялъ Императоръ, чтобы достать себѣ пособiй, справедливость требуетъ, осуждая его, признаться, что это было необходимостью его системы правленiя, и что онъ далъ скорый и почти невѣроятный ходъ всему, что только могло вознаградить его потери, поставить его въ возможность противустоять непрiятелямъ и возвратить побѣду подъ его знамена. Все шло разомъ: создаютъ новую артиллерiю; людей набираютъ толпами, требуютъ величайшихъ пожертвованiй и, такъ сказать, исторгаютъ ихъ волшебною еще властiю Наполеона; Императорскiй глазъ повсюду.

Всѣ повиновались; но сколько было жалобъ по всей Имперiи! Я слышалъ, какъ онѣ раздавались по Парижу, гдѣ столько семействъ были приведены въ ужасъ, сопряженнымъ съ обманомъ сзывомъ великаго числа молодыхъ людей, которые уже выполнили обязанности по конскрипцiи. Иные изъ нихъ нанимали за себя, платя огромную сумму — пятнадцать тысячъ

франковъ; такіе наемщики должны были служить за нихъ въ званіи почетнаго стража, потому что въ это время Наполеонъ учредилъ почетную стражу; это учрежденіе причинило ужасъ между самыми почетными и богатыми людьми, до которыхъ въ особенности относилось такое распоряженіе. Отъ корреспондентовъ моихъ, которые еще не переставали писать ко мнѣ изъ разныхъ городовъ Европы, я узналъ, что такой новаго рода наборъ въ особенности не понравился въ Голландіи, гдѣ несчастный отецъ предлагалъ чрезвычайно значительныя пожертвованія, только бы спасти своего сына, и не могъ никакъ склонить на то Наполеона, который тогда началъ думать, что послѣдній человѣкъ и послѣдняя копѣйка, принадлежатъ ему.

Однако же, какъ ни велика была дѣятельность Наполеона, чтобы изнуряя Францію, собрать новыя арміи, несчастія Русской кампаніи день ото дня становились тяжелѣ для его дѣлъ, которыя отъ того становилися болѣе и болѣе сомнительными. Прусскій Король заключилъ союзъ съ Франціею. Тогда-то отложился Генералъ Іоркъ, который, какъ извѣстно, начальствовалъ Прусскимъ участкомъ въ Наполеоновой арміи, составлявшимъ одною дивизіею часть корпуса, ввѣреннаго командованію Маршала Макдональда.

Отложенiе Прусаковъ произвело въ особенности неблагопрiятное нравственное дѣйствiе. При безчисленныхъ наборахъ людей, которыми со всѣхъ сторонъ формировали полки, нѣсколько тысячъ человѣкъ лишнихъ въ рядахъ непрiятельскихъ, не составили бы очень существенной важности; но это былъ сигналъ, который не оставилъ во Францiи сомнѣнiя на счетъ расположенiя нашихъ союзниковъ въ Германiи. Очень хорошо видѣли, что за симъ отложенiемъ надобно было ожидать другихъ. Наполеонъ, котораго проницательность никогда не покидала даже въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, зналъ, какое неблагопрiятное влiянiе имѣло это обстоятельство на будущее время. Онъ собралъ тайный совѣтъ, составленный изъ Министровъ и верховныхъ чиновъ. Г. Талейранъ, Камбасересъ и предсѣдатель Сената были также туда приглашены. Наполеонъ спросилъ у нихъ, нужно ли въ такомъ обстоятельствѣ, которое умножало затруднительность нашего положенiя, вступить въ переговоры или готовиться къ новой войнѣ. Камбасересъ и Талейранъ подали мнѣнiе въ пользу мира, котораго Наполеонъ по своему характеру, не могъ хотѣть послѣ пораженiя, а по тому ихъ и не послушали. Но Герцогъ Фельтрскiй, зная, какъ надобно тронуть чувствительную струну въ душѣ Наполеона, осмѣлился сказать, что онъ

сочтетъ Императору за безчестье, если согласится покинуть самую малѣйшую деревушку, присоединенную къ Имперіи Сенатскимъ рѣшеніемъ. Вотъ что называется говорить! мнѣніе его одобрено, и война продолжалась. Признаюсь что я самъ не осуждаю столько Наполеона за то, что онъ не рѣшился вступать въ переговоры въ то время, какъ за то, что онъ не приступилъ къ нимъ нешутя и прямодушно въ Дрезденѣ, когда Лютценское и Бауценское дѣла поддержали честь нашего оружія.

Во время великихъ пріуготовленій Наполеона къ новому задуманному имъ походу. Испанскія дѣла не ознаменовались ни большими уронами, ни большими успѣхами. Время вывода войскъ изъ Полуострова еще не наступило. Испанія представляла картину огромнаго пожара, въ которомъ пламя за недостаткомъ пищи готово было потухнуть.

Когда Наполеонъ возвратился въ Парижъ, Папа находился все еще въ Фонтенебло. Онъ рѣшился приступить къ условіямъ и подписать актъ, который по мнѣнію Императора долженствовалъ положить конецъ ихъ продолжительнымъ раздорамъ. Такъ какъ онъ былъ обманутъ нѣсколькими членами духовенства, то и захотѣлъ вскорѣ отрѣчься, потому что его снова обманули Кардиналы, впавшіе прежде у Наполеона въ немилость, и которыхъ ему воз-

вратили. Онъ началъ отрицаться отъ Конкордата, на который склонился по слабости, а Наполеонъ, будучи тогда занятъ гораздо важнѣйшими для него дѣлами, безъ дальнихъ церемоній сказалъ Святому Отцу, чтобы онъ убирался и велѣлъ обнародовать актъ, на который Папа соизволилъ. Но находясь въ незавидномъ положеніи послѣ неудачь послѣдней кампаніи, Бонапарте не имѣлъ времени на то, чтобы обратить порядочно вниманіе на новыя затрудненія, которыя дѣлалъ Пій VII. Можно сказать, что онъ тогда былъ весь за Рейномъ. Ему неудалось, и державы, бывшія съ нимъ въ самомъ тѣсномъ союзѣ, отъ него отдѣлились, какъ ему того и ожидать надлежало, и Австрія не замѣшкалась послѣдовать примѣру Пруссіи.

Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Наполеонъ, который съ нѣкотораго времени умѣлъ цѣнить умъ, ловкость и дѣятельность Графа Лудовика Нарбонна, послалъ его въ Вѣну на мѣсто Г. Отто. Наполеонъ зналъ, что Австрійскій Императоръ, видя, что Прусская армія присоединилась къ Русской, которая шла къ Богеміи, намѣревался также съ ними соединиться; онъ надѣялся предупредить такое опасное для него соединеніе; но на мирныя предложенія Г. Нарбонна не обратили вниманія. Представившійся случай отмстить безъ всякой опа-

сности, былъ слишкомъ приманчивъ, чтобы Австрія имъ не воспользовалась.

Тутъ Наполеонъ ясно увидѣлъ, что Австрія его покидала, отказываясь дать свой участокъ войскъ, и потому вскорѣ можно было ожидать, что она поставитъ силы свои противъ него, и что ему придется вести войну съ цѣлою Европою; но это только изумило его смѣлость, но неуменьшило ея. Однако же часть Государей Рейнскаго союза пребывали къ нему еще вѣрными, и онъ окончивъ свои пріуготовленія, намѣревался опять вступить въ личное командованіе своею арміею, такъ чудесно возобновленною. Но на этотъ разъ предъ отъѣздомъ Наполеонъ, напуганный воспоминаніемъ о покушеніи Маллета, и желая удостовѣриться, что въ его отсутствіе не будетъ подобныхъ замысловъ, не вручилъ бразды правленія, какъ онъ прежде дѣлалъ, на время своихъ отлучекъ, въ руки Совѣта Министровъ подъ предсѣдательствомъ Архи-Канцлера. Онъ ввѣрилъ правленіе Имперіею Императрицѣ Маріи Луизѣ и окружилъ ее правительствующимъ Совѣтомъ. Такъ какъ никогда старинные обычаи въ правленіи не наблюдались такъ тщательно, какъ во время Императорства, когда все дѣлалось по образцу сохранившагося въ преданіи старинняго этикета, то принялись справляться въ хартіяхъ древней монархіи, чтобы узнать, что дѣлыва-

лось въ разныя эпохи исторiи, когда правленiе государствомъ, поручаемо было регентшамъ. Когда кончили этотъ высокiй трудъ, Наполеонъ созвалъ новый Тайный Совѣтъ, въ которомъ встрѣтили Марiю Луизу со всѣмъ возможнымъ церемонiаломъ; Императоръ вручилъ свою власть дочери Австрiйскаго Императора, точно также, какъ Святый Лудовикъ, отправляясь въ крестовый походъ отдалъ свою власть въ руки Королевы Бланки. Мой преемникъ при Наполеонѣ, Г. де Менневаль, былъ назначенъ къ Регентшѣ въ званiе главнаго Секретаря, и конечно нельзя было сдѣлать лучше выбора.

++

ГЛАВА XII.

Частыя возстанія.—Наполеонъ-Виль — Неудовольствіе жителей и возбужденія къ бунту.— Возмущеніе народа въ Гамбургѣ.—Сожженіе Французской караульни. — Разграбленіе нагруженныхъ судовъ.—Французское Начальство уважено.— Бездѣйствіе Начальствъ.—Уложенныя бумаги.— Г. Хабанъ и Генералъ Карра-Сенъ-Сиръ.— Особенная военная коммисія. — Возмущеніе въ Любекѣ.—Г. Гумбертъ де Флоньи — Дурные поступки нѣкоторыхъ Французскихъ агентовъ. — Всеобщее возмущеніе въ деревняхъ. — Подъ-префектъ спасается отъ народной ярости.— Гамбургскій префектъ и мысленное отчужденіе. — Ложный слухъ о приближеніи Корпуса Русской арміи.— Казни, ужасъ и негодованіе. — Уничтоженіе военной коммисіи.—Французскія войска примыкаютъ къ Гамбургу.—Французское Начальство уѣзжаетъ изъ Гамбурга.—Неудовольствіе Императора.— Негодованіе на Генерала Карра-Сенъ-Сира.— Лемарре защищаетъ Магдебургъ.—Козни увѣнчиваются успѣхомъ.—Г. Лероа дѣлается жертвою своего похвальнаго поведенія.

За долго до Наполеонова отъѣзда изъ Парижа къ арміи, которой большая часть находилась въ Саксоніи, во многихъ мѣстахъ обнару

жились частныя возстанія. Хотя онъ велѣлъ строить въ Вандеѣ новый городъ, наименовавъ его Наполеонъ Виль, и говорили о послѣдовавшихъ отъ того безпокойствахъ, но это были волненія, о которыхъ нечего было заботиться, и внутренняя часть древней Франціи находилась еще въ состояніи удовлетворительнаго спокойствія. Не таково было въ провинціяхъ, присоединенныхъ силою оружія къ границамъ Франціи, наипаче на сѣверѣ, и въ особенности въ этихъ несчастныхъ анзеатическихъ земляхъ, въ положеніи которыхъ съ самого времени моего пребыванія въ Гамбургѣ, я принималъ живѣйшее участіе. Не только, какъ упомянулъ я, послѣ того какъ кончились мои обязанности, я ѣздилъ туда нѣсколько разъ, но и велъ столь откровенную и надежную переписку, что могу поручиться, точно какъ очевидный свидѣтель за истину того, что мнѣ предстоитъ сказать еще о событіяхъ, случившихся въ этихъ провинціяхъ въ началѣ 1813 года и позже. Свѣденія о сихъ событіяхъ подтвердились еще, когда Лудовикъ XVIII въ 1815 году послалъ меня съ порученіемъ въ Гамбургъ.

24 Февраля 1813 въ девятомъ часу утра особенно происшествіе, въ которомъ народъ принялъ участіе, подало знакъ къ возстанію въ Гамбургѣ. Одинъ человѣкъ, проходя въ Гамбургъ чрезъ Альтонскую заставу, отказался

дать себя обыскать таможенному — тотъ его началъ бить и даже нанесъ ему значительныя раны. Въ одну минуту народъ взволновался, прогналъ караулъ и зажегъ караульню. Эта чернь, будучи подстрекаема и вспомоществуема тайными агентами, напала на другіе Французскіе караулы и надѣлала такихъ же неистовствъ и безпорядковъ. Таможня, бывшая у Баумъ-Гаузскихъ воротъ наиболѣе потерпѣла; эта неистовая толпа раздражась задержала нѣсколько готовыхъ къ отплытію кораблей и разграбила ихъ грузъ. Г. Піонье, принявшій отъ Г. Эуделя должность Директора таможень, явился самъ на мѣсто этого происшествія и старался прекратить сумятицу, но его никто не хотѣлъ и слушать; онъ принужденъ былъ удалиться, и то съ большею опасностію, потому что жизнію своею онъ обязанъ только защитѣ и преданности одного жителя, который скрылъ его у себя.

Взбунтовавшіеся, которымъ эти первые подвиги придали смѣлости, скоро разсыпались по всему городу; они срывали орлы и Императорскіе гербы, бывшіе надъ дверями разныхъ присутственныхъ мѣстъ; однако же въ ихъ остервененіи противъ знаковъ Французскаго Правительства былъ какой-то порядокъ, потому что они кромѣ того ни пускались ни на какой грабежъ и не причинили никакого вреда. Они оставили въ

покоѣ всѣ домы, занимаемые Французскимъ Начальствомъ; лица принадлежащія къ этому Начальству, когда столь неожиданно поднялся мятежъ, удалились въ свои дома, и могли это сдѣлать безпрепятственно. Всѣ порядочные жители и не участвовавшіе въ возмущеніи также разошлись по домамъ, и никто не показывался на улицахъ.

Послѣ отбытія Принца Экмюльскаго въ Русской походъ, Генералъ Карра-Сенъ-Сиръ командовалъ въ Гамбургѣ. При первомъ слухѣ о возмущеніи, онъ велѣлъ укладывать свои бумаги; это же сдѣлали съ своей стороны Графъ Хабанъ, Г. Коннингъ, Гамбургскій Префектъ и Г. Добиньоскъ, Директоръ Полиціи. Г. Хабанъ тотчасъ послалъ въ Казначейство за должными ему шестидесятью тысячами франковъ: но въ самомъ началѣ не было принято никакихъ мѣръ къ усмиренію и къ удаленію опасности. Генералъ Карра-Сенъ-Сиръ, долго промѣшкавъ по пустому, послалъ просить помощи въ Альтону. Только въ четвертомъ часу вечера прибылъ въ Гамбургъ отрядъ Датскихъ Гусаровъ; чернь тотчасъ разогнали и посредствомъ многочисленныхъ патрулей, которые во всю ночь разъѣзжали по городу, оный предохраненъ былъ отъ всеобщаго разграбленія, котораго жертвою непремѣнно бы сдѣлался при дальнѣйшемъ промѣдленіи. Всѣ порядочные гражда-

не и владѣльцы всѣхъ классовъ собрались на другой день и распорядились средствами къ сохраненію спокойствія, такъ что Датскія войска могли возвратиться въ Альтону. Тогда Начальство принялось отыскивать виновныхъ; многіе были взяты подъ стражу; нарядили военную Коммисію Суда, но строгость ея ознаменовалась только на одномъ Курляндцѣ Купферѣ, который признался, что находился въ самой разъяренной толпѣ бунтовавшихся; его приговорили разстрѣлять и приговоръ сей былъ исполненъ.

26 Февраля подобное возмущеніе произошло въ Любекѣ. Вознамѣрились посягнуть на Французское начальство; добрые граждане тотчасъ собрались, оградили его отъ всякаго оскорбленія и проводили всѣхъ къ оному принадлежащихъ въ Гамбургъ, куда они прибыли 27 числа. Ими предводительствовалъ Аудиторъ-Подъ-Префектъ Г. Гумбертъ де Флоньи. Онъ заслужилъ уваженіе въ Любекѣ своею кротостію и тѣмъ, какъ исправлялъ свою должность. Любекская чернь въ особенности была озлоблена на одного Полицейскаго Коммисара, котораго всѣ вообще презирали за его поведеніе и то съ какою произвольностію и наглостію онъ расправлялся. Возмутившаяся чернь отправилась также къ Директору почтъ Леженю, котораго

обвиняли въ Любекѣ, въ чрезвычайной строгости и даже невѣжливости.

Безпорядокъ и поспѣшность, съ какими эти бѣглецы явились въ Гамбургъ, распространили тамъ страхъ и смятенie. Опасность сочли гораздо большею, чѣмъ она была, потому, что они были охраняемы сильнымъ военнымъ отрядомъ.

Этимъ не ограничилось возстанie, имѣвшее предметомъ избавиться отъ Французскаго ига, которое сдѣлалось несносно: всѣ деревни по лѣвому берегу Эльбы мгновенно взбунтовались. Управляющie, полицейскie коммисары, таможенные, всѣ укрылись въ Гамбургъ. Въ Штадѣ, небольшомъ портѣ на лѣвомъ берегу Эльбы, принадлежащемъ Гановру, одинъ Аудиторъ-Подъ-Префектъ Давидъ, сынъ, кажется, живописца, поступавшiй въ своемъ управленiи совсемъ не отечески, едва не сдѣлался жертвою этого возмущенiя. Штадская чернь собралась передъ его домомъ и поставила большой колъ, чтобы съ нимъ расправится. Но порядочный житель Г. Вольфъ имѣлъ мужество предохранить его отъ ожидавшаго его жребiя, давъ ему средство уйти.

Во время сихъ частныхъ возмущенiй все оставалось въ небреженiи: нерѣшительность, слабость и корыстолюбie видны были по всюду; вмѣсто того, чтобы успокоивать умы, издавна

раздраженные самою тягостною тиранією, принималися еще за строгость. Тюрьмы были наполнены множествомъ людей, объявленныхъ подозрительными по однимъ только показаніямъ агентовъ Полиціи. Съ 3 Марта особенная военная коммисія, о которой я говорилъ, сдѣлавшись отважнѣе отъ присутствія большаго числа войскъ, которыя вступили въ Гамбургъ, приказала разстрѣлять съ большею торжественностью на крѣпостномъ гласисѣ шестерыхъ отцевъ семейства, изъ числа жителей города и окрестностей, единственно за то, что они находились случайно или изъ любопытства на публичной площади во время бунта.

Эта кровавая экзекуція произвела столько же негодованія и омерзенія, сколько ужаса. Не привыкли видѣть подобныя сцены. Каждый думалъ о себѣ,—эта военная коммисія справедливо наводила на всякаго страхъ. Волненіе и ропотъ заставляли опасаться новаго и всеобщаго бунта Мэръ, съ ужасомъ видя, какія несчастія угрожали городу, собралъ старшинъ гражданства, которыхъ всегда выбирали изъ самыхъ достойныхъ уваженія людей. Они представляли съ большимъ жаромъ и убѣжденіемъ, что если немѣдленно не будетъ положенъ конецъ этой бойнѣ и тираническимъ обидамъ, которыми удручали жителей, тогда они не берутъ на себя предупредить величайшія бѣдствія. Гене-

ралъ Карра Сен-Сиръ принужденъ былъ обнародовать объ уничтоженiи военной коммисiи. Извѣстiя о приближенiи Русскихъ и Прусскихъ войскъ, идущихъ въ низъ по Эльбѣ, умножило бывшее въ Вестфалiи, Гановрѣ, Мекленбургѣ и Померанiи волненiе.

Всѣ пользуясь нашими неудачами, говорили противъ угнѣтательной системы, образовавшейся для раззоренiя народовъ и выполняемой повсюду тѣмъ съ большимъ усердiемъ и преданностью, что умѣли угождать властителю судебъ твердой земли Европы, и пользоваться его чрезвычайными милостями. Въ этихъ обстоятельствахъ всѣ Французскiя войска расположенныя между Берлиномъ и Гамбургомъ, считая въ томъ числѣ и тѣ, которыя находились на берегахъ Балтiйскаго моря, двинулись къ Гамбургу. Данiя, извѣстясь объ опасности угрожавшей ея нейтралитету нарушенiемъ отъ побѣдителей, или отъ побѣжденныхъ, расположила свои войска по всѣмъ своимъ границамъ къ Сѣверу отъ Бергдорфа и Гамбурга по правую сторону Эльбы и въ направленiи къ Пруссiи.

Гражданскiя и Военныя Французскiя Казначейства, всѣ присутственныя мѣста съ бумагами были отправлены въ Гамбургъ, на лѣвомъ берегу Эльбы. Члены превотальнаго суда уѣхали въ Альтону. Дочери Г. Хабана поѣхали туда же, а жена его отправилась во Францiю съ госпо-

жами Добиньоскъ и Гонзе; первая была жена Директора Полиціи, а послѣдняя Директора Почтъ.

Генералъ Карра-Сенъ-Сиръ и Префектъ Баронъ Коннингъ, уѣзжали каждый вечеръ въ Альтону. Послѣдній, утомясь такими безпрестанными безпокойствами и такою бродяжническою жизнію, лишился разсудка. Пятаго Мая возвращаясь въ Гамбургъ, онъ хотѣлъ зарѣзаться бритвою. Камердинеръ его спасъ ему жизнь, бросившись къ нему довольно впору, и помѣшавъ исполнить его намѣреніе. Всѣ говорятъ, что съ нимъ сдѣлался ударъ; его перевезли сначала въ Альтону, а потомъ въ Итцхо, гдѣ умеръ Герцогъ Брауншвейгскій, раненный въ Іенѣ. Удалось возвратить Г. Коннингу здоровье и разсудокъ. Онъ былъ Голландецъ, очень честный человѣкъ, но безъ характера и мало способный.

Между тѣмъ разсказы всѣхъ пріѣзжихъ, разсказы, изъ которыхъ многіе, какъ то часто случается, были преувеличены, предвѣщали приближеніе Русской арміи. Тотчасъ велѣно отступать, что и выполнено 12 Марта. Генералъ Карра-Сенъ-Сиръ, не имѣя нисколько на издержки денегъ, заставилъ себѣ выдать сто тысячъ франковъ изъ городскаго казначейства; онъ выступилъ изъ города, предводительствуя войсками и собранными таможенными. Его

сопровождала градская стража, чѣмъ онъ избѣгнулъ обидъ со стороны черни. Никогда съ такимъ удовольствіемъ и усердіемъ не сбывали съ рукъ гостей.

Таково настоящее изложеніе событій, о которыхъ узналъ я. Такое внезапное отступленіе, вѣроятно избавившее Французовъ, безразсудно брошенныхъ на сѣверѣ, отъ вѣрной гибели, было досадно Наполеону. Онъ обвинялъ въ малодушіи Генерала Сенъ-Сира въ одной статьѣ, напечатанной въ Монитерѣ и потомъ перепечатанной по его приказанію во всѣхъ журналахъ. Вотъ въ кратцѣ тѣ упреки, которые дѣлали Сенъ-Сиру.

Генералъ Сенъ-Сиръ сдѣлалъ непростительный поступокъ въ глазахъ всѣхъ безпристрастныхъ наблюдателей. Ему бы можно было, посредствомъ искусныхъ шпіоновъ, имѣть вѣрныя свѣденія о мнимомъ приближеніи двѣнадцати-тысячнаго Русскаго корпуса. Его обманули тѣ, кто преувеличилъ въ глазахъ его опасность. Захотѣли воспользоваться смутными минутами и сожгли всѣ бумаги особеннаго совѣта, коммисіи для взысканія недоимокъ, свидѣтельствованнаго комитета и полицейскаго архива. Такое, по видимому вынужденное, уничтоженіе протоколовъ объ арестахъ, секвестрахъ, конфискаціяхъ, о ихъ количествѣ и цѣнѣ, обезпечивали недобросовестныхъ агентовъ на счетъ

всякаго изслѣдованія, розысканія и повѣрки на будущее время и избавляло ихъ отъ отвѣтственности, которой имъ надлежало опасаться.

Эта туча агентовъ, которыхъ выгоды требовали уничтожить всѣ доказательства ихъ хищничества и лихоимства, увлекла Генерала Сенъ-Сира; явно, что если бы онъ былъ лучше извѣщенъ и менѣе испуганъ, то могъ бы держаться въ Гамбургѣ и отвратить временное занятіе этого города, который надлежало осаждать спустя два мѣсяца. У Сенъ-Сира было три тысячи человѣкъ регулярнаго войска, и большое число таможенныхъ. Генералъ Моранъ могъ привести къ нему пять тысячъ человѣкъ изъ Мекленбурга. Не только Генералу Сенъ-Сиру можно было держаться въ Гамбургѣ еще два мѣсяца, но даже до конца кампаніи, какъ то сдѣлалъ Генералъ Лемаррэ въ Магдебургѣ. Если бы Генералъ Сенъ-Сиръ не торопился такъ уйти съ Эльбы, то въ скорости былъ бы подкрѣпленъ корпусомъ, приведеннымъ скоро послѣ того съ Везеля Генераломъ Вандамомъ, а въ послѣдствіи корпусомъ, съ которымъ Маршалъ Даву вступилъ въ Гамбургъ. По этому очень легко было обвинить въ этомъ отступленіи Генерала Сенъ-Сира, котораго ввели въ заблужденіе вѣроломные и низкіе совѣтники. Они оправдались въ этомъ отступленіи на его счетъ, представляя на видъ то повиновеніе, ко-

торымъ къ нему были обязаны. И такъ сей бѣдный Генералъ одинъ сдѣлался жертвою.

Соединенiе Сенъ-Сирова корпуса съ корпусомъ Генерала Морана было на правомъ берегу Эльбы въ *Цолленъ-Спикеръ*. Эти оба корпуса перешли черезъ Эльбу, и будучи безпрестанно обезпокоиваемы козаками, они отошли къ Бремену, гдѣ къ нимъ присоединились Даву и Вандамъ со всѣми Гамбургскими выходцами. Нѣкоторые изъ сихъ выходцевъ отправились въ Парижъ, и между прочими Г. Шабанъ. Наполеонъ не захотѣлъ принять его и велѣлъ дать ему предписанiе немедленно возвратиться къ своему мѣсту. Въ то же время приказано не пропускать черезъ Рейнъ никого, кто бы захотѣлъ возвратиться во Францiю. Принимали всѣ средства, чтобы не дать истинѣ пробраться въ Парижъ.

Какъ скоро удостовѣрились въ намѣренiяхъ Императора, то виновники отступленiя отъ Гамбурга перехватывали письма, посылаемыя во Францiю. Всѣ тѣ, кто такъ какъ они, не бѣжали въ Бременъ, были взяты на замѣчанiе и подвергнулись доносамъ. Бѣглецамъ нужна была еще другая жертва и имъ надобно было выказать въ большей мѣрѣ свою злость и лживость. Консулъ, назначенный на мое мѣсто въ Гамбургъ, былъ, какъ я сказалъ выше, Г. Лероа, извѣстный по своей свыше сороколѣтней,

усердной и безпорочной службѣ. Онъ не послѣдовалъ за бѣглецами; но послѣ всеобщаго выступленія изъ Гамбурга, ему нельзя было тамъ оставаться одному. Онъ отдалъ на сохраненіе надежной особѣ архивы консульства и уѣхалъ въ Голстинію, въ Итцгоё. Онъ хотѣлъ быть ближе къ мѣсту дѣйствій, чтобы имѣть возможность доставлять свѣденія правительству и самому ими пользоваться. Бѣглецамъ надобно было бы подражать такому поведенію, но они сожгли всѣ бумаги своего управленія, на тотъ конецъ, чтобы упрочить себѣ награбленное. Сверхъ того Г. Лероа провинился и въ томъ, что постоянно въ особенномъ совѣтѣ останавливалъ или смягчалъ множество несправедливыхъ распоряженій. Онъ не понравился Даву и его приверженцамъ. Всѣ представляли его поведеніе въ худомъ видѣ. Г. Лероа получилъ предписаніе отправиться въ Бременъ. Тамъ ему велѣно сдать должность. Онъ взялъ архивъ консульства отъ той особы, которой поручалъ его и отправилъ все во Францію, куда возвратился самъ скорбѣть о несправедливости Наполеона и взведенномъ на него извѣтѣ со стороны довѣренныхъ къ Императору людей.

++

ГЛАВА XIII.

Послѣдній мой разговоръ съ Дюрокомъ.—Кротость его характера. — Обычайные отвѣты Императора приверженцамъ мира.—Холодность Наполеона при смерти прежнихъ его сослуживцевъ.—Восторгъ жителей при избавленіи отъ Французскаго ига.—Восхищеніе народа въ Любекѣ.—Конфискація вещей, принадлежащихъ Французскому начальству. — Добровольныя приношенія и всеобщее усердіе.—Наборъ.— Перепись иностранцамъ.—Тридцать Французовъ свободныхъ и тридцать ссылочныхъ. — Г. Бувіе и благородное его поведеніе.—Слѣдующая глава.

Описанныя выше происшествія случились прежде, чѣмъ Наполеонъ выѣхалъ изъ Парижа, и можно себѣ представить, что подобныя возстанія очень могли причинять ему величайшія безпокойства, потому что они вопреки безпрестаннымъ увѣреніямъ льстецовъ его, показывали, что народы прикованные къ Французскому игу, держались у него только силою. Когда сила прекратилась, то легко было предвидѣть

всеобщее отпаденіе: не прошло и года, какъ это сбылось.

Я обѣдалъ у Дюрока за нѣсколько дней до его отъѣзда къ большой арміи — это названіе давали еще арміи, которою начальствовалъ лично Наполеонъ. Дюроку война уже надоѣла; но онъ желалъ мира менѣе для собственнаго своего спокойствія, чѣмъ для пользы Франціи и Императора. Этотъ почтенный другъ открылся мнѣ въ томъ съ полною и совершенною довѣренностью, которую мы всегда имѣли другъ къ другу съ самаго перваго дня нашего знакомства. Онъ былъ женатъ на дочери Г. Герваса; жена его родила, и Дюроку бы конечно очень хотѣлось сколько нибудь насладиться семейственнымъ счастіемъ, которое такъ свойственно было кротости его характера въ домашней жизни. Впрочемъ онъ нисколько самъ за себя не роптал̃ъ и когда я упрашивалъ его уговорить Императора заключить миръ, даже и съ какими нибудь пожертвованіями: «Ты бы это могъ сдѣлать, возражалъ онъ, если бы находился еще при немъ, потому что ты не военный; а когда кто изъ нашей братьи пустится давать ему благоразумные совѣты, такъ онъ всегда намъ отвѣчаетъ, что мы думаемъ только о себѣ: «Вотъ это что, говоритъ онъ намъ, вамъ война «надоѣла; вамъ бы хотѣлось въ Парижѣ наслаждаться вашимъ богатствомъ; да развѣ я от-

«дыхаю?» Что ты хочешь, прибавилъ Дюрокъ, чтобы отвѣчали на такiя слова; надобно покоряться нашей долѣ до конца; мы вмѣстѣ съ нимъ воспитаны; такъ что же! если онъ падетъ, такъ мы падемъ вмѣстѣ; но я тебѣ признаюсь, что меня очень печалитъ то, что онъ такъ мало сожалѣетъ о нашихъ старыхъ сослуживцахъ; онъ говоритъ съ торжественнымъ видомъ: «Такой-то умеръ какъ храбрый!» А черезъ минуту и не думаетъ больше объ немъ. Когда я прощался съ Дюрокомъ, то кто бы могъ думать, что часъ его смерти близокъ, и что онъ падетъ съ Бессiеромъ, какъ Ланнъ и столько другихъ Генераловъ, пожранныхъ войною?

Между тѣмъ я продолжалъ собирать вѣрныя свѣденiя о всемъ, что происходило въ Анзеатическихъ городахъ, послѣ отбытiя Французскаго начальства, подъ начальствомъ Генерала Карра-Сенъ-Сира, чѣмъ, какъ видѣли, Императоръ былъ такъ недоволенъ.

Тогда, безъ сомнѣнiя, нетрудно было видѣть, въ какую ошибку былъ вовлеченъ Наполеонъ своимъ ли честолюбiемъ, наклонностью ли къ грабительству или нелѣпостью своихъ совѣтниковъ, когда присоединилъ къ Имперiи Анзеатическiя земли; если бы эти земли остались свободными, то ихъ бы уважали союзники; но полагали, что они составляютъ часть Францiи, такъ какъ прежде того къ ней принад-

лежали; это одно дѣлало ихъ непріязненными. Кто бы подумалъ? Въ этомъ народонаселеніи, въ такой степени уменьшившемся въ теченіи двухъ лѣтъ, нашли средство набрать отъ восьми до десяти тысячъ человѣкъ въ городахъ и деревняхъ. Какъ скоро набирали нѣсколько сотенъ человѣкъ, тотчасъ ихъ отправляли къ союзнымъ арміямъ. Эти войска, на скоро набранныя, безъ подчиненности и изъ самыхъ низшихъ классовъ, дурно себя вели и предавались безпорядкамъ.

Ненависть, какую поселило къ себѣ Французское Правительство въ Гамбургѣ была такова, что занятіе Теттенборново почитали дѣломъ освобожденія, и Сенатъ захотѣлъ при отъѣздѣ этого начальника изъявить ему свою признательность. Ему дали патентъ на гражданство и пять тысячъ фридрихсдоровъ.

Въ первый день вступленія Русскихъ Г. Стеуве приказалъ сдѣлать, посредствомъ Теттенборна, перепись всѣмъ иностранцамъ, находящимся въ Гамбургѣ; имъ приказано было явиться въ Штабъ для повѣрки ихъ именъ и званій и объявленія причинъ, по которымъ они проживаютъ въ семъ городѣ. Распоряженіе, сдѣланное въ отношеніи къ *иностранцамъ*, имѣло, само собою разумѣется, въ предметѣ однихъ только Французовъ. Шестдесятъ нашихъ соотечественниковъ были задержаны и взяты

подъ присмотръ. Впрочемъ они не имѣли никакихъ другихъ непріятностей; и черезъ нѣсколько дней половина изъ нихъ были освобождены. Г. Бувье, исправлявшій должность Французскаго Консула въ Любекѣ, освобожденъ одинъ изъ первыхъ: благороднымъ своимъ поведеніемъ онъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе. Какъ скоро узнали, что онъ арестованъ у себя въ домѣ, тотчасъ пятеро самыхъ почтеныхъ Гамбургскихъ жителей поспѣшили отправиться къ Теттенборну и представить объ немъ самыя выгодныя засвидѣтельствованія, предложивъ, если нужно, свое поручительство за него. Графъ Гротъ, Прусскій Министръ, сдѣлалъ тоже — столько онъ зналъ почтенный характеръ Г. Бувье. Никто, наипаче, не могъ его знать столько какъ я—онъ долго служилъ подъ моимъ начальствомъ. Тридцать другихъ Французовъ, которымъ Русскій начальствующій невозвратилъ свободы, были отправлены на Гановрскій берегъ Эльбы. Это былъ сбродъ бродягъ, чрезвычайныхъ таможенныхъ, которыхъ должность состояла въ удостовѣреніи, въ полнѣ ли выполняются притѣсненія таможни надъ жителями, и изъ агентовъ Французской полиціи. Этимъ ограничились преслѣдованія и месть, выполненныя козаками.

++

ГЛАВА XIV.

Новая Наполеонова армія.—Поведеніе Англійскаго Министра въ Гамбургѣ.—Смерть Генерала Морана.—Французы опять завладѣли Гамбургомъ.—Слова Наполеона о Вандаммѣ.—Вандаммъ и Теттенборнъ.—Генералъ зажигатель—Мщеніе надъ двумя Совѣтниками.— Новый Омаръ.— Замокъ Лиліенталь, Шротеръ, и астрономическіе инструменты, подаренные Императоромъ.—Умноженіе Французскихъ силъ на Эльбѣ.—Бонапарте и Густавъ-Адольфъ въ Лютценѣ.—Соединеніе корпусовъ Даву и Вандамма. — Приказаніе Наполеона отнять Гамбургъ. — Выступленіе Русскихъ и вступленіе Французовъ.—Обнаруженіе оффиціальной лжи.— Г. де Серръ и новый префектъ въ Гамбургѣ.— Генералъ Гогендорфъ, и мѣры строгости. — Благоразумное поведеніе Директора таможенъ.—Обиды и грабительства.—Поводъ оффиціальной лжи.—Контрибуція сорока восьми миліоновъ.—Народонаселеніе Гамбурга уменьшается одною третью.—Бонапарте въ Тамплѣ и новый списокъ заложникамъ.—Невообразимыя гоненія.—Маленькіе Нероны.

Возстановленіе Гамбургскаго Сената было не надолго. Скоро увидѣли, что слишкомъ поторопились изъявить ненависть свою къ Фран-

цузскому Правительству, и не безъ живѣйшаго безпокойства узнали въ Анзеатическихъ городахъ о чрезвычайныхъ мѣрахъ, предпринимаемыхъ Императоромъ, чтобы въ скоромъ времени напасть на Германію, гдѣ его намѣстники неупустительно жестоко мстили народамъ, непризнававшимъ его владычества. До отбытія изъ Парижа, 15 Апрѣля, Наполеонъ привелъ подъ знамена возрожденной своей арміи сто восемьдесятъ тысячъ человѣкъ, не считая почетной стражи, и можно было видѣть, что съ подобными средствами и его геніемъ, онъ могъ еще играть въ большую игру, и можетъ быть даже ее выиграть. Характеръ Императора знали, и это ни сколько не успокоивало Гамбурцевъ: къ тому же случилось еще одно обстоятельство, которое не мало способствовало къ умноженію безпокойствъ относительно возвращенія Французовъ: Англійскій Министръ Г. Конбурнъ, прежде уполномоченный къ Гамбургскому Сенату, пріѣхалъ провести нѣсколько дней въ этомъ городѣ, и такъ какъ онъ послалъ въ Гейльголандъ, островокъ, лежащій у устья Эльбы, запрещеніе Англійскимъ судамъ итти вверхъ по сей рѣкѣ, то можно судить, каковы были опасенія этого дипломата, который вскорѣ и самъ выѣхалъ изъ Гамбурга. Все это не успокоивало не счетъ будущаго. Однако же Апрѣль мѣсяцъ прошелъ безъ всякаго важнаго проис-

шествія для земель Анзеатическихъ; въ нихъ жили между страхомъ и надеждою; каждый день происходили стычки между Русскими и Французами, на границѣ, которая идетъ между Люнебургомъ и Бременомъ. Многіе Французскіе посты проникли даже до Гаарбурга, порта лежащаго на левомъ берегу Эльбы, напротивъ Гамбурга, и въ двухъ миляхъ отъ этого города; но до сихъ поръ не было ничего рѣшительнаго.

Въ одной изъ этихъ встрѣчь между Французскими и Русскими войсками, Генералъ Моранъ былъ опасно раненъ. Его перевезли въ Лаумбургъ. Братъ его взятъ въ плѣнъ въ томъ же дѣлѣ, и Теттенборнъ, къ которому онъ попалъ въ руки, дозволилъ ему, на слово, ѣхать для поданія помощи Генералу, но онъ, къ огорченію своему, поспѣлъ къ нему только къ послѣднему его издыханію. Генералъ Моранъ начальствовалъ въ Гамбургѣ съ большею справедливостью, кротостью и умѣренностью; по сему его искренно сожалѣли Гамбургскіе жители, въ особенности отъ того, что зная близость его пребыванія, они могли надѣяться, что его опять назначатъ правителемъ, если бы имъ пришлось снова подпасть подъ Французское владычество.

Французы достигнувъ Гамбурга, расположились на площадкѣ Шварценберга, которая

командовала надъ этимъ городкомъ, также по теченію рѣки и надъ довольно большими здѣсь находящимися островами, между Гаарбургомъ и Гамбургомъ. Имѣя въ своей власти этотъ возвышенный пунктъ, Французы начали угрожать Гамбургу и атаковать Гаарбургъ. Атаки сіи были устроиваемы Вандаммомъ, самымъ страшнымъ Генераломъ для покоренныхъ земель. Вандаммъ былъ Кассельскій уроженецъ, и прослылъ такимъ неумолимымъ, что въ то самое время, какъ онъ атаковалъ Гамбургъ, Наполеонъ сказалъ объ немъ, въ Дрезденѣ: «Если бы «я лишился Вандамма, такъ не знаю, чего бы «не далъ только бы опять имѣть его; о если «бы у меня ихъ было двое, такъ я принужденъ «былъ бы одного растрѣлять.» И въ самой вещи довольно было одного.

Вандаммъ тотчасъ по своемъ прибытіи послалъ сказать Теттенборну, чтобы онъ немедленно выдалъ брата и зятя Генерала Морана, которые попались къ нему въ плѣнъ, а не то онъ вызжетъ Гамбургъ. Начальствовавшій Русскими силами отвѣчалъ ему чрезъ его посланнаго, что если онъ отважится на такую крайность, то самъ онъ велитъ повѣсить ихъ обоихъ на верху башни Св. Михаила (*) откуда онъ можетъ ими вдоволь налюбоваться. Та-

---

(*) Эта башня имѣетъ триста метровъ вышины.

кой смѣлый отвѣтъ заставилъ Вандамма удержать свой гнѣвъ, или обратить его на другіе предметы.

Въ это самое время разстрѣляли Совѣтниковъ Бергера и Финка, которые оба были отличные и очень уважаемые люди въ городѣ Варенѣ, лежащемъ въ Ольденбургѣ. Прекрасная деревня Лиліенталь, въ двухъ миляхъ отъ Бремена, была предана огню, по простому доносу, который даже не позаботились изслѣдовать, и который въ послѣдствіи оказался ложнымъ; въ этомъ доносѣ доносчики обвиняли жителей сей деревни въ согласіи съ непріятелемъ. Всѣ эти безполезныя жестокости можно приложить къ изрѣченію: «Прежде всего надобно велѣть разстрѣлять, а потомъ уже входить въ разбирательство.»

Но какая была причина такихъ жестокостей? Я не откажуся объяснить ее, потому что не говорю ничего на обумъ; это была потребность низкой мести. Все вышло по доносу человѣка важнаго, облеченнаго въ высокую должность. Проигравшись изъ давна, онъ предался другимъ порокамъ, и привезъ съ собою женщину, которой далъ свое имя и хотѣлъ, чтобы ее дѣйствительно признавали за его жену. Городскія дамы, будучи увѣрены въ противномъ, отказазались видѣться съ нею, и такова была благородная причина къ ненависти и къ мести въ

отношеніи двухъ почтенныхъ и невинныхъ людей, каковы были Совѣтники Варена, о которыхъ я упомянулъ.

Можно было сказать, что Вандаммъ нарочно старался ознаменовать власть свою самыми непостижимыми средствами. Замокъ Лиліенталь подвергнулся одинаковой участи съ деревнею этого имени. Тамъ жилъ, посвятивъ себя совершенно наукамъ, знаменитый астрономъ Шротеръ; тамъ были его книги и астрономическіе инструменты; Вандаммъ это зналъ; онъ зналъ также, что эти инструменты подарены Шротеру Наполеономъ, въ знакъ его благоволенія и въ поощреніе. Никакое уваженіе неостановило Вандамма; онъ дѣйствительно незналъ иной науки, кромѣ сабли. Пускай же теперь посудятъ о томъ дѣйствіи, какое долженствовало произвести на Сѣверѣ возвращеніе Французовъ, подъ предводительствомъ начальниковъ, которые шли впередъ какъ опустошители! Всѣ съ горестью взирали на такія варварскія дѣйствія, и безъ сомнѣнія, самые горячіе приверженцы Императора болѣе другихъ должны были скорбѣть объ этомъ, потому что если у нихъ была и крошечька ума, то они могли бы постигнуть невозможность, когда нибудь привязать къ себѣ народъ, съ которымъ поступали такимъ образомъ. Между тѣмъ это было послѣдствіе счастливаго и блестяща-

го начала кампаніи, которою распоряжалъ лично Наполеонъ, и какъ надѣяться отъ народа, что у него столько будетъ разборчивости, что не припишетъ воли главнаго властелина варварства его намѣстниковъ?

Между тѣмъ военныя Французскія силы ежедневно значительно умножались въ Гамбургѣ. Вандаммъ, пользуясь оплошностью новой Анзеатической арміи, которой ввѣрены были охраненіе и защита большихъ острововъ Эльбы, атаковалъ ихъ въ Майскую ночь. Эта ночь была та самая, которая наступила послѣ Лютценскаго дѣла, по которомъ обѣ стороны присвоивая себѣ верхъ, служили молебенъ въ своихъ лагеряхъ. Противное движеніе обѣихъ армій, при которомъ Французская шла впередъ, было причинною, что мнѣніе клонилось на сторону Наполеона, который былъ дѣйствительно побѣдителемъ, на полѣ сраженія, прославленномъ за два почти столѣтія побѣдою и смертью Густава Адольфа. Какъ бы то ни было, Вандаммъ опрокинулъ войска, защищавшіе островъ Вильгельсбургъ, большій изъ двухъ острововъ, и безъ труда овладѣлъ другимъ островомъ Фиденомъ, котораго самая близкая отъ праваго берега Эльбы оконечность, отстоитъ отъ Гамбурга только на полъ-пушечный выстрѣлъ. Тогда-то началась осада города и можно себѣ представить, каково было положеніе жителей. Увы! Они не

могли себѣ и представить тѣ бѣдствія, которыя съ ними случились! Девятое Мая былъ самый пагубный день для жителей Гамбурга, потому что именно этого числа Даву соединился съ Вандаммомъ, и у Маршала былъ корпусъ въ сорокъ тысячъ человѣкъ, назначенный въ подкрѣпленіе большой Наполеоновой арміи. Но не смотря на необходимость получить въ скорости такое значительное подкрѣпленіе, Наполеонъ далъ приказаніе Принцу Экмюльскому не оставлять Гамбургъ позади себя, и во что бы то нистало овладѣть имъ. Съ этой минуты участь Гамбурга была рѣшена. Французы не смотря на сильный дождь, который шелъ сряду нѣсколько дней не переставая, успѣли устроить батареи на островѣ Фидденѣ, и распространили ужасъ и смятеніе въ городѣ, куда всякую ночь кидали множество бомбъ.

Городъ не могъ долго держаться противъ столь значительныхъ силъ, каковы были Французскія. Правда, Теттенборнъ получилъ въ подкрѣпленіе восемь сотъ Прусаковъ и двѣ тысячи Шведовъ, но что это было, чтобы противостоять сорока тысячамъ войска Даву; Теттенборнъ не обманывался ни на счетъ слабости союзныхъ войскъ на этомъ пунктѣ, ни на счетъ безполезной опасности, которой бы онъ подвергалъ Гамбургъ, старались его оборонять. Онъ уступилъ убѣжденіямъ и просьбамъ жителей, которымъ не

трудно было увѣрить его въ томъ, въ чемъ онъ самъ убѣжденъ былъ, то есть что плодомъ должайшаго сопротивлѐнія, будетъ совершенное раззорѣніе. Онъ выступилъ изъ Гамбурга въ ночи съ 29 на 30 Мая, и увелъ съ собою эти прекрасные Анзеатическіе легіоны, которые не продержались и часу на островахъ Эльбы и Шведа Доктора Фонъ-Гесса, того самаго, котораго необдуманные совѣты были одною изъ первыхъ причинъ всѣхъ бѣдствій, удручавшихъ этотъ несчастный городъ.

Даву имѣлъ сношеніе, на счетъ отступленія Русскихъ съ Датскими военачальниками въ Альтонскомъ гарнизонѣ. И въ это время съ живѣйшею радостью видѣли въ Голштиніи, что театръ военныхъ дѣйствій отдаляется отъ береговъ Эльбы.

Даву былъ въ Гаарбургѣ, гдѣ принялъ съ наружною умѣренностью Гамбургскихъ депутатовъ и въ по слѣдствіе положенныхъ тогда условій, по утру 30 Мая, сильный отрядъ Датскихъ войскъ занялъ городъ именемъ Императора. Присутствіе этаго войска становилось уже необходимо; потому что при самомъ ихъ вступленіи имъ надобно было усмирить произведенное въ народѣ кровельщикомъ, по имени Маттлеръ-Кампинъ возмущеніе; возмущеніе сіе не имѣло послѣдствій и Датчане сохранили тишину и порядокъ.

Французы вступили въ тотъ же день въ восемь часовъ вечера и тотчасъ же заняли всѣ посты такъ спокойно, точно какъ бы смѣняли вчерашній караулъ. Жители молча, въ горести и въ отчаяніи, не оказали и тѣни сопротивленія; не пролито и капли крови; не сдѣлано никому обиды, даже угрозы. Вотъ истина во всей ея точности; но Наполеонъ не захотѣлъ, чтобы правда въ этомъ случаѣ была извѣстна, если не нашлось смѣлости скрыть ее отъ него самого; предъ глазами свѣта нужны были предлоги къ отмщенію; прибѣгнули къ бюллетенямъ, то есть сборищу дерзкихъ лжей и безстыднаго шарлатанства. По этому бюллетень возвѣстилъ Франціи и Европѣ, что *Гамбургъ взятъ силою, при чемъ потеряно нѣсколько сотъ человѣкъ.* Безъ воображаемаго сопротивленія, объявленнаго оффиціально, какъ бы въ самомъ дѣлѣ можно было оправдать всѣ хищничества, всѣ грабительства, которыхъ этотъ несчастный городъ сдѣлался театромъ.

Прежде всего явились одно за другимъ, прежнія начальства, которыя въ Бременѣ ожидали, чтобы Французы взяли обратно Гамбургъ, и порядокъ вещей, разрушенный почти три мѣсяца тому назадъ, былъ немедленно возстановленъ. Только Баронъ Коннингъ не являлся заступить опять свое мѣсто Префекта въ Гамбургѣ. Я уже сказалъ, что разстроилась у него го-

лова отъ страха, причиненнаго его положенiемъ; онъ хотя былъ вылѣченъ, но Наполеонъ его отставилъ и опредѣлилъ на его мѣсто Аудитора Государственнаго Совѣта, который хотя былъ очень молодъ, но отличился своимъ неограниченнымъ усердiемъ. Вотъ что мнѣ писалъ объ немъ одинъ умный и разсудительный человѣкъ, жившiй тогда въ Гамбургѣ, и не способный говорить безъ основанiя о чьемъ бы то ни было поведенiи.

«При первомъ посѣщенiи, которое сдѣлало «замѣнившее Сенатъ Верховное Императорское «судилище, подъ предсѣдательствомъ Г. Серра «(*), новому префекту, онъ встрѣтилъ ихъ внушенiемъ преданности и любви къ Императору. «Наполеонъ *прежде всего* и *сверхъ всего*, сказалъ «онъ, прибавивъ, что касается до него, то онъ «такъ любитъ Императора, что въ силахъ «убить собственными руками того, кто бы передъ нимъ обнаружилъ не тѣ же самыя чувства. Судьи, озадаченные и испуганные такимъ «избыткомъ любви, удалились въ молчанiи. Аудиторъ помѣстился въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ «его предшественникъ Г. Коннингъ, на счетъ «города, прямо напротивъ меня.

«Прямо изъ этой аудiенцiи, въ совѣтническомъ нарядѣ, былъ у меня одинъ изъ судей, «мой знакомый, и разсказывалъ вышеописан-

(*) Тотъ самый, который былъ послѣ Министромъ Юстицiи и Посланникомъ въ Неаполѣ.

«ное. Этотъ новый префектъ начальнически ве«лѣлъ съ роскошью прибавить мебели у себя «въ домѣ, и потребовалъ изобильный запасъ «столоваго бѣлья, восковыхъ свѣчь, вина и пр. «даже до шелковыхъ чулокъ.»

Голландскiй Генералъ Гогендорфъ назначенъ въ правленiи Гамбурга на мѣсто Карра Сенъ-Сира, сосланнаго въ Оснабрунъ, послѣ его слишкомъ поспѣшнаго отступленiя. Генералъ Гогендорфъ былъ причтенъ къ числу Императорскихъ Адъютантовъ, но это было не то, что Раппъ, Лористонъ или Дюрокъ; онъ съ ними имѣлъ совершенную противоположность. Вотъ, какъ начали поступать съ Гамбургомъ. Потребовали отъ города уплаты всѣхъ недоимокъ, которыя слѣдовали разнымъ Французскимъ начальствамъ впродолженiи семидесяти дневнаго отсутствiя. Тоже учинено взысканiе всего чтобы заплачено было, во время отсутствiя Французовъ, войскамъ гарнизона, которыя стояли въ другомъ мѣстѣ. Равномѣрно потребовали уплаты недоимки за постой такихъ людей, которые находились за пятдесятъ миль. Всѣ эти корыстолюбивыя дѣйствiя могутъ ли оставить какое либо сомнѣнiе въ людяхъ благоразумныхъ и друзьяхъ спокойствiя, во всѣхъ преходящихъ правительствахъ, которыя созидаетъ и разрушаетъ сила, въ томъ, что возобновляются тѣ самыя мѣры, которыя способствовали возстанiю противъ Французовъ, и даже вынудили его? Однакоже

я долженъ сказать, и скажу съ удовольствіемъ, что нѣкоторые начальники управленій, понимая лучше новое положеніе Французовъ въ Гамбургѣ, не допустили въ своихъ департаментахъ употребленія этихъ несправедливыхъ, притѣснительныхъ и опасныхъ мѣръ. Установленія о запискѣ въ роспись были болѣе приспособлены къ подлежащимъ подати; Гамбургцамъ дозволили казаться некрасивыми въ одѣяніи чуждомъ ихъ обычаямъ, и въ которое ихъ вырядили насильно, и за то ненаказывали; наконецъ Г. Піонье, Директоръ таможенъ, человѣкъ кроткихъ и честныхъ правилъ, чувствовалъ, сколько его обязанности были щекотливы и затруднительны въ такомъ городѣ, гдѣ не навидѣли таможню; онъ приказывалъ занимать посты съ снисходительностію и не торопился. Онъ понялъ то, чего не поняли систематическіе совѣтники Наполеона, что Англія, имѣвшая возможность войти со всѣми своими силами въ Эльбу, во время оставленія войсками обоихъ береговъ и города, который орошаетъ эта рѣка въ тридцати миляхъ отъ ея устья, того не сдѣлала, и тѣмъ очевидно показала, что не видитъ для себя большихъ выгодъ въ ослабленіи строгости. *Тѣлесные* осмотры, сколько несносные, столько и неприличные въ отношеніи къ женщинамъ, были отмѣнены; не стали болѣе класть ихъ на запачканныхъ тюфякахъ въ от-

вратительныхъ караульняхъ, чтобы удобнѣе осматривать; но эти смягченія происходили не отъ высшей власти, а ими обязаны были характеру и разсудительности агентовъ, которые думали, что если Имперіи придется разрушиться, то это вѣрно не отъ маловажныхъ отступленій отъ постановленій объ изгнаніи кофе и ревеня.

Благодаря благоразумію и добросовестности Директора, таможенное управленіе сдѣлалось для жителей Гамбурга менѣе притѣснительнымъ, или по крайней мѣрѣ менѣе противнымъ нравственности; но не таково было въ почтовомъ управленіи, которое съ большимъ жаромъ принялось за свою старинную работу. Письма распечатывали безъ утайки, такъ что по видимому хвастались этого рода кознею. Вызвали прежнихъ чиновниковъ, искусившихся уже въ этомъ поносномъ дѣлѣ. Вмѣстѣ съ другими чинами они уѣхали въ Бременъ, гдѣ по причинѣ малочисленной переписки, имъ не доставалось употребить въ дѣло свою похвальную промышленность. По ихъ возвращеніи уволили всѣхъ чиновниковъ Нѣмцовъ, предполагая въ нихъ слишкомъ много нравственности. Сдѣлали еще болѣе: ихъ принудили возвратить въ почтовую кассу всѣ тѣ суммы, которыя взяты изъ нея. Исключая два упомянутыя мною управленія, по запискѣ въ роспись и по таможнѣ, повсю-

ду завели опять этотъ инквизиторскій способъ, который такъ долго тяготѣлъ надъ Анзеатическими городами . . . . и первые уполномоченные Правительствомъ говорили: «Гамбургцы измѣнники предъ Наполеономъ, потому что за столько благодѣяній, они не поютъ вмѣстѣ съ Латинскимъ поэтомъ: *Deus nobis haec otia fecit.*

Все это еще были только розы: продолжали принимать участіе въ судьбѣ Анзеатическихъ земель, и 18 Іюня обнародовано Императорское повелѣніе отъ 8 числа того же мѣсяца, по силѣ котораго хотѣли наконецъ собрать дань за оффиціальную ложь, помѣщенную въ бюллетенѣ, о которомъ я говорилъ. Въ наказаніе за бунтъ, на Гамбургъ наложена необычайная контрибуція въ сорокъ восемь миліоновъ франковъ, а на Любекъ въ шесть миліоновъ. Эта огромная сумма сорокъ восемь миліоновъ, наложенная на раззоренный городъ, котораго народонаселеніе въ три года уменьшилось цѣлою третью, долженствовала быть выплачена въ полнѣ въ кратковременный мѣсячный срокъ, съ раздѣленіемъ на шесть равныхъ платежей, деньгами или переводами не извѣстные домы въ Парижѣ. Въ случаѣ неплатежа или промѣдленія, все движимое и недвижимое имущество долженствовало быть продано. Сверхъ того новый Гамбургскій префектъ потребовалъ всякаго хлѣба, съѣстныхъ припасовъ всякаго

рода, вина, парусины, мачтовыхъ деревъ, смолы, пеньки, желѣза, мѣди, стали, однимъ словомъ всего, что могло быть только пригодно военной и морской службѣ.

Это было съ деньгами; теперь посмотримъ, что дѣлали съ людьми: мало было этихъ непостижимыхъ требованій, надобно было еще приняться и за людей, и Гамбургцы не были болѣе въ безопасности. Въ Гамбургѣ добирались до ихъ имуществъ, а въ Дрезденѣ до ихъ существованія и свободы. 15 Іюня Наполеонъ, ослѣпляемый безъ сомнѣнія лживостью донесеній, внушенныхъ духомъ мести и ему представленныхъ, велѣлъ составить списокъ всѣмъ Гамбургцамъ, находящимся въ отсутствіи изъ своего города; на возвращеніе домой имъ дано было только двѣ недѣли сроку, точно какъ будто бы такой краткой отсрочки могло быть довольно, въ вещественномъ отношеніи, чтобы возвратиться изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они искали себѣ убѣжища. Они могли не возвратиться. Однакоже все таки надобны были жертвы! Тогда, что было дѣлать? Средство было просто, и имѣло еще ту выгоду, что навело ужасъ на всѣ семейства. Нѣтъ! не Бонапарте хотѣлъ этого; я свидѣтельствуюсь въ томъ поведеніемъ его въ Тамплѣ, когда, на восходѣ своей славы, одною своею властію, онъ велѣлъ выпустить изъ Тампля заложниковъ, которыхъ Директо-

рія туда набила. Нѣтъ, ему не вздумалось взять у Гамбурга *круговыхъ заложниковъ*, въ обезпеченіе за людей, по благоразумію отсутствующихъ. Ихъ однакоже взяли, но я непопрекаю его памяти этимъ. Ихъ взяли внезапно, объявивъ въ тоже время *круговыми заложниками*; въ обезпеченіе уплаты требуемыхъ сорока восьми миліоновъ, и этихъ заложниковъ избрали изъ людей самыхъ значительныхъ и самыхъ богатыхъ въ Гамбургѣ. Между ними были восьмидесяти-лѣтніе старцы; всѣхъ перевезли въ старый Гаарбургскій замокъ, на лѣвомъ берегу Эльбы. Тамъ эти люди, привыкшіе къ удобствамъ жизни, валялись какъ ни попало на соломѣ въ темницахъ, гдѣ терпѣли недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ вещахъ; нѣтъ у меня бича Ювеналова, а то бы я предалъ вѣчному позору такіе ужасы! Любскіе заложники были приведены въ Гамбургъ и брошены въ трюмъ стараго корабля, стоявшаго посреди портоваго канала — достойное подражаніе позора Англійскихъ понтоновъ!

Дорога была проложена; она была прекрасна безъ сомнѣнія, и для чего было на ней оставливаться? Шли прямо. 24 Іюля вышло постановленіе, которое напечатано въ *Корреспондентѣ* 27 числа. Это постановленіе было ничто иное, какъ списокъ присужденнымъ къ изгнанію самымъ богатымъ владѣльцамъ городовъ

Ганзеатическихъ, Ганновера и Вестфаліи: они были, сказано въ постановленіи, уличены въ измѣнѣ противъ Франціи. По истинѣ, непостижима смѣлость этихъ безразсудныхъ повѣренныхъ Наполеона, которая конечно переходила за границы его намѣреній. Они еще и тѣмъ не удовольствовались, какъ увидятъ далѣе, когда я стану говорить о батареяхъ, которые враги мои противъ меня устроивали, единственно потому, что имъ не безъизвѣстно было, что я зналъ въ подробности все о ихъ поступкахъ; это самое даетъ мнѣ способъ теперь ихъ обнаружить.

++

ГЛАВА XV.

Двукратное пребываніе Наполеона въ Дрезденѣ.— Баутценское дѣло.—Смерть Дюрока.—Плезвитцкое перемиріе.—Собраніе конгресса въ Прагѣ.— Посредничество Австріи.—Возможность заключить миръ.—Упрямство Наполеона. — Дурные совѣтники. — Сраженіе при Витторіи, и худое положеніе Французовъ въ Испаніи —Вліяніе извѣстій изъ Испаніи на Пражскій конгрессъ.—Прибытіе въ Европу Генерала Моро. —Ошибочныя мнѣнія о надеждахъ Моро. — Зеленая кокарда, Генералъ Вильотъ и благородная мысль Герцога Берри.—Важная бумага и исправленіе ошибки.—Прерваніе Пражскихъ совѣщаній.—Отложеніе Генерала Жомини. —Дрезденское и Лейпцигское сраженія.

Я сказалъ, что Наполеонъ одержалъ втораго Маія побѣду въ Лютценѣ; черезъ недѣлю послѣ того онъ былъ въ Дрезденѣ, уже не такъ, какъ при своемъ отъѣздѣ въ Русской походъ, подобнымъ владыкѣ запада Европы, окруженнымъ своими высокими вассалами; но еще полагающимся на свое счастіе. Онъ находился въ прекрасной столицѣ одного изъ всѣхъ создан-

ныхъ имъ Королей, который остался вѣренъ пользамъ Францiи, и которому его добросовѣстность стоила половины его государства. Императоръ пробылъ въ Дрезденѣ только десять дней, а потомъ пустился въ слѣдъ за Русскою армiею, которую повстрѣчалъ въ Баутценѣ 19 числа. Баутценское сраженiе, за которымъ на другой и на третiй день послѣдовали сраженiя Вюртхенское и Охкирхенское, значитъ длилось три дня, изъ чего можно заключить, что обѣ стороны стояли за себя упорно; наконецъ выигрышъ остался на Наполеоновой сторонѣ. Но Наполеонъ, и могу сказать Францiя, потерпѣли великую потерю; ядромъ убило Генерала Киршнера, разговаривавшаго съ Дюрокомъ, которому тѣмъ же ядромъ попало въ животъ. Здѣсь я не стану говорить о смерти полезнаго человѣка, котораго я искренно любилъ и о которомъ пожалѣлъ отъ всей души. Скоро я буду имѣть случай разсказать въ точности о подробностяхъ его смерти, которыя ни въ чемъ несходны съ пространнымъ описанiемъ, помѣщеннымъ по волѣ Бонапарте въ его офицiальномъ бюллетенѣ.

Для Австрiи наступила минута, чтобы доказать, въ самомъ ли дѣлѣ, такъ какъ она показывала видъ, очевидно на дѣлѣ противорѣча, она хотѣла не измѣнять совершенно дѣлу Наполеона. Всѣ дружескiя ея увѣренiя ограничились предложенiемъ своего посредничества, чтобы

вступить въ переговоры съ Россіею: въ самомъ дѣлѣ, четвертаго Іюня въ Плесвитцѣ заключено перемиріе, между Наполеономъ и его союзниками съ одной стороны, и Императоромъ Александромъ съ другой; это перемиріе долженствовало продолжаться до восьмаго Іюля, но его въ послѣдствіи продлили до десятаго Августа.

Первые переговоры послѣ заключенія Плесвитцкаго перемирія имѣли слѣдствіемъ собраніе конгресса въ Прагѣ; и если когда либо Наполеонъ, послѣ неудачь прошлаго года, имѣлъ случай заключить достопамятный и выгодный для Франціи миръ, то это было, безъ всякаго сомнѣнія, послѣ Баутценскаго дѣла. Всѣ державы, долженствовавшія участвовать въ этихъ великихъ совѣщаніяхъ, прислали уполномоченныхъ на Прагскій конгрессъ, собравшійся подъ посредствомъ Австріи. Этотъ конгрессъ былъ слѣдствіемъ сдѣланнаго Австріею Наполеону предложенія, войти въ посредничество между имъ и Императоромъ Александромъ, для возстановленія мира въ Европѣ; въ шестомъ пунктѣ условія о перемиріи постановлено было, что если, которая изъ воюющихъ сторонъ не захотѣла бы продолжать перемирія согласно съ предварительнымъ условіемъ четвертаго Іюня, то отъ сего переговоры на конгрессѣ не должны прекращаться. Но тому, кто зналъ духъ, которымъ одушевлялись главы двухъ державъ, сдѣлавшихъ-

ся соперницами, нечего было ожидать отъ этого конгресса, на которомъ тѣ, кто принималъ въ немъ участiе, дѣлали это съ сожалѣнiемъ; я въ тоже время узналъ, что на совѣщанiяхъ, очень мало было согласiя, и я нисколько не удивился, когда услышалъ, что переговоры прекращены.

Въ то время говорили, что союзники требовали назадъ всего, что они потеряли съ 1805 года, то есть съ Ульмской кампанiи. Подъ этимъ разумѣли Голландiю и Ганзеатическiе города, учинившiеся Французскими. Но въ семъ случаѣ, не оставались ли у насъ еще Рейнъ, Бельгiя, Пiемонтъ, графство Ницъ и Савойя? По истинѣ непонятно, какъ можно было требовать другаго. Но то, что было справедливо, вмѣстѣ съ тѣмъ не было возможно, потому что оно зависѣло отъ человѣка, который, ни за что на свѣтѣ, не согласился на такiя уступки. Такая пагубная рѣшимость была поддерживаема и одобряема людьми, пользовавшимися его довѣренностью и говорившими такъ какъ Кларкъ въ одномъ обстоятельствѣ, когда надлежало только сохранить миръ. Нѣтъ, непонятно, какъ могли такъ дурно совѣтовать Императору. Съ двадцатаго Iюня въ слѣдующiе дни, тогда какъ перемирiе должно было кончиться восьмаго Iюля, Англичане одержали побѣду при Витторiи, чѣмъ получили всю Испанiю въ свое

распоряженіе и Сушетъ отступилъ къ Эбрѣ (*); столь великая опасность на Югѣ, опасеніе видѣть Испанскую армію уничтоженною, долженствовали бы перемѣнить мысли этихъ воиновъ, которые никогда не сражались и были равнодушны къ войнѣ. Не смотря на упорство Наполеона, которое я очень хорошо знаю, и его стремленіе къ пріобрѣтенію славы побѣдами, можетъ быть онъ не остался бы недоступнымъ частымъ и смѣлымъ представленіямъ, со стороны людей благомыслящихъ и привязанныхъ къ своему отечеству. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы когда вѣсть объ одержанной Англичанами въ Испаніи побѣдѣ достигла въ Дрезденъ и Богемію, начались опять военныя дѣйствія, а не возобновили перемиріе, которому срокъ кончился 8 Іюля, то изъ сего произошли бы великія несчастія. Я увѣренъ, что Императоръ долженствовалъ быть очень огорченъ этимъ извѣстіемъ о нашихъ неудачахъ въ Испаніи. Надобно было воспользоваться этою минутою, его глубокою горестью, чтобы преклонить его воинское стремленіе. Франція дорого заплатила за такое ослѣпленіе. Въ это время прибылъ Генералъ Моро. Нѣкоторые особы думали, а

(*) Скоро распространившаяся вѣсть объ этомъ рѣшительномъ сраженіи, сдѣлала положеніе Французскихъ уполномоченныхъ въ Прагѣ, болѣе затруднительнымъ и возвысила требованія союзниковъ. Она также поколебала довѣренность тѣхъ изъ нихъ, которые пребывали къ намъ вѣрными.

другіе писали, что этотъ Генералъ пріѣхалъ по приглашенію Бернадота; но это и не справедливо и не правдоподобно; между Бернадотомъ и Моро никогда не было дружественныхъ сношеній; къ тому же, какъ думать, что первому могло придти на мысль видѣть Бернадота Императоромъ! Но вопросъ сей рѣшается тѣмъ, что полагали, будто въ Або дано выразумѣть Бернадоту, что есть возможность заступить мѣсто Наполеона. Далѣе увидятъ, какой разговоръ, по возстановленіи, я имѣлъ по сему предмету въ Парижѣ съ Наслѣднымъ Принцемъ Шведскимъ. Въ особенности не должно забыть, что въ то время Шведскій Король, Герцогъ Зюдерманландскій, былъ еще живъ. Если Бернадотъ думалъ о наслѣдникѣ Наполеону, то думалъ о самомъ себѣ. Нельзя знать, что обѣщалъ Генералу Моро Императоръ Александръ; но первый могъ согласиться способствовать, въ случаѣ удачи, видамъ Александра и честолюбію Бернадота.

Но что извѣстно совершенно и что я узналъ въ послѣдствіи положительнымъ образомъ, такъ это, что Французскіе Принцы Бурбонова дома имѣли съ Моро переговоры чрезъ посредство изгнаннаго 18 Фруктидора, Генерала Вильо, который былъ на ихъ сторонѣ. Я знаю навѣрное, что Генералъ Моро, бывшій тогда въ Бальтиморѣ, не захотѣлъ принять сторону Бурбо-

новъ, ни служить имъ. Я также узналъ, что Герцогъ Берри писалъ къ Генералу Вильо письмо, въ которомъ жаловался на то, что Моро надѣлъ зеленую кокарду, и въ которомъ также сей благородный Принцъ говоритъ, что не смотря на то, чтобы ни вышло, но никогда на немъ не увидятъ чужеземной кокарды. Моро уступилъ необходимости отмстить Наполеону (*).

(*) Имя Генерала Моро даетъ мнѣ случай исправить невольную погрѣшность, которую я сдѣлалъ, говоря о Генералѣ Лажоле. Мнѣ показали безпрекословныя бумаги, которыя положительно доказываютъ, что Генералъ Лажоле былъ столько же участникомъ въ заговорѣ Жоржа, въ которомъ былъ замѣшанъ Моро, какъ Гг. Полиньякъ и Ривіеръ. Поведеніе Генерала Лажоле, можетъ быть, могло породить подозрѣнія въ умѣ друзей Генерала Моро относительно принятой имъ на себя роли; но повторяю, что я очень радъ случаю исправить ошибку, которая бы могла быть предосудительною чести фамиліи. Я признаю, и спѣшу это сдѣлать съ удовольствіемъ, съ полною охотою, что Лажоле былъ сообщникъ, болѣе, чѣмъ неблагоразумный, а непобуждающій агентъ въ заговорѣ Жоржа. Его легкомысліе, за которое онъ слишкомъ дорого заплатилъ, могло имѣть видъ измѣны въ такое время, когда такъ выгодно было открывать измѣнниковъ; но теперь мнѣ доказано, что послѣ осужденія его на смерть, одна дочь его, бывшая тогда ребенкомъ, явила смѣлость не по своимъ лѣтамъ (ей было четырнадцать лѣтъ) и такъ настоятельно упрашивала, что Наполеонъ не могъ отказать ей въ дарованіи отцу ея помилованія; что его имѣніе было конфисковано и продано въ пользу казны; что наконецъ, въ замѣну прежде присужденнаго ему наказанія, приговоренъ къ четырехълѣтнему заключенію въ тюрьму, вытерпѣлъ это наказаніе,

Обращаюсь къ переговорамъ Прагскаго конгресса. Въ исходѣ Іюля дѣла конгресса были не далѣе, какъ и при началѣ его собранія; Императоръ, не думая успокоить Французовъ на счетъ возможности мира, поѣхалъ въ Маенцъ; Императрица пріѣхала туда его навѣстить и возвратилась въ Парижъ тотчасъ по отъѣздѣ Императора. Не знаю, какіе совѣты давали Бонапарте; на что могли опираться его совѣтники, отклоняя Наполеона отъ мира. Какъ бы то ни было, онъ возвратился въ Дрезденъ и перемиріе, не бывшее возобновленнымъ, кончилось семнадцатаго Августа, согласно съ условіемъ.

Несчастное обстоятельство послѣдовало тотчасъ по прекращеніи совѣщаній. Семнадцатаго

и что даже умеръ въ тюрьмѣ въ замкѣ Иффѣ, пять мѣсяцевъ спустя послѣ окончанія срока его заключенія. Я говорю это, потому что оно правда, и что я имѣлъ предъ глазами своими неоспоримыя доказательства; любовь моя къ истинѣ такова, что я не чувствую никакого затрудненія самого себя обличить, когда мнѣ докажутъ мою ошибку. Я никогда не отстану отъ моихъ сужденій, которыя считалъ за долгъ объяснить на щетъ нѣкоторыхъ людей, потому что въ сихъ случаяхъ, сужденія мои основывались на глубокомъ убѣжденіи; но что касается до событій вообще, то я могъ быть увлеченъ удостовѣреніями, распространяемыми безъ сомнѣнія съ намѣреніемъ, признать нѣкоторыя обстоятельства, въ лживости коихъ удостовѣряетъ опытъ, и быть обманутъ наружностію. По этому простому и откровенному объясненію, можно судить, что я думаю о возраженіяхъ, на которыя отвѣчать считаю нестоющимъ.

Августа Австрія, привыкшая выигрывать войнами, такъ какъ она прежде выигрывала союзами, объявила, что она присоединяетъ свои усиленныя арміи къ войскамъ союзниковъ. Это былъ ужасный ударъ для Франціи, потому что симъ около двухъ сотъ тысячъ человѣкъ поступали въ перевѣсъ; гроза приближалась скоро.

При началѣ этой несчастной кампаніи Генералъ Жомини перешелъ на непріятельскую сторону. Онъ былъ начальникомъ штаба въ корпусѣ злополучнаго Нея, который начиналъ съ извѣстнымъ своимъ искуствомъ выполнять данныя ему приказанія. Изумились этому усердію къ тому, чтобы воспользоваться завязывающеюся борьбою, съ печальными предзнаменованіями, попытавшись новаго счастія, которое обѣщало болѣе, чѣмъ манило ему въ нашихъ рядахъ. Жомини судили.

Я буду говорить только о *рѣшительныхъ* военныхъ дѣйствіяхъ. Движенія нашихъ войскъ и ихъ маневры, такъ хорошо описаны во многихъ книгахъ, что все, чтобы я ни сказалъ, будетъ повтореніемъ.

Первое дѣло было Дрезденское, семь дней спустя послѣ окончанія перемирія, и разбитіе Вандамма, сдѣлавшее Дрезденскую побѣду ничтожною. Я сказалъ, что тамъ погибъ Моро. Всѣ корпуса, бывшіе въ дѣйствіи въ одно вре-

мя, понесли уронъ; и такъ какъ всегда говорятъ о фортунѣ, то нельзя не признаться, что она насъ покинула. Послѣ перваго порыва, Баварія, избавившись отъ Французскаго корпуса, который занималъ границы этого Королевства, скинула съ себя маску и пристала къ нашимъ непріятелямъ.

Въ эту эпоху, то есть въ Октябрѣ мѣсяцѣ, дана была и проиграна близъ Лейпцига баталія, которая рѣшила судьбу Франціи. Саксонская армія, одна остававшаяся намъ вѣрною, изъ нашихъ рядовъ перешла въ непріятельскіе во время самого дѣла.

ГЛАВА XVI.

Возобновленіе военныхъ дѣйствій.— Дрезденское и Лейпцигское сраженія.—Дюрокъ и Понятовскій.—Смерть Дюрока, пышная грусть и всеобщее сожалѣніе.—Бюллетень и фразы. — Воспоминаніе о Дессексѣ. — Истина относительно смерти Дюрока.—Письмо очевиднаго свидѣтеля.— Воспоминаніе о заговорѣ съ Дюрокомъ.—Досада Дюрока на Наполеона, и помѣха.—Разговоръ, возобновленный черезъ годъ.—Что Наполеонъ сказалъ обо мнѣ Дюроку.— Намѣреніе меня опять опредѣлить,—Новыя доказательства дружбы ко мнѣ Дюрока.— Впечатлѣніе, произведенное смертью прежнихъ Императорскихъ сослуживцевъ.—Понятовскій.— Начало его поприща.—Понятовскій Министръ Великаго Герцогства Варшавскаго. — Неудачи Лейпцигскаго дѣла. — Линденаускій мостъ.—Оправданіе въ Мониторѣ.—Коммисія, назначенная и несозыванная.— Послѣднія слова и послѣднія минуты Понятовскаго.—Невѣроятная храбрость.—Гробница въ саду и Каѳедральная Варшавская церковь.

Прагскій конгрессъ кончился, не положивъ ничего; военныя дѣйствія опять начались въ половинѣ Августа, и черезъ десять дней дано Дрезденское сраженіе, въ которомъ мы еще

одержали верхъ, и которое на вѣки пребудетъ славно смертію Моро. Въ это время Вандаммъ взятъ въ плѣнъ въ Богеміи, и Октябрь мѣсяцъ ознаменованъ Вахаускимъ дѣломъ, въ которомъ попеременно имѣли успѣхъ и терпѣли уронъ; и наконецъ Лейпцигскимъ сраженіемъ, съ котораго пошли наши великія потери; тутъ погибъ Понятовскій, намѣреваясь перебраться черезъ Эльстеръ. Я не вхожу въ подробности этихъ происшествій и сраженій, гдѣ Французское мужество было тоже, но фортуна перемѣнилась.

Наполеонъ возвратился втораго Ноября въ Маинцъ, и оттуда уѣхалъ въ Парижъ. Здѣсь я помѣщу то, что узналъ о смерти двухъ человѣкъ, которыхъ обоихъ жалѣли и которые оба заслуживали всеобщаго сожалѣнія: я говорю о Дюрокѣ и Понятовскомъ. Наполеонъ также жалѣлъ о Дюрокѣ, но не отъ чувствительности, а потому что онъ ему былъ очень полезенъ; онъ устроилъ удивительный порядокъ въ управленіи Императорскимъ домомъ и въ Императорскихъ дворцахъ; Наполеонъ хотѣлъ сдѣлать свою горесть торжественною и для этого, расположивъ трагическую сцену смерти Дюрока, велѣлъ написать картину, чтобы передать воспоминаніе объ этомъ потомству. Вотъ что Императоръ велѣлъ помѣстить въ Бюллетенѣ, въ которомъ съ напыщенностію сказано

о потерѣ, сдѣланной Императоромъ, и вотъ какія выдуманныя фразы не посовѣстились влагать въ уста умирающаго Дюрока. Если бы Бюллетень былъ справедливъ, то Дюрокъ сказалъ бы Императору: «Вся моя жизнь была по«священа вашей службѣ и мнѣ больно умирать «только потому, что я еще могъ бы вамъ быть «полезенъ. Да, Государь, мы увидимся, но че«резъ тридцать лѣтъ (*); когда вы вполнѣ вос«торжествуете надъ своими врагами, и исполните «всѣ надежды вашего отечества. Я жилъ, какъ «честный человѣкъ: не попрекаю себя ни въ «чемъ; оставляю одну дочь — Ваше Величество «заступите ей мѣсто отца.»

Во всемъ этомъ нѣтъ ни одного слова истины; эти слова выдуманы нарочно, точно какъ тѣ, которыя Первый Консулъ заставилъ говорить Дессекса послѣ Маренгской битвы. Вѣрно онъ перенялъ отъ Гомера заставлять своихъ героевъ говорить въ минуты ихъ смерти. Правда то, что Дюрокъ ужасно мучился: а въ такія минуты не разговоришься и не станешь витійствовать. Я помню, что въ то время мнѣ показывали письмо, присланное по эстафетѣ и писанное очевиднымъ свидѣтелемъ, который былъ при Императорѣ. Эта особа пишетъ къ одному Министру, своему пріятелю, чтобы

(*) Наполеону въ особенности нравился этотъ назначенный Дюрокомъ тридцати-лѣтній срокъ.

онъ ни сколько не вѣрилъ офиціальному разсказу о посѣщеніи, сдѣланномъ Дюроку Наполеономъ: онъ прибавилъ, что Дюрокъ, очень страдая, и видя, что посѣщеніе длится, горестно повернулся на лѣвый бокъ и сказалъ Императору, дѣлая ему правою рукою знакъ, чтобы онъ удалился:—*Ахъ! Государь, дайте мнѣ хотя умереть спокойно.*

Чтобы придать болѣе достовѣрности этому случаю, за который я не ручаюсь, потому что не былъ очевидцемъ, я разсказываю то, что знаю отъ другихъ, и упомяну о другомъ случаѣ, за истину котораго могу поручиться. Передъ отъѣздомъ въ походъ 1812 года, Дюрокъ велѣлъ меня попросить къ себѣ въ Марзанскій павильонъ, гдѣ онъ жилъ. Я у него бывалъ часто. Въ полдень онъ пришелъ отъ Императора, окончивъ съ нимъ обыкновенное свое занятіе. Онъ былъ во всей формѣ. Я его прождалъ минутъ съ пять. Только что онъ вошелъ,— то сказалъ мнѣ, скидая платье и бросивъ шляпу:—Я тебѣ одному разскажу разговоръ, какой я имѣлъ о тебѣ съ Императоромъ. Только не говори никому: имѣй терпѣніе, и ты будешь . . . . едва онъ сказалъ мнѣ, ты будешь . . . . какъ вошелъ лакей.—*Ваше Превосходительство, Императоръ изволитъ васъ спрашивать теперь же.* Дюрокъ сказалъ ему громкимъ голосомъ: *Хорошо, только не кричи такъ; сей часъ буду.*

Только что лакей заперъ дверь, Дюрокъ, бывшій тогда въ рубашкѣ, поднялъ довольно высоко правую ногу, и топнулъ ею очень сильно, вскричавъ: *Ч . . . . в . . . . , поутру онъ мнѣ никогда не дастъ покою: я на пять минутъ счастливъ, ему это завидно и онъ у меня ихъ отымаетъ.* Онъ опять надѣлъ мундиръ и пошелъ къ Императору, сказавъ мнѣ: «Любезный, до другаго дня.»

Съ этого дня до Генваря 1813, я не могъ ни какъ сойтись съ Дюрокомъ. Онъ все былъ въ отлучкѣ и возвратился уже въ концѣ 1812. Я видѣлъ, какъ онъ былъ опечаленъ послѣдствіями этой кампаніи. Но онъ еще надѣялся на геній Наполеоновъ, что его успокоивало. Я не раздѣлялъ съ нимъ его надеждъ; и ни сколько не одобрялъ тѣхъ мѣръ, которыя, по его словамъ, принималъ Императоръ, чтобы опять начать борьбу. Я пересталъ говорить объ этомъ предметѣ, а напомнилъ ему, что онъ мнѣ сказалъ только первыя слова изъ разговора, бывшаго у него обо мнѣ съ Императоромъ. — Ты правъ, сказалъ онъ; ну слушай: наканунѣ того дня, какъ Императоръ сдѣлалъ со мною то маленькое скряжничество, которое меня такъ раздосадовало, онъ игралъ со мною въ биліардъ, а между нами сказать, играетъ на немъ онъ очень плохо. Ему нѣтъ удачи въ играхъ, гдѣ нужна ловкость. Какъ ни попало толкая ша-

ры, онъ проворчалъ мнѣ:—«Дюрокъ, вы все «видаетесь съ Бурiенномъ?—Видаюсь, Государь. «Онъ иногда приходитъ ко мнѣ обѣдать, когда «собираются дипломаты; онъ очень смѣшенъ «въ своемъ старомодномъ фракѣ изъ Лiонской «матерiи— вы бы расхохотались, увидя его въ «этомъ нарядѣ.—Ну что онъ говоритъ?—Я «долженъ вамъ признаться, что онъ говоритъ; «что это смѣшно; что изъ всего этого ничего «не выдетъ кромѣ того, что сбудутъ нѣсколько «вѣтошей Лiонскихъ фабрикъ; что никакое «принужденное нововведенiе въ обычаяхъ на«цiи, никогда не имѣло успѣха. — Онъ все «таковъ, какъ и былъ; у него ни что не «хорошо.—Правда, что онъ немножко охотникъ «осуждать, но онъ говоритъ то, что думаетъ. «—Знаете ли, Дюрокъ, что онъ мнѣ хорошо «служилъ въ Гамбургѣ? Онъ мнѣ много добылъ «денегъ; это человѣкъ, который знаетъ какъ за «что приняться: я нехочу оставить его безъ «дѣла. Я думаю, онъ самъ скучаетъ. Не знаю, «чтобы ему дать, да увижу. У него много не«прiятелей.— Но, Государь, у кого ихъ нѣтъ?— «Мнѣ еще прислали изъ Гамбурга много на «него жалобъ; но письмо, которое онъ мнѣ въ «то время написалъ въ свое оправданiе, мнѣ «открыло глаза; и я начинаю думать, что Са«вари имѣлъ основательныя причины, чтобы «его оправдывать. Все стараются меня откло-

«нить отъ того, чтобы его опять принять въ «службу; но я это сдѣлаю наконецъ. Я не могу «забыть, что онъ первый предупредилъ меня «о вѣроятности эпохи нынѣшней нашей войны. «Я забываю все, что мнѣ про него говорили «цѣлые два года, и какъ только заключу миръ, «и буду покоенъ, такъ объ немъ подумаю. Раз«сказывай мнѣ про все, что онъ будетъ дѣ«лать.»

Этотъ разговоръ былъ совсѣмъ не похожъ на содержаніе письма, которое писалъ Наполеонъ 25 Декабря 1811, въ которомъ онъ, чтобы оправдать упорное нежеланіе меня видѣть, выражаетъ подозрѣніе, будто бы я имѣю постоянно интриги съ Англіею. Не воспоминаніе ли этого разговора съ Дюрокомъ пришло ему въ голову въ концѣ 1813 года? Это будетъ тогда видно.

Послѣ сего разсказа, Дюрокъ мнѣ сказалъ: «Ты понимаешь, что я говорилъ о тебѣ все, что думаю. Будь покоенъ, при случаѣ, я напомню ему про его добрыя намѣренія. Надобно подождать: прощай, любезный; иду, ты знаешь куда, я сего дня свободенъ; но мы ѣдемъ, и, Богъ знаетъ, когда увидимся.»

Я пожелалъ ему счастливаго похода и скораго возвращенія. Но мнѣ привелось только однажды еще увидѣть этого превосходнаго друга;

въ тотъ же день я обѣдалъ у него въ послѣдній разъ.

Не только смерть Дюрока была истинная потеря, но она въ общественномъ мнѣніи произвела нравственное дѣйствіе, вредное для Наполеона; я могъ замѣтить, что всякой разъ, когда кто либо изъ старыхъ его сослуживцевъ падалъ жертвою его честолюбія, тогда болѣе чѣмъ когда нибудь проклинали эту ненасытную жажду воевать, которая мучила Наполеона и наконецъ его погубила. Послѣ смерти Дюрока, смерть Понятовскаго, во время кампаніи 1813 года, наиболѣе занимала умы. Іосифъ Понятовскій былъ племянникъ Польскаго Короля Станислава-Августа; онъ родился въ Варшавѣ 7 Мая 1763.

Понятовскій являлъ повсюду и съ молодыхъ лѣтъ, когда на него недѣйствовало вліяніе Короля его дяди, большую дѣятельность и великую любовь къ отечеству. Но это вліяніе дало поступкамъ его наружный видъ нерѣшительности, которая дѣлала его подозрительнымъ для разныхъ партій. Во время кампаніи 1792 года, онъ сражался противъ Русскихъ; въ началѣ показалъ много усердія и предусмотрительности, но въ послѣдствіи далъ себя напугать, не столько успѣхами непріятеля, сколько предписаніями двора.

Когда его дядя приступилъ къ Тарговицкой

конфедераціи, Князь Понятовскій вышелъ въ отставку, что сдѣлала также большая часть лучшихъ его Офицеровъ. Но въ 1794 году онъ снова явился въ Польскую армію и вступилъ въ службу волонтеромъ. Благородное его поведеніе заслужило уваженіе Поляковъ. Костюшко ввѣрилъ ему дивизію, съ которою онъ дѣйствовалъ во время двухъ осадъ Варшавы. Немедленно послѣ сдачи этого города, Понятовскій уѣхалъ въ Вѣну. Павелъ I произвелъ его въ Генералъ-Лейтенанты.

Понятовскій удалился въ свои помѣстья, близъ Варшавы. Онъ жилъ, какъ частный человѣкъ, до самого образованія великаго Герцогства Варшавскаго, причемъ надежды Польскихъ патріотовъ снова возродились; а тогда сдѣланъ Военнымъ Министромъ. Когда Эрцгерцогъ Фердинандъ въ 1809 году пришелъ съ Австрійскими войсками, чтобы завладѣть Герцогствомъ Варшавскимъ, Понятовскій, командовавшій Польскою арміею, которая была гораздо малочисленнѣе Австрійской, заставилъ послѣднюю, болѣе посредствомъ искусныхъ движеній, чѣмъ сраженіями, очистить великое Герцогство и преслѣдовалъ ее въ Галлицію до Кракова.

Послѣ этой славной кампаніи, онъ былъ Министромъ до 1812. Война противъ Русскихъ, опять призвала его къ предводительству Польскою арміею. Онъ участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ

этой войны, въ продолженіе которой счастіе такъ было непостоянно, и наконецъ былъ въ Лейпцигскомъ сраженіи. Его сдѣлали Французскимъ Маршаломъ. Это сраженіе началось 14 Октября, то есть въ одно число съ славными Ульмскимъ и Іенскимъ дѣлами, продолжалось четыре дня и рѣшило участь Европы. Въ эти дни отложенія, на пространствѣ трехъ квадратныхъ миль, сражались пять сотъ тысячъ человѣкъ.

Отступленіе сдѣлалось необходимымъ, Наполеонъ въ Лейпцигѣ простился съ Саксонскимъ Королемъ и его семействомъ, которое онъ привезъ съ собою изъ Дрездена. При семъ случаѣ, Императоръ сказалъ громкимъ голосомъ жителямъ, собравшимся на торговой площади противъ Королевскаго дома, *прощайте, Саксонцы.* Онъ съ трудомъ могъ пробраться, разными изворотами, въ предмѣстіе Рунштадтъ, и выѣхалъ въ ворота, изъ которыхъ лежитъ дорога къ мосту черезъ Эльстеръ и къ Линденау.

Мостъ взорвали, только что онъ успѣлъ переѣхать, и слишкомъ скоро, потому что это воспрепятствовало совершенно отступленію всѣмъ войскамъ, находившимся на лѣвомъ берегу Эльстера, которые всѣ попали въ руки непріятелю.

Въ то время обвиняли Императора, что онъ велѣлъ разрушить мостъ, тотчасъ какъ самъ

переѣхалъ, чтобы обезопасить свое личное отступленіе, которому угрожало дѣятельное преслѣдованіе со стороны непріятеля. Англійскіе журналы по этому предмету отзывались единогласно, и въ Лейпцигѣ немного было такихъ жителей, которые бы въ томъ сомнѣвались. Чтобы истребить такое мнѣніе, которое тогда было *всеобщимъ*, въ Мониторѣ дали напечатать слѣдующую статью.

«Императоръ приказалъ сдѣлать фугасы подъ «большимъ мостомъ, который находится между «Лейпцигомъ и Линденау, чтобы подорвать его «въ послѣднюю минуту, тѣмъ задержать не«пріятеля и дать пройти обозамъ. Генералъ Дю«зозоа поручилъ это дѣло Полковнику Монфо«ру. Полковникъ вмѣсто того, чтобы остаться «на мѣстѣ, самому наблюсти и дать сигналъ, «приказалъ караулу и четыремъ саперамъ, по«дорвать мостъ, какъ скоро появится непрія«тель. Капралъ, человѣкъ несмысленный, худо «понялъ приказаніе: услышавъ первые ружей«ные выстрѣлы съ городскаго валу, онъ зажегъ «фугасы и подорвалъ мостъ. Еще часть арміи «находилась на той сторонѣ съ восьмидесятью «орудіями и нѣсколькими сотнями повозокъ.

«Голова этой части арміи достигнувъ моста «и увидѣвъ его взрывъ, полагала, что онъ во «власти непріятеля. Крикъ ужаса раздался изъ «одного ряда въ другой. *Непріятель за нами*

«*и мосты истреблены.* Эти несчастные разбѣ«жались и искали спасенія. Герцогъ Тарантскій «переплылъ рѣку. Князь Понятовскій, подъ «которымъ была бѣшеная лошадь, бросился въ «воду, и не появился болѣе. Императоръ узналъ «про это бѣдствіе тогда, какъ уже не чѣмъ «было пособить: да и что возможно было тутъ «сдѣлать? Для сужденія Полковника Монфора и «сапернаго Капрала, наряжена коммисія военнаго «суда.» Надобно замѣтить, что эта коммисія не состоялась. Что изъ этого заключить? ничего, кромѣ развѣ того, что тутъ были тайны, которыя открыть могутъ только тѣ, кому онѣ довѣрены.

Наполеонъ передъ переѣздомъ чрезъ Эльстерскій мостъ, поручилъ Князю Понятовскому прикрывать, вмѣстѣ съ Маршаломъ Макдональдомъ, отступленіе и защищать ту часть Лейпцигскаго предмѣстія, которая ближе прилегаетъ къ Борнской дорогѣ. Для выполненія такого приказанія у него было двѣ тысячи человѣкъ Польской пѣхоты. Онъ былъ въ этомъ жалкомъ положеніи, когда увидѣлъ совершенную ретираду Французскихъ колоннъ, также что мостъ былъ такъ загроможденъ ихъ артиллеріею и повозками, что невозможно было пробраться. Тогда онъ обнажилъ саблю и обратясь къ бывшимъ близъ его Офицерамъ, сказалъ: *Господа, здѣсь надобно пасть съ честью.* Тутъ

онъ бросился съ малымъ числомъ кирасировъ и Польскихъ Офицеровъ на колонны союзниковъ. Въ этомъ дѣлѣ его ранили пулею въ лѣвую руку: 14 и 16 числъ онъ былъ также раненъ. Впрочемъ это его не остановило; но онъ нашелъ предмѣстіе наполненнымъ союзными войсками. Онъ пробился и получилъ другую рану: бросился въ Плейсъ, которая течетъ передъ Элстеромъ. Съ помощію своихъ Офицеровъ, онъ достигъ другаго берега, оставивъ свою лошадь въ Плейсѣ. Онъ хотя очень утомился, но сѣлъ на другую лошадь и доѣхалъ до Элстера, черезъ садъ Г. Рейхенбаха, который находится на самомъ берегу этой рѣки. Минуты были дороги; большая часть войска потонула въ Плейсѣ и Элстерѣ. Какъ ни были круты въ этомъ мѣстѣ берега сей послѣдней рѣки, Князь раненый, бросился въ нее и съ лошадью: всадникъ и лошадь погибли въ волнахъ, такъ какъ и многіе Офицеры, которые на тоже отважились. Многихъ взяли на рѣкѣ въ плѣнъ. Макдональдъ по счастію спасся. Пять дней спустя, рыбакъ нашелъ тѣло Князя и вытащилъ его изъ воды. Оно было временно положено на Сенатскомъ кладбищѣ, со всѣми почестями по званію покойнаго. Скромный камень означаетъ то мѣсто, гдѣ найденъ Князь. Поляки изъявили Г. Рейхенбаху желаніе воздвигнуть въ саду его соотечественнику своему монументъ.

Онъ объявилъ имъ, что беретъ это на себя; и дѣйствительно воздвигнулъ прекрасную гробницу посреди зеленѣющаго луга и обсадилъ ее плакущими ивами.

Тѣло Князя набальзамировали и на другой годъ отправили въ Варшаву. Императоръ Александръ дозволилъ, въ 1816 году, положить прахъ Князя въ Варшавской соборной церкви, гдѣ покоятся Польскіе Короли и великіе люди. Знаменитому Скульптору Торсвалдену поручено сдѣлать ему монументъ.

✝✝✝

ГЛАВА XVII.

Правленіе Маріи Луизы, и милостивые указы.—Поѣздка Императора и Императрицы въ Маинцъ.—Добрыя намѣренія Герцога Ровиго.—Рѣшимость все сказать Наполеону.—Миліонъ непріятелей и Мюратъ противъ Императора.—Ложныя мысли Бонапарте объ общественномъ кредитѣ.—Понижевіе курса и шестьдесятъ миліоновъ убытка.—Умноженіе тайныхъ кабинетовъ.—Дружба ко мнѣ Савари, и воспоминаніе о Дессексовомъ Адъютантѣ.—Покровитель дѣлается покровительствуемымъ.—Обращеніе Наполеона ко мнѣ и умноженіе клеветъ. — Тяжкая обязанность и необходимость говорить о самомъ себѣ.—Обиды, причиненныя одному моему пріятелю Гамбургскою Полиціею. — Важная нота.—Арестъ и освобожденіе.—Нарушеніе формъ.—Присутствіе духа Нѣмецкой служанки.—Истина, дознанная вопреки всѣмъ усиліямъ заглушить ее—Новыя и нестерпимыя жестокости Гамбургскаго Правительства.—Заразительная болѣзнь и смерть Г. Хабана.—Поддѣльныя похороны.

Во время Дрезденской кампаніи, вообще были очень довольны правленіемъ Маріи Луизы; потому что знали, какъ она, отказывалась подписывать свое имя на приговорахъ, когда Великій Судья занимался съ нею, напротивъ то-

го рада была подписывать милостивые указы, всегда какъ представлялись такіе случаи, когда исполненія приговора не требовали непростительныя преступленія. Я по прежнему очень часто видался съ Савари, и помню, что онъ мнѣ всегда говорилъ объ ней съ похвалою, и я долженъ сказать, потому что это истина, что Савари изо всѣхъ Наполеоновыхъ Министровъ лучше видѣлъ и умѣлъ цѣнить настоящее положеніе вещей; я припоминаю одно обстоятельство, въ которомъ видѣлъ, что онъ твердо рѣшился сказать Императору, сколь необходимо было заключить миръ, не смотря ни на какія пожертвованія, которыя бы понадобилось для того сдѣлать. Во продолженіе Плесвицкаго перемирія, когда Прагскія совѣщанія были еще непрерваны, можно было надѣяться, что они приведутъ къ благопріятному концу. Въ это время Императоръ уѣхалъ изъ Дрездена въ Маинцъ, куда пригласилъ Императрицу на нѣсколько дней. Савари мнѣ сказалъ однажды, что онъ писалъ къ Императору, испрашивая у него дозволенія пріѣхать къ нему въ Маинцъ, и объявилъ мнѣ, что намѣренъ высказать ему откровенно всю правду, не скрывая отъ него ни сколько того, въ какомъ положеніи находится Имперія, которая имѣла необходимую потребность въ мирѣ. Герцогъ Ровиго полагалъ, что если бы ему удалось увидѣться

съ Императоромъ, то онъ уговорилъ бы его отстать отъ своихъ неумѣстныхъ требованій, которыя все еще его занимали: что касается до меня, то я слишкомъ хорошо зналъ Бонапарте, чтобы раздѣлять мечты Савари по этому предмету; къ тому же ему непозволено ѣхать изъ Парижа, потому что Императору не долго было оставаться въ Майнцѣ.

Когда война опять началась и мы понесли уронъ при Лейпцигѣ, то я увѣренъ, что союзные Монархи приняли намѣреніе вести переговоры съ Наполеономъ неиначе, какъ въ его столицѣ, такъ какъ онъ два раза то дѣлалъ въ Вѣнѣ съ Австрійскимъ Императоромъ. Этотъ Государь обнаружилъ себя совершенно и объявилъ Императору, что онъ будетъ дѣйствовать противъ него за одно съ Россіею и Пруссіею, и въ объявленіи своемъ употребилъ предлогъ, что чѣмъ болѣе будетъ противъ него непріятелей, тѣмъ скорѣе можно надѣяться принудить его склониться на условія, которыя наконецъ возстановили бы скокойствіе, въ которомъ Европа такъ нуждалась. Эго объявленіе Австріи было немаловажно, потому что готовясь къ тому за долго, она сдѣлала большія вооруженія, которыя простирались до двухъ сотъ пятидесяти тысячъ человѣкъ. Россія считала столько же подъ своими знаменами, которые подвигались къ Рейну; у Пруссіи бы-

ло двѣсти тысячъ человѣкъ; у Рейнскаго союза сто пятдесятъ тысячъ; словомъ, считая войска Шведскія и Голландскія, Англійскія арміи, какъ въ Испаніи, такъ и въ Нидерландахъ, Датчанъ, которые отъ насъ также отстали, Испанцевъ и Португальцевъ, которыхъ мужество при нашихъ уронахъ увеличилось, и надежды возрастали, когда всѣ отложились, Наполеонъ имѣлъ противъ себя болѣе миліона непріятельскихъ силъ. Между ими находились также Неаполитанцы, и Мюратъ ими предводительствовалъ.

Когда наши великія неудачи ознаменовались, курсъ началъ безпрестанно упадать. Наиболѣе же понизился послѣ Лейпцигской битвы. Я уже говорилъ, какія Наполеонъ имѣлъ ложныя понятія объ общественномъ кредитѣ, и потому пониженіе курса его ужасно напугало; онъ придумалъ прекрасное средство, чтобы пособить такому упадку въ финансахъ, покупать билеты, съ тѣмъ, чтобы удержать курсъ выше. Это у него была страсть, непремѣнная мысль, отъ которой самые умные совѣты отвратить его не могли; что же отъ того вышло? Когда государственныя дѣла пошли худо, проценты уменьшались; и такъ какъ всякой зналъ навѣрное, что найдетъ хорошаго покупателя, то на биржѣ много было продажныхъ билетовъ. Этой игры еще для него было мало, онъ прибѣгнулъ

къ обманамъ, которые можно назвать дѣтскими, до такой степени, что онъ часто велѣлъ объявлять въ Монитерѣ курсъ по восьмидесяти, когда онъ былъ по шестидесяти. Мнѣ помнится, что сіе средство употреблено было въ Монитерѣ, гдѣ печатали о курсѣ; и когда добились, что тому повѣрили, отдѣлались тѣмъ, что въ послѣдствіи объявили это ошибкою, по которой поставили шесть вмѣсто восьми. На такую воображаемую забаву Наполеонъ истратилъ шестьдесять миліоновъ, которые бы могъ употребить гораздо лучше, купивъ въ Лондонѣ векселей на Парижъ. Никогда Бонапарте не могъ постигнуть, что возвышеніе и пониженіе публичныхъ фондовъ, зависитъ отъ хорошаго или дурнаго управленія финансами государства, отъ большей или меньшей степени добросовѣстности должника, отъ мирнаго или военнаго положенія, и наконецъ отъ хорошей или дурной системы погашенія долговъ. Для Императора касса погашенія долговъ была касса, изъ которой онъ могъ брать въ минуты крайности.

Въ эту самую эпоху, то есть осенью 1813 года, что трудно даже объяснить, чѣмъ болѣе Императорское правленіе склонялось къ упадку, тѣмъ болѣе увеличивались мѣры притѣсненія; уже съ первыхъ uроновъ при ретирадѣ изъ Москвы, чтобы воспрепятствовать истинѣ распространиться, разсудили за благо остано-

вить всѣ сообщенія, всѣ изъявленія грусти и дружбы, дано приказаніе перехватывать всѣ письма, привозимыя изъ-за границы и туда посылаемыя. Такое средство изслѣдованія сдѣлалось уже очень обыкновенно въ Парижѣ, какъ то Наполеонъ очень благоразумно замѣтилъ на островѣ Св. Елены, и учредили тайные кабинеты въ завоеванныхъ земляхъ. Такіе кабинеты были въ Остендѣ, Брюсселѣ, Гамбургѣ, Берлинѣ, Миланѣ, Флоренціи. Достаточно было тогда извѣстія отъ высшаго начальства, чтобы обозначить секретной конторѣ письмо, которое хотѣли вскрыть, и съ котораго хотѣли представить Императору копію. Такое несносное злоупотребленіе не могло не имѣть вліянія на паденіе Имперіи; и какъ можно было надѣяться, что народы, до того не привычные къ подобнымъ притѣсненіямъ, съ радостью не ухватятся за могущій представиться случай, чтобы свергнуть съ себя иго, тяготѣвшее надъ всею Европою, пока надъ нею властвовалъ Наполеонъ. Злоупотребленія были причиною Французской революціи; они открыли путь возстановленію, хотя безъ сомнѣнія Европа, возстановленная противъ насъ, тогда не имѣла никакого положительнаго плана о призваніи Бурбоновъ на Французскій престолъ.

Нарушеніе тайны писемъ, въ вспомогательныхъ средствахъ высшаго шпіонства, меня бо-

лѣе всякаго огорчало, потому что невозможно поставить себя въ такой противуположности съ своими мыслями, и потому я часто забывался до того, что могъ подвергнуться опасности сдѣлаться жертвою. Я имѣлъ довольно довѣренности къ Савари, чего онъ вполнѣ заслуживалъ, и потому сообщалъ ему о моихъ средствахъ сообщенія съ Гамбургомъ; онъ зналъ о невѣрности нѣкоторыхъ агентовъ, которые, какъ я и до сихъ поръ увѣренъ, дѣйствовали не по его приказаніямъ. Савари имѣлъ ко мнѣ, по крайней мѣрѣ я имѣю право такъ думать, искреннюю дружбу: можетъ статься, онъ помнилъ съ нѣкоторою признательностію, то, какъ послѣ смерти Дессекса, я ходатайствовалъ у Бонапарте о назначеніи его Адъютантомъ къ Первому Консулу; и такъ страненъ оборотъ дѣлъ человѣческихъ, что я, покровитель Савари при Консулѣ Бонапарте, считалъ въ послѣдствіи, въ свою очередь, за счастіе пользоваться покровительствомъ Герцога Ровиго у Наполеона Императора. Я долженъ прибавить, что ни въ Италіи, послѣ Маренго, ни въ Парижѣ, послѣ того какъ я впалъ въ немилость, между покровителемъ и покровительствуемымъ, каковыми были мы попеременно другъ для друга, не было другихъ отношеній, кромѣ тѣхъ, какія приличны добрымъ товарищамъ. Савари зналъ истинное начало побудительныхъ причинъ

къ моему обвиненiю со стороны моихъ непрiятелей, а потому онъ никогда не отказывался брать мою сторону противъ ихъ клеветъ, подвергаясь даже нѣсколько разъ Императорскому гнѣву. Никогда не забуду его поведенiя въ разсужденiи меня, въ этихъ трудныхъ борьбахъ противъ низкихъ козней и всесильной власти предубѣжденiя.

Въ 1813 году клеветы на меня усилились, потому что узнали о возобновленiи ко мнѣ благоволенiя и расположенiя Наполеона. Происшествiя озарили его свѣтомъ и онъ сравнивалъ все съ тѣмъ, что я ему писалъ въ концѣ 1810 года относительно вооруженiй Россiи, и вѣроятныхъ намѣренiй нѣкоторыхъ Монарховъ, и къ воспоминанiю объ этой моей заслугѣ, присоединилось воспоминанiе о шестидесяти милiонахъ, которыми я умножилъ собственную его казну.

Здѣсь, какъ мало ни имѣю я охоты говорить о самомъ себѣ, все мнѣ должно войти въ нѣкоторыя подробности относительно постоянныхъ нападенiй на меня со стороны моихъ непрiятелей. Это необходимость, на которую осуждены всѣ, кто рѣшается издавать въ свѣтъ свои Записки; къ тому же въ изображенiи ожесточенiя страстей ненависти, даже тогда какъ онѣ имѣютъ въ предметѣ гибель одного лица, всегда есть что нибудь пригодное къ изученiю че-

ловѣка вообще; и, по истинѣ, если я не сдѣлалъ большихъ успѣховъ въ этой жалкой наукѣ, то вѣрно уже не отъ недостатка великихъ примѣровъ къ изученію.

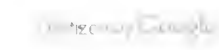
Я, какъ сказалъ уже, не прекращалъ моей переписки съ Гамбургомъ. Между прочими была одна, которая поставляла меня въ извѣстность со всѣмъ тѣмъ, что въ настоящемъ моемъ положеніи знать мнѣ такъ нужно было. Безпокойная и подозрительная полиція Даву не могла не попасть на слѣдъ того лица, съ которымъ я имѣлъ частыя сношенія по службѣ, и которая прежде моего отъѣзда и послѣ, освѣдомлялась о дѣлахъ того времени съ благородствомъ, строгими правилами и любовью къ истинѣ, которыхъ никто у него оспорить не можетъ. Надобно было сбыть безпристрастнаго наблюдателя, который съ постоянствомъ вѣрно записывалъ всѣ событія совершившіяся во время владычества нестерпимой тираніи въ земляхъ Ганзеатическихъ.

Двадцать третьяго Іюня эта особа, о которой я говорю, подпавъ наконецъ подозрѣнію въ сношеніяхъ со мною, за это единственно взята подъ караулъ и посажена въ Винзеръ-Баумскую тюрьму. Бумаги его опечатали собственною его печатью и отобрали ихъ. Ему не дѣлали никакого допроса и перваго Іюля въ десять часовъ вечера освободили, по при-

казанію, какъ говорили, Министра главной полиціи (*); но его извѣстили дружественнымъ письмомъ, что попеченія друга, котораго онъ не могъ забыть, много способствовали его освобожденію.

На другой день, втораго Іюля, освобожденная особа была у Добиньоска, который объявилъ ей приказаніе выѣхать безъ отлагательства, и отдалъ ей бумаги: онѣ были вскрыты безъ нея. Эта особа замѣтила сіе Г. Добиньоску и изъявила свое удивленіе о такомъ нарушеніи правилъ; онъ на это отвѣчалъ съ усмѣшкою: «О! мы не держимся обыкновеннаго порядка.» Послѣ онъ дружески совѣтовалъ ему какъ можно скорѣе укрыться отъ подозрѣній Даву. Въ такомъ ужасномъ обстоятельствѣ, другъ мой обязанъ своею жизнію проворству бывшей у него въ услуженіи вѣрной Нѣмки. Эта дѣвушка, въ ту самую минуту, какъ бра-

(*) У меня есть двѣ бумаги, разрѣшающія вопросъ о достойныхъ сожалѣнія козняхъ, которыхъ жертвою усиливались меня сдѣлать; онѣ содержатъ въ себѣ великую важность, и въ нихъ видны пронырства, которыя, помоему мнѣнію, любопытно знать всякому. Это два письма отъ Герцога Ровиго, бывшаго тогда Министромъ полиціи, одно къ Маршалу Даву, в другое къ Г. Добиньоску, повѣренному отъ полиціи въ Гамбургѣ. Я устоялъ противъ желанія моего помѣстить эти письма собственно въ моихъ Запискахъ; но такъ какъ онѣ нѣсколько длинны, то я разсудилъ, что довольно напечатать въ концѣ этой книги; и по сему случаю прошу читателя сдѣлать мнѣ одолженіе прочесть ихъ со вниманіемъ.

ли подъ арестъ ея господина, имѣла присутствіе духа спрятать тѣ картоны, въ которыхъ были ноты, коими завладѣть такъ желательно было, съ тѣмъ, чтобы ихъ истребить и имѣть случай скрыть истину, а вмѣстѣ съ тѣмъ наказать дерзнувшаго сохранить о томъ воспоминаніе. Такимъ образомъ мой другъ, хотя и былъ удаленъ изъ Гамбурга, но не лишился вѣрныхъ своихъ замѣчаній, и передалъ свою довѣренность достойному человѣку, который съ тою же точностью слѣдовалъ за происшествіями до 1814 года, той эпохи, когда онъ возвратился въ Гамбургъ. Тамъ онъ имѣлъ возможность дополнить свѣдѣнія свои, которыя подтвердили ему въ полной мѣрѣ довѣрія заслуживающія особы. Несчастные Гамбургскіе жители столько претерпѣли, что имъ можно было имѣть горестное утѣшеніе въ чтеніи вѣрнаго повѣствованія ихъ бѣдствій, если справедливо то, какъ думаетъ Сенека, что сладко воспоминать про то, что тяжко было вытерпѣть.

Въ самомъ дѣлѣ, что было за правленіе Даву въ земляхъ Ганзеатическихъ! Несправедливыя и строгія распоряженія слѣдовали одно за другимъ безпрерывно. Четырнадцатаго Августа, предписаніемъ префекта велѣно секвестровать имѣніе четырехъ самыхъ богатыхъ людей въ Любекѣ. Въ томъ числѣ была дѣвица Раддъ, дочь бывшаго

Мера, недавно умершаго, и который при жизни своей былъ столько извѣстенъ по своей честности и по своимъ несчастiямъ. Поводомъ къ секвестру было то, что не внесли чрезвычайной съ ихъ стороны контрибуцiи. Назначили продажу имущества, на тотъ конецъ, какъ сказано въ предписанiи, чтобы дать другимъ примѣръ.

Другимъ предписанiемъ, отъ семнадцатаго Сентября, подписаннымъ Префектомъ, въ отсутствiи Принца Экмюльскаго, опредѣлено осеквестрованiе въ теченiи двадцати четырехъ часовъ и немедленная продажа имуществъ, тѣхъ, на комъ числилась недоимка по платежу чрезвычайной контрибуцiи въ сорокъ восемь милiоновъ, а если не представится случая продать ихъ въ Гамбургѣ, то отослать всѣ товары за Рейнъ, и все сiе, какъ сказано въ предписанiи, *не смотря на всѣ отговорки, какiя бы они ни были, въ томъ предположенiи, что никакое частное требованiе, въ этомъ обстоятельствѣ, не можетъ имѣть преимущества предъ Императорскою казною.*

Таковы были мѣры, которыя мудрено растолковать и которыя ни какъ не могли возстановить тишину и успокоить умы. Импераpаторскiй Генералъ-Адъютантъ Маршалъ Даву, Губернаторъ города Гогендорфъ, Главный Полицейскiй Коммисаръ Добиньоскъ, управляющiй Финансовою частiю Статскiй Совѣтникъ Хабанъ,

и Префектъ Брэтель, равномѣрно способствовали этимъ мѣрамъ, всѣми зависящими отъ нихъ средствами. Однакоже справедливость требуетъ замѣтить между ними ту разность, что одинъ былъ главою этого правленія, а другіе принуждены были повиноваться Маршалу и способствовать его распоряженіямъ, или лишиться своихъ мѣстъ. Такъ, на примѣръ Г. Хабанъ, былъ честный человѣкъ; но ревностное желаніе сдѣлаться Сенаторомъ, вмѣстѣ съ страхомъ, какой въ него внушалъ Даву, увлекали его противъ воли. Нѣсколько времени спустя послѣ эпохи, мною описываемой, ужасная болѣзнь опустошала госпитали. Даву требовалъ, чтобы Г. Хабанъ осматривалъ ихъ по нѣскольку разъ на день. Онъ скоро заразился болѣзнію, отъ которой погибло болѣе пятнадцати тысячъ солдатъ, и не могъ выздоровѣть. Его жалѣли. Извѣщая о его смерти, мнѣ писали изъ Гамбурга, что Даву велѣлъ похоронить съ большою пышностію и по тамошнему обыкновенію, великолѣпный гробъ, который былъ пустъ. Тѣло Г. Хабана положили въ ванну, наполненную уксусомъ и благовонными травами. Послѣ снятія уже блокады, тѣло перевезено во Францію, въ Бельзійское помѣстье покойнаго. Я не могу растолковать себѣ такого фиглярства, о которомъ въ тоже время узналъ, а въ послѣдствіи имѣлъ подтвердительное удостовѣреніе.

++

ГЛАВА XVIII.

Движеніе непріятелей къ Рейну.—Положеніе Наполеона.—Восходъ Консульства и конецъ Имперіи.—Наборъ двухъ сотъ восьмидесяти тысячъ человѣкъ. — Лейпцигскія бѣдствія.—Ужасное положеніе Французовъ въ Майнцѣ.—Частныя извѣстія.—Наборъ трехъ сотъ тысячъ человѣкъ. — 1813 годъ пагубнѣе 1812 года. — Вліяніе первыхъ отпаденій на умъ Императора.—Забытое воспоминаніе и слова Наполеона.—Непобѣдимое удаленіе Наполеона отъ мира.—Причина этого удаленія, слѣдствіе его характера. — Слава предпочтенная власти.—Франкфортская декларація. — Увертки Императора.— Условія союзниковъ. — Побудительныя причины, по которымъ Наполеонъ притворяется, будто бы желаетъ мира.—Старая граница Франціи.—Г. Меттерпихъ.—Г. Бассано и дипломатическія безуспѣшныя сношенія. — Герцогъ Виценскій, Министръ иностранныхъ дѣлъ.—Соглашеніе на условія союзниковъ.—Всеобщее уныніе.— Нужды и отвращенія Франціи. — Желаніе выиграть время и отъѣздъ Коленкура въ главную квартиру союзниковъ.

Ноябрь 1813 года былъ мѣсяцъ пагубный фортунѣ Наполеона; со всѣхъ сторонъ арміи наши были отгоняемы къ Рейну. Во всѣхъ направленіяхъ союзныя арміи приближались къ

этой рѣкѣ, и я давно уже не обманывалъ себя на счетъ упадка Имперіи, не потому что другіе Монархи рѣшили ея уничтоженіе, но по тому, что видѣлъ невозможность, въ какую приведенъ былъ Наполеонъ бороться со всею Европою, и зналъ, что ни за что на свѣтѣ, какъ бы ни отчаянно было его положеніе, его бы не заставили согласиться на снисходительныя условія, которыя онъ считалъ постыдными. Какое зрѣлище представляло глазамъ моимъ въ близкой будущности это обширное разрушеніе, когда я сравниваю его съ тою эпохою, въ которую Наполеонъ, въ цвѣтѣ лѣтъ еще и полный надеждъ на будущее, видѣлъ восхожденіе Консульства, привѣтствуемое всеобщимъ восторгомъ. Въ эту эпоху каждый день былъ свидѣтелемъ новаго отложенія; самые Баварцы, естественные союзники Франціи, которыхъ Императоръ водилъ къ побѣдамъ въ началѣ втораго Вѣнскаго похода, которыхъ онъ такъ сказать, усыновилъ на полѣ брани, были противъ насъ и являли себя болѣе всѣхъ нашихъ непріятелей ожесточенными.

Предъ самою Лейпцигскою битвою, которой уронъ для Наполеона былъ необозримъ, а послѣдствія разорительны, онъ почувствовалъ необходимость потребовать у Франціи еще новаго пожертвованія людьми, точно, какъ будто бы Франція была неисчерпаема. Онъ пору-

чилъ это требованіе Императрицѣ—правительницѣ, которая для сего въ первый разъ явилась въ Сенатѣ съ большею пышностью; но великолѣпіе Имперіи приближалось къ упадку. Марія Луиза согласила еще назначеніе набора двухъ сотъ восьмидесяти тысячъ человѣкъ; но едва изъ нихъ составили полки, какъ война пожрала ихъ. Отпаденіе Баварцевъ значительно увеличило, въ особенности въ первую минуту, затруднительное положеніе остатковъ арміи, такъ сказать, уничтоженной при Лейпцигѣ. Они насъ предупредили въ Ганау, городѣ лежащемъ въ четырехъ миляхъ отъ Франкфурта, и остановились тамъ, чтобы отрѣзать намъ путь къ отступленію; но Французское мужество оживилось и этотъ городокъ немедленно взятъ. Баварцы отражены съ большею потерею и Французская армія пришла въ Маинцъ. Въ какомъ состояніи, великій Боже! можно ли было давать названіе арміи нѣсколькимъ полкамъ людей безъ пособія, пораженнымъ отчаяніемъ, утомленнымъ трудами и лишеніями, однимъ словомъ, приведеннымъ въ какое-то скотское состояніе отъ чрезмѣрной нищеты. Когда они прибыли въ Маинцъ, то для нихъ не было сдѣлано по сему случаю ни какихъ приготовленій; не было ни провіанту, ни какихъ совершенно жизненныхъ припасовъ. Тутъ я получилъ много писемъ отъ знакомыхъ мнѣ Гене-

раловъ, командовавшихъ корпусами; письма сіи были внушены отчаяніемъ, и къ довершенію бѣдствій, разсѣянные остатки нашихъ солдатъ скоро подвергнулись заразительнымъ болѣзнямъ; все мнѣ говорило, что положеніе ихъ было ужасно.

Между тѣмъ, не считая слабыхъ остатковъ, спасшихся отъ Лейпцигскаго бѣдствія и отъ болѣзней; не считая также болѣе двухъ сотъ восьмидесяти тысячъ человѣкъ, которыхъ исходатайствовала Марія Луиза у Сената въ Октябрѣ мѣсяцѣ, у Императора было еще сто двадцать тысячъ человѣкъ хорошаго войска: но они находились позади, разсѣяны были по Эльбѣ, заключены въ укрѣпленныхъ городахъ, какъ-то: Данцигѣ, Гамбургѣ, Торгау и Шпандау; и таковъ былъ ужасъ нашего положенія, что съ одной стороны невозможно было рѣшиться ихъ покинуть, а съ другой въ то же время нельзя было имъ подать помощи. Во Франціи со всѣхъ сторонъ раздавался ропотъ. Требовали мира, за какую бы то ни было цѣну. Повсюду было безпокойство и неудовольствія; самые приверженцы Наполеона поражены были мрачными предчувствіями; и уже многіе, привыкшіе предвидѣть вѣроятныя измѣненія фортуны, которая ниспровергается, предвѣщали на этомъ горизонтѣ печали новый порядокъ вещей. Послѣдній наборъ людей, из-

торгнутый у Сената краснорѣчiемъ Рено де Сенъ-Жакъ-Анжели, которымъ онъ поддерживалъ требованiе Императрицы, не только не казался средствомъ къ спасенiю, но почитался въ повергнутыхъ въ отчаянiе семействахъ, предварительнымъ наборомъ за которымъ долженствовали слѣдовать другiя требованiя со стороны Императора, потому что въ самомъ дѣлѣ этѣ новыя силы не достаточны были, чтобы противостоять союзнымъ армiямъ, которыя хлынули со всѣхъ сторонъ. И дѣйствительно за этимъ наборомъ, чрезъ мѣсяцъ, послѣдовалъ другой въ триста тысячъ человѣкъ, и тогда-то только можно было узнать всю глубину язвы. Въ такомъ положенiи вещей, можно сказать, что 1813 годъ былъ для Наполеона еще пагубнѣе, чѣмъ 1812, не смотря на всѣ Московскiя бѣдствiя; но его дѣятельность и пожертвованiя со стороны Францiи успѣли пособить этимъ бѣдствiямъ, тогда какъ Лейпцигскiя бѣдствiя были невозвратимы.

Здѣсь да позволено мнѣ будетъ коснуться въ кратцѣ нѣсколькихъ воспоминанiй, которыя по моему мнѣнiю необходимы для того, чтобы показать то, что мнѣ было извѣстно о положенiи Наполеона послѣ Лейпцига, о переговорахъ, къ которымъ сдѣлана попытка, но безъ успѣха; описанiе всего этого обнажаетъ поли-

тику того времени, когда сила все рѣшала, а право было только одно слово.

Я сказалъ выше, что знакъ къ отложеніямъ былъ данъ въ концѣ 1812 года корпусомъ, ввѣреннымъ командованію Іорка, но безъ соизволенія на то, по крайней мѣрѣ по наружности, Короля Прусскаго. Наполеонъ не хотѣлъ показать, что онъ огорченъ такимъ отложеніемъ; но я увѣренъ, что онъ внутренно не обманывался относительно дальнѣйшихъ того послѣдствій, и съ того времени всѣ его поступки, когда дѣло шло о переговорахъ, доказывали, что съ сей минуты онъ принялъ себѣ тайнымъ девизомъ: все, или ничего. По сему-то мы видѣли, какъ въ эту эпоху онъ отвергалъ, въ собранномъ имъ Совѣтѣ, умныя представленія Камбасереса и Талейрана, а соглашался съ хвастовствомъ Кларка. Я вспоминаю теперь объ одномъ рѣшительномъ обстоятельствѣ, которое я выпустилъ изъ виду въ томъ мѣстѣ моихъ Записокъ, гдѣ я говорилъ о словахъ Кларка, а именно, что Наполеонъ, выслушавъ ихъ, вскричалъ: «Вотъ такъ! Вотъ, что называется говорить. Постыдный миръ не достоинъ «Франціи. Вооружимся.» Для того, кто зналъ Наполеона и вліяніе его воли, столь положительно изъявленной, не очевидно ли, что такое мнѣніе обнаруженное имъ съ видомъ важности и строгости, долженствовало увлечь за

собою и тѣ мнѣнія, которыя еще не были объявлены. Теперь, никто, я думаю, не осмѣлится утверждать, что Наполеонъ хотѣлъ мира въ 1812 году: а если онъ не хотѣлъ его тогда, то имѣлъ еще сильнѣйшія причины не хотѣть послѣ Лейпцигскихъ потерь. Объ немъ хотятъ судить, какъ о другомъ человѣкѣ; но онъ былъ со всѣмъ особенное существо въ семъ мірѣ, и по своимъ мѣлочамъ, и по своему величію. Скажутъ ли, что ему должно было заключить миръ, потому что оный былъ нуженъ? но чѣмъ болѣе миръ былъ нуженъ, тѣмъ менѣе онъ могъ быть выгоденъ, а потому и не возможенъ для него. Власть, которой онъ такъ домогался, которую употреблялъ съ такою неограниченностію, самая власть была, въ глубинѣ его мыслей, только средствомъ; цѣль его была слава, будущее, величіе его имени и отголосокъ его въ потомствѣ; я увѣренъ, что его менѣе поколебали эти два низпроверженія, чѣмъ если бы ему пришлось быть просто Императоромъ Французовъ, видѣть свою Имперію, заключенною въ естественныхъ ея границахъ, жить въ ней спокойно, не имѣя того чрезвычайнаго вліянія, которое пріобрелъ онъ надъ всею Европою, и быть осуждену на то, чтобы взирать на обширныя свои завоеванія, управляемыя не его, а другими законами. Наполеонъ былъ таковъ, потому что ему отъ природы

бѣдствій, и въ такое время когда Франціи угрожало вторженіе многочисленныхъ побѣдоносныхъ армій. Это было истинное уваженіе, оказанное Франціи, мужеству Французовъ. Только безумное изступленіе и слѣпая преданность могутъ считать безчестнымъ для Государя, который послѣ того, что цѣлые пятнадцать лѣтъ опустошалъ міръ, еще сохранитъ такія владѣнія. Но такія условія, какъ я сказалъ уже, были неприличны Наполеону, который самъ себя обманывалъ, когда истина ему не годилась.

По силѣ предложеній союзниковъ въ Франкфуртѣ, Германія, Италія и Испанія долженствовали быть совершенно отстранены отъ владычества Франціи. Англія признавала свободу торговли и мореплаванія, и изъявляла самыя неподозрительныя расположенія сдѣлать величайшія пожертвованія для достиженія предположенной союзниками цѣли. Но они къ этимъ предложеніямъ присоединяли условіе: конгрессу собраться въ городѣ, который объявятъ нейтральнымъ, на правомъ берегу Рейна, гдѣ уполномочные *всѣхъ* державъ соединятся, *но съ тѣмъ, что военныя дѣйствія по причинѣ сихъ переговоровъ не остановятся.*

Герцогъ Бассано, бывшій еще Министромъ Иностранныхъ дѣлъ, отвѣчалъ по приказанію Наполеона, на предложенія сдѣланныя союзниками на счетъ общаго конгресса, что Импера-

торъ согласенъ и желаетъ, чтобы для сего предмета назначенъ былъ нейтральнымъ городомъ Мангеймъ.

Здѣсь должно замѣтить, что въ этомъ отвѣтѣ на важныя соглашенія союзниковъ, съ намѣреніемъ, ничего неупомянуто о согласіи на предлагаемыя ими основанія. Наполеонъ предоставлялъ себѣ вести переговоры съ Англіею во Франціи и чрезъ Кале.

Г. Меттернихъ отвѣчалъ изъ Франкфурта, на ноту Герцога Бассано, что союзники не находятъ никакого затрудненія въ назначеніи города Мангейма для собранія когресса. Но такъ какъ въ письмѣ Г. Бассано ничего неупомянуто, о главныхъ основаніяхъ, которыя были сообщены Г. Сенъ-Эньяну въ Франкфуртѣ, то Г. Меттернихъ объяснялъ, что союзники желаютъ, чтобы Наполеонъ объявилъ свои мысли объ этихъ основаніяхъ, на тотъ конецъ, чтобы непреоборимыя затрудненія не остановили переговоровъ при ихъ началѣ.

Герцогъ Виченцскій, назначенный на мѣсто Герцога Бассано получилъ это письмо. Полагаясь на Франкфуртскую декларацію онъ надѣялся вести переговоры на этихъ основаніяхъ; онъ истинно надѣялся на согласіе Наполеона. Но союзники рѣшили не предоставлять болѣе границъ, опредѣленныхъ въ этой декларацiи. Коленкуръ долженъ былъ испросить новыя упол-

номочія. Получивъ ихъ, онъ отвѣчалъ втораго Декабря, что Наполеонъ *соглашился* на главныя основанія, о которыхъ сообщено было Г. Сен-Эньяномъ.

Въ отвѣтъ на это письмо Герцога Виченцскаго, Г. Меттернихъ написалъ, что Императоры Росссійскій и Австрійскій съ удовольствіемъ узнали, что Французскій Императоръ соглашается съ основаніями, признанными за нужныя союзниками; что оба Монарха рѣшили *сообщить*, безъ отлагательства, эту официіальную бумагу своимъ союзникамъ, и что они увѣрены, что немедленно по полученіи отвѣта переговоры могутъ быть зачаты, *безъ прекращенія военныхъ дѣйствій*.

Далѣе увидятъ причины, по которымъ эти первые переговоры не имѣли никакихъ послѣдствій.

Союзники въ Октябрѣ мѣсяцѣ ниспровергли колосальное зданіе, именовавшееся *Французскою Имперіею*. Будучи приведены побѣдою къ берегамъ Рейна, они объявили, какъ видѣли читатели, что не хотятъ болѣе дѣлать завоеваній; объяснили свои намѣренія и обнаружили твердую рѣшимость не дѣлать отъ того никакихъ отступленій. Такое расположеніе союзниковъ заставило Французское Правительство изъявить миролюбивыя намѣренія. Наполеонъ хотѣлъ такимъ наружнымъ желаніемъ мира, оправдать,

если смѣю такъ выразиться, предъ глазами своихъ народовъ, необходимость новыхъ пожертвованій, которыхъ онъ требовалъ, по словамъ его прокламацій, только для того, чтобы заключить сколь возможно болѣе почтенный миръ. Въ самомъ же дѣлѣ онъ и слышать не хотѣлъ о сдѣланныхъ въ Франкфуртѣ предложеніяхъ. Онѣ привели бы Францію въ тѣ же границы, въ какихъ она была въ 1797 году, которыя ей упрочены были побѣдами его въ Италіи и Кампо-Формійскимъ договоромъ; Наполеонъ думалъ и говорилъ, что значило бы унизить эту прекрасную Францію, захотѣвъ привести ее въ сіи границы, въ которыхъ она впрочемъ была только за шестнадцать лѣтъ. Онъ по справедливости почиталъ миръ постыднымъ, по его мнѣнію, несовмѣстнымъ съ сохраненіемъ его короны. Онъ противупоставлялъ Державамъ твердой земли Рейнскую границу какъ вознагражденіе за раздѣлъ Польши, а Англіи за распространенія ея въ Азіи.

Но надобно было выиграть время и удержать, если бы представилась возможность, союзныя арміи на правомъ берегу Рейна. Остановки и замедленія въ переговорахъ дали бы Наполеону средства собрать новыя силы и продолжать войну съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ. Но ему должно было сказать, что нація устала уже собою жертвовать, а не представлять

за изображеніе истины офиціальны хвалы, которыя ежедневно печатали въ Монитерѣ.

Многочисленные рекрутскіе наборы, которые онъ дѣлалъ одинъ за другимъ, перемѣнили конскрипцію въ *хватку*, и повсюду людей отрывали отъ полевыхъ работъ и городской промышленности. Повсюду уныніе было въ высочайшей степени; начали даже изъясняться о правительствѣ громче, чѣмъ когда нибудь осмѣливались то дѣлать; хотѣли употребить послѣднее усиліе, чтобы дать Франціи внушающій почтеніе видъ, въ предположеніи, что Императоръ отъ чистаго сердца желалъ мира, и хотѣлъ заниматься только Франціею; потому что, спрошу я, кому бы пришла охота отдавать свое имущество и своихъ дѣтей за то, чтобы Іосифъ былъ Королемъ Испанскимъ, или чтобы Іеронимъ царствовалъ въ Вестфаліи? Слишкомъ намъ дорого стоило воздвигнуть эти эфемерные троны и довольно уже пролито для нихъ Французской крови, чтобы не захотѣть беречь ее болѣе на защиту или возвращеніе этихъ троновъ.

Въ намѣреніи выиграть время, Наполеонъ послалъ Коленкура въ главную квартиру союзниковъ, и для того, какъ я сей часъ говорилъ, чтобы заставить думать, будто бы мысли его склонны къ миру; но я могу утвердительно сказать, что самъ Коленкуръ мало имѣлъ на-

дежды успѣть въ своемъ порученіи. Онъ справедливо судилъ, что если намъ не удалось завести переговоры, когда мы были еще на правомъ берегу Рейна, въ эпоху, когда, какъ читатели видѣли, Императоръ не хотѣлъ съ искренностью принять сдѣланныя ему предложенія, то затрудненія будутъ гораздо болѣе, а требованія союзниковъ значительнѣе тогда какъ Императоръ принужденъ защищаться на лѣвомъ берегу.

++

ГЛАВА XIX.

Манифесть союзниковъ къ Французамъ.— Объявленіе правилъ. — Желаніе видѣть Францію великою, сильною и счастливою.—Добросовестность и прекрасныя обѣщанія — Наполеонъ представленъ единственнымъ препятствіемъ къ миру. —Миліонъ сорокъ тысячъ человѣкъ въ одинъ годъ.— Очевидная искренность союзниковъ.—Жалкое положеніе Франціи.—Тридцать миліоновъ, данные Императоромъ.— Тюлейрійская казна, и поздніи жалобы законодательнаго корпуса.—Возвращеніе Дрездена и нарушеніе условій.— Возмущеніе Голландцевъ.—Мюратъ и Англичане.—Желаніе призвать Г. Талейрана опять на Министерство.— Условія, которыя нельзя принять. — Странный совѣтъ относительно Веллингтона.— Перемѣна въ Министерствѣ.—Г. Моле.—Невѣроятная дѣятельность Наполеона.—Взглядъ Бонапарте на Испанію.—Іосифъ съ трудомъ соглашается на уступку трона —Хорошая выдумка, дурно выполненная.— Недоумѣніе относительно Базильскаго моста.— Какъ узнаю я правду.— Согласіе Швейцарцевъ на проходъ союзниковъ.— Созваніе законодательнаго корпуса. — Безсиліе правительства въ одной коммисіи. — Г. Лене и пробужденіе законодательнаго корпуса.—Слова Бонапарте, пересказанныя Камбасересомъ.

———

Союзники, узнавъ о томъ, какое число людей требовалъ Императоръ и имѣя хорошія свѣдѣнія о расположеніи умовъ, издали манифесть къ

Французамъ который я считаю за нужное помѣстить здѣсь. Манифестъ сей, въ то время былъ повсюду распространяемъ въ изобиліи, но время можетъ заставить его забыть, а мнѣ кажется надобно имѣть въ виду его содержаніе.

«Французское Правительство назначило новый наборъ трехъ сотъ тысячъ рекрутъ; побудительныя причины Сенатскаго опредѣленія содержатъ вызовъ къ союзнымъ державамъ. Онѣ находятъ себя вынужденными обнародовать предъ лицемъ свѣта, тѣ виды, которыми онѣ руководствуются при настоящей войнѣ, правила, которыя служатъ основаніемъ ихъ поведенію, ихъ желанія и ихъ рѣшимость. Союзныя державы не воюютъ съ Франціею, а съ этимъ преобладаніемъ, явно выказаннымъ, съ преобладаніемъ, которое къ несчастію Европы и Франціи, Императоръ Наполеонъ слишкомъ долго употреблялъ внѣ границъ своей Имперіи.

«Побѣда привела союзныя арміи къ Рейну. Первое употребленіе, какое Ихъ Императорскія и Королевскія Величества сдѣлали изъ побѣды, было предложеніе мира Его Величеству Императору Французскому. Усиленное положеніе присоединеніемъ всѣхъ Государей и Принцевъ Германіи не имѣло вліянія на мирныя условія. Условія эти основаны на независимости другихъ Государствъ Европы. Виды державъ справедливы въ своемъ предметѣ, великодушны и

щедры въ своихъ приложеніяхъ, могутъ успокоить всякаго, почтенны для всякаго.

«Союзные Монархи желаютъ, чтобы Франція была велика, сильна и счастлива, потому что великая и сильная держава есть одна изъ самыхъ главныхъ основаній зданія общества. Они желаютъ, чтобы Франція была счастлива; чтобы торговля ея возродилась; чтобы искуства, этотъ благотворный плодъ мира, опять начали процвѣтать, потому что великій народъ не можетъ быть покоенъ, если онъ не счастливъ. Державы подтверждаютъ Французской Имперіи пространство владѣній, какого Франція незнавала во времена Королей своихъ, потому что мужественная нація не приходитъ въ упадокъ отъ неудачь въ упорной и кровавой борьбѣ, въ которой она мужалась съ обычайною своею смѣлостью.

«Но державы также хотятъ быть счастливы и спокойны. Онѣ желаютъ мирнаго состоянія, въ которомъ бы благоразумное раздѣленіе силъ, чрезъ справедливое равновѣсіе, охраняло бы на будущее время ихъ народы отъ безчисленныхъ бѣдствій, которыя цѣлыя двадцать лѣтъ, тяготѣли надъ Европою.

«Союзныя державы не положатъ оружія, не достигнувъ этого великаго и благодѣтельнаго послѣдствія, благороднаго предмета ихъ усилій. Онѣ не положатъ оружія до тѣхъ поръ, пока

политическое положеніе Европы снова не утвердится, пока непреложныя правила не восторжествуютъ надъ новыми требованіями, пока святость договоровъ неупрочитъ наконецъ Европѣ истиннаго мира.»

Объ искренности этихъ прекрасныхъ обѣщаній можно, было судить при заключеніи условій въ Парижѣ; но я еще недостигъ этой эпохи; я помню только, что этотъ манифестъ не мало способствовалъ къ удаленію отъ пользъ Наполеона, сердецъ еще пребывавшихъ, вѣрными, потому что, довѣряя объявленіямъ союзниковъ, видѣли въ Наполеонѣ единственное препятствіе этому миру, который Франція призывала всеобщими желаніями. Въ этомъ отношеніи союзники не обманулись, и я, признаюсь, не безъ чрезвычайнаго удивленія видѣлъ, что Герцогъ Ровиго въ одномъ мѣстѣ своихъ Записокъ, говоря объ этомъ манифестѣ, попрекаетъ сочинителей онаго въ томъ, что они хотѣли представить Императора *неистовымъ, который на предложенія о мирѣ отвѣчалъ только наборомъ рекрутъ.* Что сказали они на этотъ счетъ кромѣ истины, въ приличныхъ выраженіяхъ? Событія тутъ, и никакой энтузіазмъ ихъ не опровергаетъ. Въ одномъ 1813 году Императоръ набралъ мнліонъ сорокъ тысячъ человѣкъ! Что на это сказать можно?

Погибель Наполеона была неизбѣжна. Начали

даже работать въ Швейцаріи, и изыскивали средства убѣдита ее дозволить пройти войскамъ чрезъ Базельскій мостъ: дѣла шли не лучше на югѣ Франціи гдѣ Англо-Испанская армія угрожала нашимъ границамъ со стороны Пиринеевъ и даже заняли уже Пампелуну. Потеря этой послѣдней позиціи, которую мы до того сохраняли въ Испаніи, показала еще горестнѣйшимъ образомъ плачевное состояніе, въ какое была приведена Франція со всѣхъ сторонъ. Въ самомъ дѣлѣ, внутреннее положеніе представляло столь же жалостную картину, какъ и заграничныя дѣла; потому что если чужія державы предлагали миръ, то видѣли, что онѣ не хотѣли согласиться ни на какое прекращеніе военныхъ дѣйствій, такъ, что всѣ Департаменты, лежащіе вдоль Рейнской границы, видѣли себя въ опасности близкаго вторженія. Людей набрали, но это было недостаточно; въ арміи недоставало самыхъ нужныхъ вещей, надобно было все созидать. Чтобы удовлетворить самымъ нетерпящимъ отлагательства нуждамъ, Императоръ взялъ тридцать миліоновъ изъ огромной казны, которую онъ собралъ въ Тюльери въ погребахъ и галлереяхъ Марзанскаго павильона (*). Эти тридцать миліоновъ исчезли

(*) Самое это накопленіе наличныхъ денегъ достаточно для того, чтобы доказать глубокое невѣжество Наполеона въ Финансовомъ дѣлѣ, потому что деньги имѣютъ цѣну только въ обращеніи.

какъ въ пучинѣ, но все таки это былъ великодушный поступокъ Наполеона, и признаюсь, что въ то время, я не понималъ, какъ законодательный корпусъ могъ жаловаться на такой расходъ: такъ какъ капиталъ составленъ былъ не по бюждету, то не нужно было, чтобы финансовый законъ разрѣшалъ его употребленіе. Къ тому же, ча чѣмъ, эти строгіе законодатели, которые не смѣли пропикнуть слова, пока фортуна улыбалась Наполеону, представляли прежде чѣмъ Наполеонъ сдѣлалъ пожертвованіе, чтобы триста пятдесятъ миліоновъ, которые заключались въ собственной его казнѣ, были внесены въ Императорскую казну. За чѣмъ съ такимъ безстрастіемъ дозволили они закрывать въ Тюльерійскихъ безднахъ контрибуціи и плодъ взысканій въ побѣжденныхъ земляхъ? За чѣмъ? За тѣмъ, что тогда бы опасно было имъ воспротивиться. Смѣлость перестаетъ быть смѣлостью, когда она уважала силу, а являетъ себя предъ несчастіемъ.

Въ это достойное жалости время, каждый день приводилъ новыя несчастія, необходимыя слѣдствія гибельнаго Московскаго похода. Дрезденъ, въ которомъ былъ еще Французскій гарнизонъ, достался во власть союзникамъ. Едва онъ выступилъ изъ стѣнъ города, его обезоружили. Голландія въ туже минуту съ радостью предвидѣла эпоху своего освобожденія, и при-

бытiе Русскаго корпуса было сигналомъ всеобщаго, но такъ сказать, мирнаго возстанiя: добрые Голландцы очень мало показали мстительности. Таково было удовольствiе, о которомъ столько говорили во время присоединенiя Голландiи къ Имперiи, въ Декабрѣ 1810 года; вотъ какъ насъ любили, и какъ мы сдѣлали эти народы счастливыми. Чего не говорили противъ предусмотрительныхъ люди, которые охуждали это присоединенiе. Отложенiе не ограничилось землями, которыя нѣкогда были управляемы своими Государями; Мюратъ согласился съ Англiею, потому что очень основательно опасался чтобы, безъ того, его не свергнули съ Неаполитанскаго престола. Все это образовало точно потопъ новыхъ затрудненiй, которыя ежеминутно такъ и сыпались на Наполеона. Я не говорю здѣсь объ остальной Италiи, предполагая посвятить цѣлую главу изложенiю вѣрныхъ свѣдѣнiй, какiя имѣю объ этой странѣ и о послѣднемъ времени политическаго бытiя превосходнаго Евгенiя.

Въ борьбѣ съ затрудненiями, которыя осаждали Наполеона, онъ обратилъ вниманiе на Г. Талейрана, который, на несчастiе Францiи, давно уже не былъ занимаемъ дѣлами правительства. Но Императоръ требовалъ, чтобы для полученiя портефели иностранныхъ дѣлъ, онъ оставилъ свою должность великаго вице-изби-

рателя, что дало бы видъ немилости призыву, сдѣланному по необходимости. Г. Талейранъ предпочелъ постоянное мѣсто и одну изъ первыхъ государственныхъ должностей, портфели, которую по прихоти могли у него отнять и которой столько честолюбцевъ домогались. Можетъ быть проницательный взглядъ Г. Талейрана показалъ ему положеніе дѣлъ въ отчаянномъ видѣ, и принятіе на себя должности, слишкомъ ненадежнымъ въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ. Меня часто увѣряли, что смотря на вещи съ высока, онъ въ разговорѣ съ Императоромъ подалъ ему очень необыкновенный совѣтъ употребить въ дѣло честолюбіе Англійской фамиліи Веллеслей, и породить въ умѣ Веллингтона, котораго слава начинала показываться въ своемъ блескѣ, честолюбивыя намѣренія и виды, могущіе причинить разстройство въ союзѣ. Наполеонъ не далъ никакого хода этому предложенію, котораго послѣдствія ему казались слишкомъ ненадежны, въ особенности слишкомъ замедлительны въ такихъ обстоятельствахъ, гдѣ надобно было очень торопиться. Тогда-то Коленкуръ былъ призванъ на министерство Иностранныхъ дѣлъ, на мѣсто Г. Маре, который опять сдѣланъ Государственнымъ Секретаремъ; эта должность была болѣе по немъ. Въ это же время на мѣсто Г. Ренье въ министерство

Юстицiи назначенъ Г. Моле, котораго прекрасныя качества давно уже обратили на него вниманie Наполеона, а на мѣсто Г. Сессана, Министромъ Военнаго Управленiя сдѣланъ Г. Дарю.

Во время этихъ небольшихъ движенiй въ Министерствахъ, Императоръ не переставалъ заниматься средствами къ отраженiю сдѣланнаго противъ него нападенiя. Онъ создавалъ все, видѣлъ все, дѣлалъ все. Хотя лѣта могли убавить у него жару, но я его тогда видѣлъ точно такимъ, каковъ онъ былъ въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ молодости. Великiй переломъ, для него наступившiй, казалось вознаграждалъ за то, что отымали лѣта; въ эти самыя минуты онъ обращалъ свои взоры на Испанiю; рѣшился кончить съ нею и обратить тамошнюю армiю противъ союзниковъ, которые своими движенiями показывали, что хотятъ вступить во Францiю чрезъ Швейцарiю.

Въ этомъ отношенiи встрѣтилось такое обстоятельство, которое могло имѣть на дѣла рѣшительное влiянiе. Это было отреченiе Iосифа, Короля Испанскаго отъ всѣхъ правъ своихъ на сiю корону, и немедленно за тѣмъ послѣдовавшее вступленiе, согласно съ условiемъ, Фердинанда въ его государство. Iосифъ сдѣлалъ эту жертву по требованiю своего брата. Онъ это сдѣлалъ не безъ труда и не оставивъ дать замѣтить, какъ тяжело разставаться съ тро-

номъ. Договоръ былъ подписанъ, но въ приведеніи его къ исполненію употребили непостижимую медленность, а происшествія шли скоро, потокъ стремился на Францію съ такою быстротою, что договоръ не могъ быть выполненъ; Фердинандъ вступилъ, правда, на тронъ, но со всѣмъ по другимъ причинамъ.

Движеніе союзниковъ очень занимало Императора. Нужно было разрушить Базельскій мостъ. Если непріятели переберутся безъ труда за Рейнъ, то они наводнятъ Францію. Въ это время я имѣлъ дружескія сношенія съ однимъ иностраннымъ дипломатическимъ агентомъ, котораго назвать по имени запрещаетъ мнѣ скромность. Онъ мнѣ сказалъ, что непріятель приближается къ границѣ, и что Базельскій мостъ не будетъ разрушенъ: что объ этомъ сдѣлано соглашеніе въ Бернѣ, гдѣ союзники превозмогли. Это меня удивило, потому что съ другой стороны я зналъ, отъ одного человѣка, который также долженъ былъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія, что надѣялись взорвать его. Тогда, любопытствуя узнать истину, я послалъ самъ отъ себя агента въ Базель, который возвратясь сказалъ мнѣ, что мостъ останется.

Девятнадцатаго Декабря созванъ Законодательный корпусъ. Это было въ середу. Г. Леке назначенъ Вице-Президентомъ подъ начальствомъ Г. Ренье, который сдавъ Министерство

Юстицiи, былъ сдѣланъ Президентомъ. Составили коммисiю для изслѣдованiя и составленiя доклада о сдѣланныхъ Императоромъ сообщенiяхъ. Члены этой коммисiи, по большей части, были поражены тѣмъ ужаснымъ положенiемъ, въ которомъ мы находились. Сдѣлали, какъ то всегда бываетъ при коммисiяхъ, въ представительныхъ правительствахъ, гдѣ это часто приноситъ пользу, сдѣлали, говорю я, все что только можетъ сила, чтобы получить такой докладъ, какой было нужно. Успѣха не было. Это было хорошо. Пора было этому сословiю, до того всегда столь раболѣпному, принять видъ болѣе благородный и вспомнить, что оно долженствовало поддерживать и охранять выгоды великой и великодушной нацiи, которая въ эту минуту находилась на краю пропасти; но для чести его, оно вспомнило это немного поздно.

Докладъ и рѣшенiя коммисiи не понравились. Въ нихъ видѣли, или притворялись видѣть стремленiе къ революцiи. Даже не разсудительно попрекали Г. Лене, что онъ былъ одинъ изъ дѣйствующихъ тутъ лицъ. Надобно его только знать, чтобы отвергнуть такую клевету. Странно обвинять въ революцiонствѣ, человѣка мужественнаго, преданнаго своей странѣ, который говоритъ правду. Даже тягостно

30*

опровергать такое дѣло. Поведенiе Г. Лене доставило мнѣ въ то время величайшее удовольствiе, и мнѣ посчастливилось достать одинъ экземпляръ его доклада, который былъ отобранъ. Какъ это не велѣли его сжечь изъ рукъ палача? Гнѣвъ былъ къ тому очень великъ.

Приказавъ отобрать докладъ, Императоръ отмѣнилъ собранiя Законодательнаго Корпуса. Я почелъ это величайшимъ зломъ: кто усумнится, что если бы откровенно объясниться съ нимъ, нельзя было бы исправить погрѣшности дипломатiи, всегда столь хитрой и колеблющейся? Не ужели думаютъ, что благородное и откровенное объявленiе Законодательнаго Корпуса, что Францiя соглашается на условiя требованныя во Франкфуртѣ, не было бы выслушано союзниками. Не поставили бы они въ равновѣсiе, выгоду почтеннаго и надежнаго мира, съ случайностями и опасностями, которыя всегда бываютъ велики при вторженiяхъ въ обширную страну защищаемую мужественными жителями? Но слова, *вы будете опозорены, когда уступите хотя одну деревню, присоединенную Сенатскимъ опредѣленiемъ*, раздавались всегда въ ушахъ Бонапарте, чемъ онъ ласкалъ тайныя свои ощущенiя, и всѣ миролюбивыя предложенiя были отвергнуты.

Люди, которые со вниманiемъ наблюдали сiи

происшествія, вспомнить изумленіе, которымъ пораженъ былъ Парижъ, узнавъ объ этомъ отобраніи доклада и объ отложеніи собранія Законодательнаго Корпуса. Дѣлали бездну заключеній о томъ, что произошло новаго за границею, и ничего не находили.

Члены Законодательнаго Корпуса, которыхъ засѣданія отложены, хотѣли возвратиться по домамъ. Они, по обыкновенію, откланивались Императору, который принялъ ихъ въ Воскресенье. Извѣстна сказанная имъ рѣчь. Тутъ есть очень достопримѣчательныя вещи, видно, что Наполеонъ боялся того, что такъ какъ ему не удалось согласиться съ коммисіею, то чтобы это совѣщательное сословіе, во время предстоящихъ великихъ событій и пока онъ по всѣмъ вѣроятіямъ, отправится въ походъ, не приняло мѣръ, которыя бы помѣшали его планамъ, намѣреніямъ и договорамъ или уничтожили бы ихъ. Онъ разсудилъ лучше зажать имъ ротъ.

Императоръ отпустилъ *взбунтовавшихся*, довольно съ досадою, и не хотѣлъ слушать никакихъ объясненій. Послѣ въ своихъ разговорахъ онъ говорилъ о Корпусѣ, отъ котораго отдѣлался: «Эти члены пріѣзжаютъ въ Парижъ «только для того, чтобы выхлопотать какую «нибудь милость. Они надоѣдаютъ Министрамъ

«съ утра до вечера, и прокричать всѣ уши «если ихъ тотчасъ не удовлетворяютъ. Позовите «ихъ обѣдать, и они лопнутъ съ досады видя «пышность, которая имъ кинется въ глаза.» Я слышалъ эти слова отъ Камбасереса, при которомъ Императоръ говорилъ ихъ.

ГЛАВА XX.

Знамя Италіянской арміи и орлы 1815 года.— Бездѣйствіе нѣкоторыхъ агентовъ. — Невѣроятная охота вѣрить несбыточнымъ обѣщаніямъ. — Согласіе Швейцарскихъ кантоновъ вручить ихъ земли.—Наполеона обманули — Меня ввечеру требуютъ къ Министру Полиціи.—Опасенія, оправдываемыя моимъ положеніемъ.— Невѣроятное удивленіе и неожиданное предложеніе.—Отвергнутое предложеніе Министерскаго мѣста въ Швейцаріи.— Вопросы Наполеона обо мнѣ.— Приглашеніе меня къ Герцогу Висенскому.— Непоколебимая рѣшимость отказаться отъ Швейцарской миссіи.—Посѣщеніе Г. Талейрана. — Свиданіе съ Герцогомъ Висенскимъ.—Убѣжденія Министра.—Мое упорство въ отказѣ.— Предложеніе сдѣлать меня Герцогомъ и дать ленту Почетнаго Легіона. — Положительный отказъ. — Затрудненіе моего положенія.—Коленкуръ и не Министръ.—Одобреніе и удовольствіе.—Упрежденіе, и префектъ Полиціи не знаетъ, гдѣ живетъ Герцогъ Висенскій.

Я достигаю минуты, самой критической для Наполеона. Какія бы сдѣлалъ онъ размышленія, если бы имѣлъ время размышлять, если бы онъ сравнилъ воспоминанія о своей раждающейся

фортунѣ съ жалкою картиною его фортуны, готовой погибнуть. Пускай вспомнятъ это славное знамя Италіянской арміи, которое молодой побѣдитель внесъ въ Директорію, которую черезъ годъ ему пришлось низпровергнуть, и пускай сравнятъ его съ этими печальными и унылыми Орлами, принужденными защищать воздухъ, изъ котораго они столь часто выходили, чтобы распростирать въ Европѣ свой владычественный полетъ! Теперь уже было не то время славныхъ торжествъ, когда народы Италіи утѣшались въ томъ, что побѣждены и покорены волшебному слову свободы, которое предшествовало республиканскимъ арміямъ; совсѣмъ напротивъ того, теперь, чтобы избавиться отъ деспотическаго ига, народы Европы вооружились и готовились вторгнуться въ священныя границы отечества. Тогда какъ великія пособія, которыя Франція еще могла представить, сдѣланы безполезными бездѣйствіемъ большаго числа агентовъ Императорскаго правительства, тогда какъ какое-то онѣмѣніе удерживало умы, надъ Императоромъ издѣвались у тѣхъ, которые еще казались его союзниками. Такъ напримѣръ, Швейцарскіе кантоны формально объявили, что они заставятъ уважить свой нейтралитетъ, что рѣшились на все, только бы не попустить нарушенія поземельныхъ правъ своихъ; но утомясь, какъ и прочая Европа, отъ

ига Бонапарте и отъ его угнѣтающаго покровительства, Швейцарія не захотѣла защищать свои границы; она добровольно отдалась, и поспѣшила присоединиться къ вооруженному союзу противъ Наполеона. Съ какою безразсудною довѣрчивостью полагались на обѣщанія, сдѣланныя подъ владычествомъ необходимости! Какое безуміе могло заставить почесть ихъ искренними? Даже предполагая ихъ такими, какое ослѣпленіе, какое незнаніе положенія союзныхъ армій могло дать поводъ къ мысли, что выполненіе ихъ возможно? Скажу, что было даже глупо вѣрить нейтралитету Швейцаріи. Что бы видѣть ясно, стоило только посмотрѣть. Какъ! не ужели, не надѣясь съ увѣренностью на свободный пропускъ, непріятельскія арміи на удачу двинулись къ Бризгаву, на тотъ конецъ, чтобы вступить во Францію въ самомъ слабомъ мѣстѣ границъ нашихъ. Едва можно понять такую довѣренность къ даннымъ обѣщаніямъ, потому что мы понесли уронъ.

Съ вторженіемъ въ Швейцарскія границы союзныхъ армій, съ согласія кантоновъ, соединяется событіе, которое чрезвычайно важно въ моей жизни, и которое если бы я захотѣлъ, имѣло бы совсѣмъ другое вліяніе на мою судьбу.

Во вторникъ, двадцать восьмаго Декабря, я обѣдалъ у Г. Піерло, съ которымъ мы были

давно въ дружескихъ связяхъ (*). Я остался, по обыкновенію, у него на вечеръ, а когда выходилъ со двора, то имѣлъ привычку говорить, гдѣ меня найти, если кто будетъ спрашивать. Въ девять часовъ вечера посланный отъ Министра Полиціи пригласилъ меня ѣхать тотчасъ къ нему. Признаюсь, что въ тогдашихъ обстоятельствахъ, зная предубѣжденіе противъ меня Императора, простое приглашеніе, въ особенности въ такое время, не могло не причинить мнѣ безпокойства. Исполненные клеветы доносы Даву, хотя были великодушно и съ благородствомъ оспориваемы со стороны Савари, но могли быть представлены Императору въ такую минуту, когда онъ былъ разсерженъ; онъ еще ни чѣмъ не рѣшилъ моего дѣла, потому что, по той мѣрѣ, какъ ему доказывали истину, новыя клеветы приводили его въ недоумѣніе; и, надобно признаться, что я думалъ, что наконецъ наступила минута отправляться мнѣ ночевать въ Винсеннъ, каковою пріятною мечтою меня цѣлыхъ два года нерѣдко стращали. Герцогъ Ровиго всегда отражалъ ударъ, ручаясь за меня, и бытіе подъ надзоромъ, которымъ меня наградилъ Императоръ, по милости Даву, состояло въ томъ, что я долженъ былъ по три

(*) Г. Піерло былъ главноуправляющимъ въ домѣ Императрицы Іозефины, и потерпѣлъ при переломахъ торговли въ 1808 году.

раза въ недѣлю являться къ Савари; такой надзоръ слѣдственно не имѣлъ для меня непріятнаго. На всякой случай, я занялъ у Г. Піерло головной платокъ, и прехрабро отправился въ домъ Министра Полиціи.

«Вотъ я у Савари. Комната, въ которой онъ меня принялъ была очень освѣщена и я, войдя увидѣлъ, что онъ меня ожидалъ. Безпокойство немного уменьшилось дорогою, потому что я привелъ себѣ на мысль дружбу, которую Герцогъ Ровиго мнѣ всегда оказывалъ, взаимное наше довѣріе и пріязнь, съ которою онъ меня всегда принималъ. Я его засталъ во всей формѣ, изъ чего заключилъ, что онъ только что отъ Императора, и не ошибся; я не ошибся также, представивъ себѣ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ мнѣ что нибудь сказать, что онъ имѣетъ ко мнѣ порученіе. Онъ подошелъ ко мнѣ съ довольнымъ видомъ, изъ чего я заключилъ, что худаго нечего было опасаться; наконецъ, вотъ, что мнѣ сказалъ этотъ въ самомъ существѣ добрый человѣкъ, изъ котораго хотѣли сдѣлать почти чудовище.

«Буріеннъ, я теперь только отъ Императора; «онъ меня спрашивалъ: гдѣ Буріеннъ? Государь, «онъ въ Парижѣ; я съ нимъ часто видаюсь.— «Ну, позови его ко мнѣ; я хочу его употребить; «вотъ уже три года, какъ онъ ничего не дѣлаетъ. Я хочу отправить его Посланникомъ въ

«Швейцарію; но надобно, чтобы онъ ѣхалъ «тотчасъ. Онъ отправится къ союзникамъ; онъ «знаетъ хорошо по Нѣмецки. Прусскій Король «изъявилъ ему въ письмѣ свое удовольствіе за «поступки его съ Прусаками, которыхъ война «заставила укрыться въ Гамбургѣ. Онъ другъ «Князя Витгенштейна, друга Короля Прусскаго, «и который можетъ быть теперь въ Лоррахѣ «(*). Онъ увидится тамъ со всѣми храбрыми «Нѣмцами. Я столько на него полагаюсь, что «увѣренъ въ счастливомъ успѣхѣ его поѣздки. «Коленкуръ дастъ ему отъ себя наставленія.»

И такъ головной платокъ, который мнѣ одолженъ Г. Піерло, на этотъ разъ не понадобился; но признаюсь, что я ужаснулся сдѣланнаго мнѣ Савари объявленія. Въ настоящемъ моемъ положеніи, такое предложеніе мнѣ было столь неожиданно, что я нѣсколько минутъ не могъ опомниться. Я жилъ очень покойно въ Парижѣ, и уже три года только и слышалъ, что Императоръ говоритъ про меня съ досадою. Я видѣлся только съ Г. Талейраномъ, который принималъ меня всегда ласково; съ Дюрокомъ до его кончины; съ Іозефиною, когда она не была въ Наваррѣ; съ Герцогомъ Ровиго, и съ нѣсколькими пріятелями. Не смотря на мое изумленіе, я отвѣчалъ не колеблясь, что не могу

(*) Лоррахъ есть деревня въ двухъ миляхъ отъ Базеля; тамъ назначено сборное мѣсто Австрійско-Русской арміи.

принять этого порученія; что мнѣ предложили его слишкомъ поздно. «Ласкаютъ себя надеждою, что Базельскій мостъ будетъ разрушенъ, что Швейцарія будетъ поддерживать свой нейтралитетъ; я этому ни сколько не вѣрю, а что еще больше, такъ на вѣрное знаю, что будетъ противное. Я могу только повторить тебѣ, что слишкомъ поздно.—Твоя рѣшимость меня очень огорчаетъ; но можетъ быть Коленкуръ тебя уговоритъ. Императору угодно, чтобы ты побывалъ у Герцога Винчеескаго завтра въ часъ; онъ тебѣ скажетъ, въ чемъ дѣло и дастъ тебѣ наставленія.—Пускай онъ мнѣ говоритъ что хочетъ, только я не поѣду въ Лоррахъ.—Но ты знаешь Императора, лучше чѣмъ я самъ; онъ на тебя осердится, и никогда не проститъ тебѣ, что ты отказалъ ему; и кто знаетъ, что изъ этого для тебя выйдетъ.—Пускай онъ дѣлаетъ, что хочетъ, а въ Швейцарію я непоѣду.—Ты не правъ; но до завтраго поразмыслишь; утро вечера мудренѣе. По крайнѣй мѣрѣ непремѣнно побывай завтра въ часъ у Коленкура. Онъ тебя ждетъ; приказано тебя тотчасъ принять. Ты съ нимъ будешъ одинъ.—Я знаю Коленкура; имѣлъ счастіе нѣсколько разъ услужить ему и его семейству, по случаю исключенія изъ списка эмигрантовъ. Я знаю, что онъ благородный человѣкъ и увѣренъ, что меня выслушаетъ и согласится со мною. Въ про-

тивномъ случаѣ я все таки не перемѣню моей рѣшимости остаться въ покоѣ, а Императоръ пускай дѣлаетъ, что ему угодно.»

Таковъ былъ разговоръ мой съ Герцогомъ Ровиго. Я уѣхалъ отъ него въ одиннадцать часовъ, и никогда не забуду, что если онъ и старался перемѣнить мои мысли, то это дѣлалъ съ изъявленіемъ участія и дружбы.

На другой день, я прежде всего поѣхалъ къ Г. Талейрану, разсказать ему что со мною случилось и попросить его, по тѣснымъ связямъ его съ Г. Коленкуромъ, поговорить ему, при свиданіи, въ пользу моей рѣшимости. Г. Талейранъ одобрилъ то, что я хотѣлъ отказаться, и ровно въ часъ я пріѣхалъ къ Г. Коленкуру въ Министерство Иностранныхъ дѣлъ, которое тогда еще было на Бакской улицѣ, въ бывшемъ домѣ Галифета. Швейцаръ меня узналъ, и по данному ему приказанію, немедленно обо мнѣ доложилъ. Г. Коленкуръ посадилъ меня у камина, у котораго самъ сидѣлъ; швейцару велѣлъ сказать, чтобы не пускалъ никого совершенно.

Герцогъ Виченскій спокойно мнѣ объяснилъ, что ему поручено было; въ объясненіи своемъ со мною онъ показалъ столько доброты и скромности, что меня совершенно плѣнилъ. Я понялъ изъ его словъ, что онъ хорошо зналъ о жалкомъ положеніи дѣлъ, и самъ считалъ

предлагаемое мнѣ порученіе неслишкомъ пріятнымъ и навѣрное безполезнымъ. Я ему отвѣчалъ также спокойно, что другъ мой Савари, товарищъ его по Министерству, мнѣ уже объявилъ о предметѣ посѣщенія, которое я имѣлъ честь ему сдѣлать и о томъ, что мнѣ онъ говорилъ; я прибавилъ, что онъ навѣрное знаетъ о сдѣланномъ мною вчера ввечеру отказѣ принять дѣлаемое мнѣ Императоромъ порученіе. Тутъ Министръ вошелъ въ большія подробности о причинахъ, которыя долженствовали заставить меня согласиться, и сдѣлалъ это съ знаками расположенія ко мнѣ. Онъ далъ мнѣ замѣтить, что послѣ безпрестанныхъ доносовъ со стороны Даву, Императоръ не очень хорошо былъ ко мнѣ расположенъ, и что я долженъ знать, какъ мало онъ привыкъ къ отказамъ. Онъ не скрылъ отъ меня, что упорствуя въ принятой мною рѣшимости, я подвергался опасности породить въ умѣ Наполеона сомнѣнія на счетъ моихъ мыслей и будущихъ намѣреній. Тогда я ему замѣтилъ, что будучи частнымъ человѣкомъ, удаленнымъ отъ дѣлъ уже три года, я не буду имѣть никакого вліянія въ Главной Квартирѣ Союзниковъ; и что небольшое искуство въ дѣлахъ, которое угодно было во мнѣ предполагать, не могло бы взять верхъ надъ неудобствомъ, происходящимъ отъ моего положенія, послѣ той немилости, кото-

рую я навлекъ на себя. Я прибавилъ, что пріѣду въ Главную Квартиру безъ всякаго ордена, даже безъ ленты Почетнаго Легіона, каковой знакъ отличія Императоръ такъ высоко цѣнитъ. Если только за этимъ дѣло стало, возразилъ Г. Коленкуръ, такъ тутъ хлопотать нечего. Императоръ уполномочилъ меня сказать, что онъ сдѣлаетъ васъ Герцогомъ и дастъ вамъ ленту Почетнаго Легіона.

При этихъ словахъ, я подумалъ, что все вижу во снѣ, и мнѣ почти приходило на умъ, что Г. Коленкуръ, говоря мнѣ такимъ образомъ, меня дурачилъ. Предложеніе было не на шутку, и не запираюсь, что я находилъ его соблазнительнымъ; но не смотря на то, я все таки упорствовалъ въ сдѣланномъ мною положительномъ отказѣ. Наконецъ послѣ нѣсколькихъ разговоровъ, и новыхъ безполезныхъ убѣжденій со стороны Г. Коленкура, онъ всталъ; это значило, что свиданіе наше должно было кончиться; я долженъ признаться, что нѣсколько минутъ совсѣмъ не зналъ, что мнѣ дѣлать: потому что я не далъ никакого рѣшенія, и дѣло оставалось въ прежнемъ положеніи. Опасаясь, что не убѣдилъ его, и будучи движимъ сильною и непоколебимою волею не принимать на себя этого порученія, вотъ на что я рѣшился: Надобно знать, что Г. Коленкуръ шелъ тихими шагами къ своему кабинету: если бы онъ ушелъ,

а я не узналъ его мыслей, то я ничего бы не сдѣлалъ. Назвавъ его по фамилiи, я сказалъ: «Коленкуръ!» Онъ ко мнѣ обернулся. «Вы меня увѣряли каждый разъ, когда мы встрѣчались въ свѣтѣ, что не забудете никогда того, что я сдѣлалъ для васъ и для вашего семейства, въ то время, когда я имѣлъ нѣкоторый кредитъ. Я васъ знаю, и буду говорить съ вами не обинуясь. Я говорю не съ Императорскимъ Министромъ, а съ Коленкуромъ. Вы благородный человѣкъ, и я могу объясняться откровенно. Разсудите о гибельномъ положенiи Францiи, которое вамъ извѣстно лучше, чѣмъ мнѣ, и въ которомъ, навѣрное, я не имѣлъ участiя. Взгляните на все, до сихъ поръ бывшее со мною. Я не требую у васъ вашихъ тайнъ; но я также много знаю. Я вамъ скажу откровенно, что на вѣрное знаю, что непрiятель перейдетъ за Рейнъ черезъ нѣсколько дней (*) Императора обманули; я не успѣю прiѣхать и надо мною будутъ смѣяться. Повѣрьте, что корреспонденты, которыхъ я оставилъ въ Германiи обо всемъ меня извѣстили. . . . . Ну! Коленкуръ, отвѣчайте мнѣ откровенно: Если бы вы были Бурiеннъ, а я Коленкуръ, и я бы вамъ сдѣлалъ такое же предложенiе, то чтобы вы сдѣлали?»

(*) Я говорилъ это Г. Коленкуру въ середу; въ слѣдующую пятницу, то есть два дня спустя, перешли черезъ Рейнъ.

Тутъ я замѣтилъ въ чертахъ Коленкура какое-то судорожное движеніе и очень хорошо увидѣлъ, что этотъ вопросъ его поразилъ. Онъ мнѣ тотчасъ сказалъ, дружески пожавъ руку, съ увѣрительнымъ видомъ: *«Я бы сдѣлалъ также, какъ вы. Дѣло кончено, я это улажу съ Императоромъ. Будьте покойны.»* При такомъ отвѣтѣ, который рѣшилъ все, я не умѣю объяснить, что я чувствовалъ; у меня какъ камень свалился съ души; я ушелъ отъ него, исполненнымъ признательности за его пріемъ и за благородные въ отношеніи ко мнѣ поступки, которые освобождали меня отъ всякаго безпокойства на счетъ того, какъ онъ уладитъ это дѣло съ Императоромъ. Я не обманулся; съ этой минуты, я не слыхалъ о томъ ни слова.

Здѣсь я принужденъ предварить цѣлымъ годомъ въ отношеніи къ событію, которое касается до Герцога Винченскаго, но которое также имѣетъ связь съ описаннымъ мною свиданіемъ. Когда въ Мартѣ 1815 Король назначилъ меня Префектомъ Полиціи, Г. Коленкуръ 15 числа сего мѣсяца прислалъ ко мнѣ довѣреннаго человѣка спросить, можетъ ли онъ оставаться въ Парижѣ, или оттуда выѣхать. Ему сказали, что онъ помѣщенъ былъ въ спискѣ тѣхъ лицъ, кого мнѣ велѣно было арестовать; объ этомъ спискѣ я скажу въ свое время. Обра-

довавшись такому знаку довѣрія, я отвѣчалъ посланному отъ Герцога Виченскаго: «Скажите Г. Коленкуру, что я даже не знаю, гдѣ онъ живетъ. Пускай онъ будетъ покоенъ; я за него ручаюсь.»

32*

‡‡‡

ГЛАВА XXI.

Вѣрныя свѣдѣнія изъ-за границы.—Начало осады Гамбурга — Новая Сарагосса.—Работы, и укрѣпленія. —Мостъ на двѣ мили.—Генералъ Дежанъ и Генералъ Гансо.—Строгія мѣры и конфискаціи.—Безпорядки, расточеніе и скрытность. —Конфискація лошадей. — Выводъ войска изъ Любека и кровопролитное прощанье — Нарушеніе покоя могилъ.— Строгая блокада.—Датскій Король увлекается наслѣднымъ Шведскимъ Принцемъ въ Сѣверный союзъ,—Недостатокъ жизненныхъ припасовъ въ Гамбургѣ.—Жители, изгнанные изъ собственнаго ихъ города.—Жестокія мѣры.—Мужчинъ бьютъ и женщинъ сѣкутъ. — Снисходительность Маршала Даву.—Ночныя похищенія.— Гостепріимство Альтонскихъ жителей.—Прежній Адъютантъ Дюмурьеца, и великодушіе Въ Альтонѣ обнаруживается заразительная болѣзнь.—Причины заразительной болѣзни въ Гамбургѣ. — Жертвы и памятникъ.

Видѣли, какія вѣрныя свѣдѣнія я имѣлъ возможность получать относительно самыхъ важныхъ событій той эпохи, къ которой принадлежитъ свиданіе мое съ Г. Коленкуромъ; не скрою, что изъ обширной моей переписки, та,

которую я продолжалъ съ Гамбургомъ, наиболѣе имѣла для меня занимательности. Я много говорилъ о бѣдствiяхъ этого несчастнаго города; но онѣ были только прiуготовленiя къ тому, что ему еще приходилось вытерпѣть. Во время кампанiи 1813 года, союзники вытѣснивъ Французовъ изъ Саксонiи, и принудивъ ихъ идти къ Рейну, принялись за осаду Гамбурга, гдѣ Даву заперся съ тридцати тысячнымъ гарнизономъ, съ непоколебимою рѣшимостью сдѣлать изъ этого города новую Сарагоссу. Такая рѣшимость была поводомъ къ мѣрамъ строгости, которыя можно было бы почесть необходимыми, когда защищаютъ городъ родной страны, но которыя въ сихъ обстоятельствахъ, совсѣмъ понапрасну угнѣтали неукрѣпленный городъ, коимъ овладѣло корыстолюбiе, съ нарушенiемъ всѣхъ правъ, а защищали его какъ добычу.

Съ Сентября мѣсяца съ каждымъ днемъ увеличивалось число союзныхъ войскъ, которыя дѣлали быстрые успѣхи на лѣвомъ берегу Эльбы. Двадцать восьмаго числа сего мѣсяца, въ два часа утра, Полковникъ Чернышевъ подошелъ къ городу Касселю и овладѣлъ орудiями полигона; эти орудiя онъ употребилъ къ атакованiю города, который въ тотъ же день сдался въ двѣнадцать часовъ, и Козаки его заняли. Между тѣмъ Лемарре держался еще въ Магдебургѣ, котораго крѣпость и положенiе за-

ставляли думать, что Французы могутъ въ немъ продержаться долго. Даву захотѣлъ сдѣлать изъ Гамбурга пунктъ сопротивленія, какимъ былъ Магдебургъ. Онъ пытался укрѣпить его въ такомъ пространствѣ, что по словамъ самыхъ опытнѣйшихъ военныхъ, надобно бы было шестидесяти тысячный гарнизонъ, чтобы оборонять его при правильной и долговременной осадѣ. При самомъ началѣ осады Даву лишился Вандамма, который убитъ командуя при вылазкѣ многочисленнымъ отрядомъ, учинившимся жертвою слѣпой ярости, и который почти весь попалъ въ плѣнъ.

Я долженъ сказать, что Даву въ приложеніи своей ложной и безполезной защитительной системы, явилъ величайшую дѣятельность. Онъ прежде всего сдѣлалъ большіе запасы. Наполеонъ прислалъ къ Маршалу Инженерныхъ Генераловъ Дежана и Гаксо, чтобы сдѣлать планъ укрѣпленіямъ; инженеры Путей Сообщенія Гг. Тарбе и Жосселенъ представили также свои планы, и планъ послѣдняго былъ принятъ. Г-ну Жосселену поручено его выполненіе; по этой причинѣ понадобилось истребить окружавшія городъ прекрасныя мѣста для гуляній: Даву употребилъ около пятнадцати тысячъ человѣкъ на построеніе укрѣпленій. Въ это же время Генералу Бертрану поручено построить мостъ для сообщенія между Гамбургомъ и Га-

арбургомъ, и который долженъ былъ соединять острова Эльбы съ твердою землею, на разстоянiи около двухъ миль. Этотъ мостъ надобно было строить изъ дерева, и Даву захватилъ всѣ лѣсные дворы. Между прочимъ онъ взялъ, безъ дальнихъ чиновъ, огромный магазинъ, принадлежащiй Г. Пьеру Годефроа, который не задолго купилъ его у Французскаго правительства, за милiонъ двѣстишестьдесятъ тысячъ франковъ. Мостъ построенъ въ продолженiи восьмидесяти трехъ дней; онъ былъ великолѣпенъ и имѣлъ въ длину двѣ тысячи пять сотъ двадцать девять саженей, не считая коммуникацiонныхъ линiй; устроенныхъ на двухъ островахъ (*).

Оцѣнили въ нѣсколько милiоновъ домы, ко-

(*) По заключенiи всеобщаго мира и окончательнаго возвращенiя Бурбоновъ во Францiю, Гамбургскiй Сенатъ велѣлъ разломать этотъ мостъ, который считали опаснымъ для города средствомъ сообщенiя. Не одна эта причина къ тому побудила; огромныя издержки на содержанiе входили тутъ не мало въ расчетъ. Каковы бы ни были причины Сената, но онъ поступилъ благоразумно; также умно сдѣлалъ велѣвъ разрушить древнiя и новыя Гамбургскiя укрѣпленiя, уровнять землю и завалить глубокiе рвы, окружавшiе городъ. Ему нужно было предупредить на будущее время намѣренiя какого нибудь новаго честолюбца, который бы захотѣлъ сдѣлать изъ города военную крѣпость. На выровненной землѣ построили прекрасные домики, устроили мѣста для гулянья, которыя были гораздо лучше для жителей Гамбурга, чѣмъ эти Ганзеатическiя развалины, которыя никогда не ограждали городъ ихъ отъ занятiя со стороны всякаго, кто бы захотѣлъ завладѣть имъ.

торые были раззорены и выжены для выполненія плана укрѣпленія и охраненія города отъ непріятельскихъ апрошей. Такое раззореніе распространилось далеко, и трудно себѣ представить, какъ въ то же время Даву могъ сдѣлать огромные запасы въ томъ городѣ, который онъ защищать былъ намѣренъ. Онъ принуждалъ подвозить ихъ изо всѣхъ мѣстъ, оставшихся еще подъ игомъ Французской власти. Отъ этого гарнизонъ былъ снабженъ хорошо; но бѣдные жители могли доставать себѣ жизненные припасы не иначе, какъ за дорогую цѣну, съ большими затрудненіями и въ очень маломъ количествѣ. Въ этомъ барышничествѣ сверхъ того былъ безпорядокъ и грабительство, которымъ могли пользоваться одни провіантскіе Коммисары, чего они себѣ въ порокъ не ставили; если не было ошибки въ доставленномъ мнѣ свѣдѣніи, то всѣхъ болѣе отличился одинъ Оксерскій уроженецъ, котораго по имени я назвать не хочу, потому что его фамилія пользуется справедливымъ уваженіемъ на его родинѣ. Много также терпѣли отъ жестокости, жадности и варварства одного изъ любимыхъ подчиненныхъ Маршала. Тотъ, о комъ я говорю имѣлъ у себя камердинера, которому поручено было ежедневно приводить къ нему порядочныхъ дѣвушекъ; онъ завлекалъ ихъ или обманамъ, или насильно. Это такъ извѣстно въ Гам-

бургѣ, что если бы кому вздумалось тамъ спросить, о комъ я говорю здѣсь, то всякой бы назвалъ его по имени.

Всѣ лошади, безъ изключенія, были забраны подъ артиллерію. Лучшихъ выбрали подъ орудія, а прочихъ убивали на улицахъ и раздавали ихъ мясо солдатамъ. Жители, мучимые голодомъ, покупали объѣдки, за которые ихъ заставляли платить очень дорого. Столько предосторожностей однако долженствовали быть напрасны; союзники подступали съ значительными силами и занимали уже Вестфалію, что заставило Губернатора призвать въ городъ отряды, которые были разсѣяны по близъ лежащимъ отъ Гамбурга мѣстамъ. Въ Любскѣ было кровопролитное прощанье: прежде чѣмъ выступили изъ города, должно было оплакать участь двухъ жертвъ: въ примѣръ другимъ, одинъ старикъ и мясникъ, по имени Праль, были приговорены къ разстрѣлянію. Преступленіе послѣдняго состояло въ томъ, что онъ говоря о Французахъ, сказалъ: Der Teufel hohle sie (*). Удалось избавить старика отъ угрожавшей ему участи, доставивъ ему средство къ побѣгу; но несчастный Праль подвергся казни, не смотря на просьбы и слезы жителей.

Гамбургскій гарнизонъ состоялъ изъ Французовъ, Италіянцевъ и Голландцевъ. Сначала

(*) Чертъ ихъ побери.

число его простиралось до тридцати тысячъ: но много погибло отъ болѣзней. Въ гошпиталяхъ умирало отъ шестидесяти до восьмидесяти человѣкъ на день. При выступленіи гарнизона изъ Гамбурга въ Маіѣ 1814, число его уменьшилось до пятнадцати тысячъ человѣкъ.

Всѣ разрушенія и пожары, которые произвести велѣно было, чтобы очистить окрѣстности крѣпости, сдѣлали изъ Гамбурга пустыню. Даже видѣли, что солдаты разрушали всѣ гробницы и погреба, воздвигнутые за нѣсколько лѣтъ на кладбищахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ города, чтобы насытить свою жадность, отдирая отъ гробовъ украшавшія ихъ по тамошнему обычаю серебрянныя бляхи, и стаскивали съ тѣлъ мертвыхъ богатыя ткани, которыми здѣсь обыкновенно укутываютъ. Такое нарушеніе святыни гробовъ терпѣли, не смотря на гніючія испаренія, которыя не могли не усилить заразу, и вѣроятно ей способствовали. Такимъ-то образомъ мертвыхъ нещадили болѣе, чѣмъ живыхъ. За этими варварскими дѣлами, вскорѣ послѣдовала самая строгая блокада; она производилась Шведскими и Русскими войсками; всякое сообщеніе города съ окрѣстностями было прекращено. Датскій Король, котораго видѣли всегда постоянно вѣрнымъ фортунѣ Наполеона, также былъ принужденъ его покинуть; онъ

былъ увлеченъ къ этой рѣшимости, единственной, какую онъ тогда съ благоразуміемъ предпринять могъ, Наслѣднымъ Шведскимъ Принцемъ, который, какъ уже видѣли, давно присоединился къ Сѣверному союзу. Съ этой минуты Гамбургу не чего было ожидать извнѣ, и тогда-то услышали угрозу: «Осада Гамбурга будетъ столько же памятна, какъ Сарагосская; «городъ будетъ сданъ не иначе, какъ превращенный въ пепелъ.» Какая будущность для жителей! По счастію провидѣніе опредѣлило иначе.

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ жизненные припасы начали уменьшаться, и не было никакой возможности возобновить запасы. Сначала выгнали изъ города всѣхъ бѣдныхъ, а потомъ всѣхъ безполезныхъ ѣдоковъ. Безъ преувеличенія можно сказать число жертвъ этихъ изгнаній простиралось до пятидесяти тысячъ. Если допустить, что подобныя распоряженія оправдывались жестокою необходимостью войны, то что оправдаетъ утонченную жестокость, съ какою онѣ приводимы были въ исполненіе? Девятнадцатаго Декабря обнародовали одинъ изъ такихъ приказовъ объ изгнаніи; срокъ для выхода изъ Гамбурга былъ назначенъ черезъ сорокъ восемь часовъ, и за малѣйшее промѣдленіе подвергались конфискаціи всего движимаго имущества виновныхъ; исключались только тѣ,

кто могъ носить оружіе. Этого было недовольно—Префектъ и Мэръ Гамбургскіе присовокупили къ этимъ суровостямъ черезъ два дни, *раззореніе домовъ*, а Полковникъ, начальствующій жандармами въ Гамбургѣ, объявилъ изгоняемымъ жителямъ, что тѣ, кто не выдетъ изъ города въ предписанный Маршаломъ срокъ, будутъ выгнаны, а прежде того получатъ пятдесятъ палочныхъ ударовъ. Однако же, если есть примиреніе съ небомъ, такъ есть оно и съ людьми; преступники откупались отъ палочныхъ ударовъ деньгами, и Французская вѣжливость оказалась при этомъ случаѣ—женщинъ палками не били, а сѣкли розгами. Это было дѣло Префекта. Я видѣлъ (а не выдумываю этого) данное отъ него предписаніе дѣлать осмотръ всѣмъ находящимся въ услуженіи женщинамъ, чтобы удостовѣриться, здоровы ли онѣ; развѣ только онѣ представятъ свидѣтельство отъ своихъ господъ.

Такова прелесть мѣста нашего рожденія, такова власть домашняго пепелища, что не смотря на ужасную строгость, съ какою выполнялся приказъ объ изгнаніи, несчастные жители старались всячески укрыться. Двадцать пятаго Декабря, Губернаторъ, *желая дать доказательство своей снисходительности къ жителямъ*, далъ отсрочку на двадцать четыре часа для выхода изъ города, послѣ чего виновные бу-

дутъ арестованы, *какъ послушники прокламацiй, обнародованныхъ въ Любекѣ непрiятелемъ,* прокламацiй, о которыхъ имъ знать было невозможно, потому что всякое сообщенiе было воспрещено. Наконецъ два дни спустя послѣ этого снисходительнаго поступка, выданъ еще приказъ, которымъ объявлено, что тѣ, кто возвратится по выходѣ, будутъ сочтены бунтовщиками, сообщниками непрiятеля, будутъ осуждены на смерть Превотальнымъ судомъ и разстрѣляны. Такихъ предувѣдомленiй было недостаточно: въ послѣднихъ числахъ Декабря, ночью, когда морозъ былъ отъ шестнадцати до восьмнадцати градусовъ, больные и здоровые, безъ различiя пола и возраста были стащены съ постелей и выведены за городъ; по утонченности жестокости принудили ихъ соотечественниковъ служить имъ конвоемъ; утверждали, что многiе старые люди погибли въ городѣ и на пути. Тѣхъ несчастныхъ которые переживали, покидали за Альтонскою заставою.

Какихъ размышленiй не должны дѣлать этѣ несчастныя жертвы Французскаго Правительства, когда ихъ исторгали изъ домовъ ихъ! Имъ такъ легко было сдѣлать сравненiе на разстоянiи, столь близкомъ отъ ихъ родимаго города. Въ Альтонѣ всѣ нашли убѣжище и самое великодушное пособiе. Въ день Рождества Христова семь тысячъ самыхъ несчастныхъ собраны

были въ домѣ Г. Ренвеля, бывшаго Адъютанта Дюмуреца, и который выѣхалъ изъ Франціи въ тоже время, какъ и его Генералъ. Этотъ домъ, находящійся въ Голштиніи, въ пятидесяти шагахъ отъ Альтоны, былъ обыкновенно мѣстомъ праздниковъ и блестящихъ собраній; онъ вдругъ сдѣлался убѣжищемъ нищеты, печали и смерти. Всѣ возможныя попеченія были оказываемы этимъ несчастнымъ изгнанникамъ; но немногіе тѣмъ воспользовались: сверхъ того, городъ Альтона худо былъ вознагражденъ за свое великодушіе. Опасеніе заразы, бывшей въ Гамбургѣ, не препятствовало гостепріимной встрѣчѣ этихъ ссылочныхъ; но многіе изъ нихъ имѣли сѣмена болѣзни, и зараза обнаружилась въ Альтонѣ.

Эта жестокая зараза началась въ Гамбургѣ, гдѣ произошла отъ тѣсноты гошпиталей, о которыхъ ни сколько не имѣли попеченія; отъ насильственнаго и слишкомъ скораго перевода выздоравливающихъ въ частные домы; отъ заразительнаго воздуха отъ убитыхъ лошадей, покинутыхъ на улицахъ и доставшихся на добычу солдатамъ; отъ всякой падальщины и нечистоты, накопившихся на улицахъ отъ того, что не было средства ихъ вывозить; наконецъ отъ удушливыхъ испареній изъ водъ Алстера (*),

(*) Алстеръ есть небольшой ручей, образующій посреди Гамбурга большое озеро.

отравляемыхъ всѣмъ, что туда ежедневно выкидывали.

Большая часть несчастныхъ, выгнанныхъ, которые достигли Альтоны въ числѣ тысячи ста тридцати пяти, были похоронены попеченiемъ Датскаго начальства, въ полѣ къ Сѣверу Оттензена, въ четверти мили отъ этой деревни. Набожные Гамбургцы воздвигли памятникъ, на которомъ высѣчены имена жертвъ столькихъ жестокостей, о которыхъ воспоминанiе они передаютъ потомству. Множество мертвыхъ тѣлъ валялось на бастiонахъ, валахъ и гульбищахъ. Живые не могли сдѣлать и шага, не попирая праха своихъ родныхъ и друзей.

Когда всѣ средства къ извлеченiю денегъ въ Гамбургѣ истощились, то захватили капиталы городскаго Банка, въ которомъ было еще отъ семи до осьми милiоновъ Банковыхъ марокъ, то есть почти пятнадцать милiоновъ франковъ. Развѣ не знали, что захватывая капиталы нѣсколькихъ Гамбургцевъ, вредили всѣмъ иностранцамъ, которые имѣли капиталы въ этомъ Банкѣ. Все взято ревизоромъ, который ознаменовалъ свое пребыванiе въ Любекѣ такими же поносными дѣлами.

Таково краткое изображенiе обидъ, кровавыхъ дѣянiй, которыя долго тяготѣли надъ гостепрiемнымъ городомъ. Потомство съ трудомъ этому повѣритъ. Наполеонъ всегда обвинялъ

этотъ городъ въ Англоманіи; раззоряя его, онъ думалъ, что раззоряетъ Англію; и бѣдный и безпомощный Гамбургъ, могъ только стенать, какъ Іерусалимъ, во время осажденія его Титомъ: *Plorans, ploravit in nocte.*

Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что упреки, которые я счелъ за долгъ сдѣлать нѣкоторымъ начальникамъ Гамбургскаго гарнизона, не можно приписать храброй арміи, которая тамъ переносила съ терпѣніемъ и мужествомъ, самыя величайшія опасности и самыя невѣроятныя лишенія.

++

ГЛАВА XXII.

Италіянскія дѣла иПринцъ Евгеній.—Особая статья.—Поставляемая Наполеономъ важность въ сохраненіи Италіи.—Искуственныя табели и настоящая сила.—Люди на бумагѣ, и карта Тироля.—Движеніе Италіянской арміи къ Австрійскимъ границамъ.—Вниманіе, обращенное на Германію.—Огорченіе Евгенія отъ отложенія Баварцевъ.—Обратное движеніе.—Мюратъ, притворство и вѣроломство.—Старая политика Италіи.—Трактатъ между Мюратомъ и Австріею.—Военныя дѣйствія, за которыми слѣдуетъ объявленіе войны.—Мюрата покидаютъ Французскіе Генералы.—Предписанія изъ Парижа и безполезная прокламація.—Взятіе Ливорны и Анконы Неаполитанцами.—Выступленіе изъ Тосканы.

Я сказалъ, что посвящу особую главу Италіянскимъ дѣламъ и главнымъ происшествіямъ Вице-Королевства Евгенія: Это я попробую сдѣлать теперь, не потому чтобы я имѣлъ объ этой странѣ такія подробныя свѣдѣнія, какія мнѣ доставляли изъ Гамбурга, какъ то можно было

когда она сниметъ таинственность, которою была прикрыта еще ея политика. Евгенiй сдѣлалъ все, что отъ него могло зависѣть, для того чтобы выполнить намѣренiя Императора; но не смотря на всѣ его усилiя, Италiянская армiя, была въ самомъ дѣлѣ мечтательною армiею для тѣхъ, кто могъ сравнить число людей на лицо подъ знаменами, съ тѣмъ, которое считалось по табелямъ. Въ этихъ искуственныхъ табеляхъ значились нумера тѣхъ полковъ, которые отправились сражаться въ Россiю, и которые были истреблены на поляхъ Польши. Было время, что Главнокомандующiй Италiянскою армiею жаловался, какъ то видѣли, на клубистовъ, болтуновъ, адвокатовъ, которые судили Тирольскiя извилины на картѣ въ нѣсколько квадратныхъ дюймовъ, и Наполеонъ самъ въ свою очередь видѣлъ людей на бумагѣ.

Когда въ Iюлѣ мѣсяцѣ 1813 года Вице-Король узналъ о томъ оборотѣ, какой приняли переговоры въ Прагѣ, то ни мало не усумнился въ близскомъ возобновленiи военныхъ дѣйствiй; и предвидя нападенiе на Италiю, онъ рѣшился подвинуться какъ можно ближе къ Австрiйскимъ границамъ: при всѣхъ усилiяхъ ему удалось собрать армiю въ сорокъ пять тысячъ человѣкъ пѣхоты и пять тысячъ конницы, въ которыхъ были какъ Французы, такъ и Ита-

ліянцы. При возобновленіи военныхъ дѣйствій Вице-Король имѣлъ главную квартиру въ Удинѣ, и до Апрѣля 1814 благоразумными движеніями и сберегая людей, онъ успѣлъ сохранить внушающій уваженіе видъ и охранить входъ въ свое Королевство тѣми военными дарованіями, которыхъ ожидать должно отъ человѣка, образованнаго въ великой школѣ Наполеона, и почитаемаго со стороны арміи однимъ изъ самыхъ искусныхъ Генераловъ. Въ этой оборонительной кампаніи, Евгенію совершенно содѣйствовали войска и Генералы, бывшіе у него въ командѣ. Евгеній имѣлъ главное начальство; начальникомъ его Штаба былъ Генералъ Виньоль, а помощникомъ его Моризо де Марси.

Великія и несчастныя событія 1813 года, въ такой степени обратили вниманіе на Германію и на Рейнскую линію, что сдѣлалось невозможно заниматься съ равнымъ любопытствомъ дѣлами, когда отложеніе Мюрата заставило обратить глаза въ эту сторону: Я менѣе всякаго другаго былъ удивленъ этимъ, потому что не забылъ разговора моего въ Елисейскихъ поляхъ съ Неаполитанскимъ Королемъ, о которомъ я упомянулъ въ своемъ мѣстѣ; но въ первую минуту отложеніе Мюрата показалось всѣмъ невѣроятнымъ, и прогнѣвило Наполеона. За чѣмъ было ставить народы, порученные управленію Государей изъ его семейства, въ необходимость

не навидѣть свое Правительство! Въ эту эпоху новое отложенie причинило сильное огорченie сердцу Евгенiя; потому, что сдѣлавшись Принцемъ и почти Самодержавнымъ, онъ не переставалъ быть человѣкомъ, и человѣкомъ прекраснымъ. Будучи женатъ на Принцессѣ Баварской Амалiи, столько же доброй, столько же любимой, какъ онъ былъ самъ, онъ съ живѣйшимъ огорченiемъ видѣлъ необходимость считать подданныхъ своего тестя въ числѣ непрiятелей, съ которыми ему вѣроятно придется сражаться; но если онъ внутренно скорбѣлъ о такомъ обстоятельствѣ, какъ Iозефина меня нѣсколько разъ въ томъ увѣряла, то долгъ былъ для него закономъ, которому онъ всегда готовъ былъ принести въ жертву всякое другое уваженie, и конечно дѣлалъ довольно большое въ томъ доказательство при разводѣ Наполеона. Опасаясь, что Баварцы обезпокоятъ его со стороны Тироля, Евгенiй осенью 1813 началъ свое отступательное движенie. Сначала онъ примкнулся къ Тагліаменто, а потомъ къ Адижо (*). Италiянская армiя, по прибытiи къ этой рѣкѣ, значительно уменьшилась, не смотря на всѣ по-

(*) Въ эту эпоху существовалъ еще на Тагліаментѣ состроенный на скорую руку деревянный мостъ для перехода Французской армiи, во время первыхъ Италiянскихъ походовъ. Я припоминаю это обстоятельство потому, что оно доказываетъ прочность построенiй нашихъ военныхъ инженеровъ.

печенія Евгенія о своихъ войскахъ. Уменьшеніе это произошло отъ многихъ причинъ: прежде всего необходимость сформировать гарнизоны въ городахъ остающихся безъ прикрытія; потомъ разныя болѣзни, и то, что въ сраженіяхъ, которыя надобно было дать, убито нѣсколько человѣкъ. Все это значительно ослабило возвратившіеся въ Италію баталіоны.

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ Евгеній узналъ, что корпусъ Неаполитанскихъ войскъ идетъ къ верхней Италіи, часть къ Риму, а другая къ Анконѣ. Неаполитанскій Король хотѣлъ употребить въ пользу положеніе Европы, и обманулся на счетъ обѣщаній въ награду за его измѣну. Мюратъ, не только рѣшился вступить въ союзъ, но уже имѣлъ сношенія съ Англіею и Австріею, не перестававшею увѣрять въ своей вѣрности въ выполненіи обязанностей своихъ къ Наполеону. Онъ простеръ притворство до того, что испросилъ у Вице-Короля дозволеніе расположить магазины съ провіантомъ и припасами въ крѣпостяхъ, зависящихъ отъ Италіянскаго Королевства. Еще ничего не знали положительнаго объ отложеніи Мюрата, и предшествовавшіе слухи, которые распространить о томъ успѣли, казались столь мало вѣроятными, что не было причины отказать въ его просьбѣ. Однакоже онъ былъ уже въ тайнѣ союзникомъ непріятелей Франціи, и здѣсь, по моему мнѣ-

нію, Мюратъ дѣлается неизвинительнымъ: движимый нуждами народа, ввѣреннаго его правленію, даже честолюбивымъ желаніямъ остаться Неаполитанскимъ Королемъ, онъ не признавалъ прежняго своего отечества и принесъ его на жертву новому своему отечеству, о каковомъ политическомъ дѣйствіи можно судить различно; я даже скажу, что лично одобряю когда Король, прежде всего Король своего народа; но присоединять вѣроломство къ отступленію, говорить о союзѣ, о вѣрности и измѣнять, вотъ что, по моему, ничто извинить не можетъ.

Получивъ отъ Вице-Короля увѣдомленіе объ измѣнѣ Мюрата, Императоръ сначала не хотѣлъ тому вѣрить. «Нѣтъ, говорилъ онъ своимъ приближеннымъ, нѣтъ! это невозможно! Мюратъ, и за котораго я выдалъ мою сестру! Вѣрно Евгеній дурно увѣдомленъ. Невозможно, чтобы Мюратъ объявилъ себя противъ меня!» Не только это было возможно, но и справедливо; и прикрывался все болѣе, и болѣе притворствомъ, подъ которымъ скрывалъ свои намѣренія, Мюратъ, казалось хотѣлъ возобновить эту старинную политику Италіи XV и XVI вѣковъ, когда искуство обманывать, казалось самымъ высокимъ усиліемъ генія Италіянскихъ Правительствъ. Безъ всякаго объявленія войны онъ приказалъ своему Генералу, занимавшему Римъ

съ пятью тысячами человѣкъ захватить верховную власть въ Римскихъ владѣніяхъ и его именемъ принять правленіе. Генералъ Міоллисъ, командовавшій Французскими войсками въ Римѣ, могъ только броситься съ этою горстью солдатъ въ замокъ Сентъ-Анжъ, эту знаменитую Андріанову молу, за которою долго хранились сокровища Сикста пятаго; и вскорѣ Французскій Генералъ увидѣлъ себя въ блокадѣ отъ Неаполитанскихъ войскъ, которыя также блокировали Цивиту-Векчію и Анкону.

Теперь, какъ я уже сказалъ, я вижу себя въ необходимости обратиться предварительно къ тому времени, которое послѣдовало за описанными мною въ предъидущихъ главахъ, на тотъ конецъ чтобы не разрушить связь событій, имѣющихъ необходимое соотношеніе.

Трактатъ, заключенный между Мюратомъ и Австріею былъ дѣйствительно подписанъ одиннадцатаго Генваря 1814, и я обращусь послѣ къ другимъ событіямъ этой эпохи, ограничась теперь только тѣмъ, что касается собственно Италіи. Какъ скоро Вице-Король узналъ обо всемъ, то будучи увѣренъ, что ему скоро придется сражаться съ Неаполитанцами, онъ долженъ былъ отказаться отъ сохраненія Адижской линіи, имѣя Неаполитанскую армію позади своего праваго крыла. По этому онъ велѣлъ

отступить на другую сторону Мигліо, гдѣ расположилъ свою армію. Въ этомъ положеніи Принцу Евгенію надобно было сражаться съ Австрійскою арміею, и успѣхъ сраженія при Минчіо остановилъ на нѣсколько времени вторженіе Австрійцевъ и присоединеніе ихъ къ Неаполитанскимъ войскамъ. Черезъ недѣлю спустя, только, Мюратъ офиціально объявилъ войну Императору; его Начальникъ Штаба вручилъ декларацію Генералу Виньолу, Начальнику Евгеніева Штаба. Такимъ образомъ мы надѣлали Королей на счетъ нашей крови и казны, а въ минуту неудачь Франціи не умолимая судьба понуждала ихъ обратить свое оружіе противъ насъ. Безпрестанно вѣрный своей вѣроломной системѣ, Мюратъ продолжалъ обманывать прямодушіе Евгенія, получивъ отъ него провіантъ и военные припасы для своей арміи, и таково было царствовавшее въ Парижѣ ослѣпленіе, что Военный Министръ безпрестанно поддерживалъ требованія Короля Неаполитанскаго; и въ это-то самое время Мюратъ обязывался соединить свои войска съ Австрійскими, и дѣйствовать за одно съ нею противъ Французской арміи въ Италіи.

Какъ скоро Неаполитанскій король объявилъ войну Франціи, тотчасъ многіе Генералы и Штабъ-Офицеры, также много бывшихъ у него въ службѣ Французовъ, покинули его и яви-

лись въ главную квартиру Вице-Короля. Мюратъ очень усиливался удержать ихъ. Они дали ему замѣтить, что когда онъ объявилъ войну Франціи, то ни одинъ Французъ, другъ своего отечества, не могъ болѣе съ нимъ оставаться. Онъ вспыхнулъ и сказалъ имъ: «Развѣ «вы думаете, что у меня менѣе вашего Фран«цузское сердце? Вѣрьте, напротивъ, что я очень «заслуживаю жалость. Я не знаю, что происхо«дитъ въ большой арміи, какія бѣдствія. Я «былъ принужденъ заключить договоръ съ Ав«стріею и условиться съ Англичанами, состоя«щими подъ командою Лорда Бентинка, чтобы «спасти мое Королевство, угрожаемое высадкою «отъ Англичанъ и Сициліанцевъ. Это неминуе«мо возбудило бы внутреннее возстаніе: останьтесь-ко со мною.»

Нельзя было откровеннѣе признаться въ антипатіи, какую предполагалъ Іоахимъ въ Неаполитанцахъ къ своей особѣ и своему правленію. Привѣтствіе его никого неувлекло; и легко было предвидѣть, что долженствовало случиться. Вице-Король скоро получилъ офиціальное отношеніе отъ Военнаго Министра Наполеонова, при которомъ онъ препроводилъ къ нему Императорскій указъ, отзывающій всѣхъ Французовъ, находящихся въ службѣ у Іоахима, подъ опасеніемъ преданія подъ военный судъ, и поступленія какъ съ измѣнниками отечеству, тѣхъ,

кто будетъ взятъ съ оружiемъ въ рукахъ.

Немедленно по полученiи этого повелѣнiя, Евгенiй объявилъ перваго Февраля, прокламацiю, въ которой замѣчательны были слѣдующiя слова:

«Солдаты,

«Надежды на прочный и близкiй миръ воз«никаютъ отъ всюду. Я считаю ихъ основатель«ными, однакоже день успокоенiя еще для васъ «не наступилъ. Новый непрiятель представился.

«Кто этотъ непрiятель? Когда я вамъ объяв«лю объ немъ, то вы не захотите вѣрить сло«вамъ моимъ, и ваша недовѣрчивость, которую «долго раздѣлялъ я, будетъ для васъ новое пра«во на славу.

«Неаполитанцы торжественно обѣщали намъ «свой союзъ. Положась на ихъ обѣщанiя, они «были приняты, какъ братья въ нашемъ Коро«левствѣ; мы съ ними раздѣлили наши и посо«бiя.

«Они вошли братьями, а были нашими не«прiятелями; они вошли братьями, однакоже «противъ насъ готовили свое оружiе.

«Въ Неаполитанскихъ войскахъ много Фран«цузовъ. Они скоро покинутъ знамена, которыя «считали вѣрными ихъ Государю и отечеству.

«Солдаты! вотъ мой девизъ, честь и вѣрность; «пускай этотъ девизъ будетъ и вашимъ: съ нимъ «и съ помощiю Божiею, мы восторжествуемъ «еще надъ всѣми нашими непрiятелями . . .

Надежды Евгенія въ отношеніи къ миру не должны были исполниться; къ тому же прокломація его сдѣлалась не нужною во второмъ отношеніи, потому что Французы, находившіеся въ службѣ у Мюрата, не ожидали ея чтобы покинуть этого Государя, который началъ пріобрѣтеніемъ выгодъ, которыхъ у него оспорить нельзя было. Войска его почти немедленно завладѣли Ливорною и Анконскою крѣпостью, и Французы были принуждены очистить Тоскану.

++

ГЛАВА XXIII.

Императорская корона и желѣзный вѣнецъ.—Гигантскіе планы Наполеона къ оборонѣ.—Пагубное вліяніе измѣны Мюрата.—Воспоминаніе о Сенъ-Жакъ-д'Акрѣ и сравненіе.— Г. Коленкура задерживаютъ на аванпостахъ. — Ироническія уступки.—Предположенный конгресъ. — Худое положеніе дѣлъ.—Совѣты, данные Бонапарте сблизиться съ Якобинцами.—Дворянство и чернь —Прогулки верькомъ въ предмѣстіяхъ.—Мое невольное присутствіе на двухъ совѣщаніяхъ.—Забавныя требованія Якобинцевъ. — Выкапываютъ революціонныя мерзости.— Отвращеніе, внушенное Наполеону.—Принятіе народнаго средства.—Вооруженіе Парижской національной гвардіи.—Производство меня въ Капитаны.—Прощанье Императора съ національною гвардіею.—Рѣчь и глубокое душевное движеніе.—Я въ первый разъ вижу сына Бонапарте.—Дѣйствіе на меня этого свиданія. — Прощанье, и воспоминаніе о вступленіи во владѣніе Тюльери.

Потолковавъ о произходившемъ въ Италіи, я обращаюсь къ дѣламъ Франціи, въ концѣ 1813 года, и не для того, чтобы видѣть въ нихъ менѣе печальное для фортуны Наполеона зрѣ-

лище, чѣмъ то, которое было за Альпами; потому что Императорская корона скоро у него вырвется, почти въ одно время съ желѣзнымъ вѣнцомъ; и сколько скорбей будутъ волновать его геній, сколько горестей будутъ раздирать великую душу этой новой жертвы честолюбія! Мюратъ ему измѣнилъ! . . . Для Наполеона это было такое дѣло, котораго онъ не могъ постигнуть, и которое разстроивало мечтательность одного изъ гигантскихъ плановъ, которые представлялись ему какъ призракъ покровитель. Мюратъ и Евгеній, по его мыслямъ, съ ихъ союзными арміями, зашли бы въ тылъ союзныхъ армій, а между тѣмъ онъ самъ, сдѣлавшись по прежнему Бонапарте, какъ въ Италіянскихъ походахъ, оспоривалъ бы Французскую землю у чужеземныхъ солдатъ, и умножалъ препятствія на пути ихъ; Неаполитанскій Король и Италіянскій Вице-Король двинулись бы къ Вѣнѣ и заставили бы трепетать Австрію въ нѣдрахъ ея столицы, прежде чѣмъ миліонъ союзниковъ, подвигавшійся мѣрными шагами къ Парижу, унизилъ бы своимъ присутствіемъ столицу Франціи. Когда я узналъ объ этомъ обширномъ замыслѣ Императора, объ этой мысли, которая была только минутною мечтою, то замѣтилъ этотъ орлиный взглядъ, эту необходимость въ великихъ средствахъ при великихъ бѣдствіяхъ, точно такъ какъ видѣлъ Бо-

напарте подъ стѣнами Сенъ-Жанъ-д'Акра, какъ онъ утѣшался въ побѣдоносномъ сопротивленіи жестокаго Джеззара, а тутъ готовился раздавить Австрію въ замыслѣ Европейской стратегіи. Ни тотъ ни другой изъ этихъ замысловъ, не должны были исполниться; но въ обоихъ видѣнъ отпечатокъ высшаго генія, который изнемогаетъ только отъ безсилія средствъ къ выполненію. Наполеонъ сохранилъ въ Парижскомъ походѣ, или лучше сказать, возвратилъ всю дѣятельность этого нетерпѣливаго ума, который поглащалъ время и былъ повсюду во время его побѣдъ въ Италіи; но надежды на успѣхъ были неодинаковы, средства истощились; самая побѣда, будучи дорого пріобрѣтена, дѣлалась для него пагубною, и во Франціи новыя надежды заступали мѣсто надеждъ обманутыхъ, которыя сопровождали его достиженіе Консульской власти. Тутъ онъ долженъ былъ постигнуть все, что было добраго въ совѣтѣ Іозефины: «Бонапарте, прошу тебя, не дѣлайся Королемъ.»

Наполеонъ былъ еще Императоромъ; но онъ, который предписывалъ всей Европѣ мирные договоры столь же бѣдственные, какъ и предшествовавшіе имъ войны, не могъ получить перемирія, и Коленкуръ, ѣздившій для переговоровъ, не имѣя возможности быть принятымъ въ лагерь союзниковъ, провелъ безъ пользы

двадцать дней въ Люнневилѣ, не получивъ дозволенія проѣхать чрезъ аванпосты непріятельской арміи. Какимъ свѣтомъ долженствовалъ озарить этотъ отказъ умъ Наполеона. Какъ тогда не видѣть ясно чувствованій союзниковъ! Напрасно Коленкуръ упрашиваетъ, умоляетъ Наполеона пожертвовать частію этой славы' пріобрѣтенной въ столькихъ сраженіяхъ и которой ничто изгладить не можетъ въ исторіи, или хотя совлечь ее съ себя на время; напрасно этотъ Министръ проситъ у него, какъ бы въ займы, частицу сей славы, чтобы имѣть возможность наполнить ею пропасть открытую предъ судьбою Франціи. Нѣтъ, доведенный до крайности, мучимый, Наполеонъ сказалъ своему Министру съ этимъ высокимъ презрѣніемъ, этою свирѣпою ироніею, которую часто принимали за выраженіе истины: «Я подпишу все, «что вы хотите. Чтобы получить миръ, я не «потребую никакихъ условій. Я не предпишу «собственнаго моего уничиженія» Такая фигура уступленія была положительнымъ запрещеніемъ что нибудь подписывать, что нибудь уступать.

Въ первые пятнадцать дней Генваря 1814, треть Франціи была уже занята непріятельскими войсками, и начали помышлять о составленіи новаго конгреса, собраніе котораго назначалось въ Шатильонѣ на Сенѣ. Я буду говорить объ этомъ конгресѣ въ послѣдствіи, а те-

перь займусь последними минутами Наполеонова пребыванія въ Парижѣ, предъ отправленіемъ его въ этотъ отважный Французскій походъ, въ продолженіи котораго онъ явилъ еще болѣе военныхъ дарованій, чѣмъ испыталъ уроновъ, которые часто вознаграждалъ удачною смѣлостью своихъ обширныхъ соображеній.

Въ началѣ 1814 года Наполеоновы дѣла съ каждымъ днемъ становились все хуже и хуже. Стѣсненному союзниками, ему предложили поискать внутри Имперіи чрезвычайныхъ средствъ; напомнили ему тѣ четырнадцать армій, которыя точно какъ волшебствомъ появились изъ земли Французской, на его защиту въ началѣ революціи, наконецъ совѣтовали ему броситься въ объятія партіи, способной возмущать толпы, сблизиться съ Якобинцами. Какое испытаніе для него, когда онъ столь часто изъявлялъ справедливое къ нимъ отвращеніе! Однакожъ онъ на минуту было имѣлъ въ мысли послѣдовать этому совѣту: онъ прогуливался верьхомъ въ предмѣстіяхъ Св. Антонія и Сенъ-Марсельскомъ; ласкалъ чернь; отвѣчалъ благосклонно на ея восклицанія, и думалъ, что видитъ въ изъявляемомъ ему расположеніи возможность извлечь изъ него пользу. Когда онъ возвратился во дворецъ, то нѣсколько благоразумныхъ особъ рѣшились дѣлать ему представленія и совѣтовать прибѣгнуть лучше къ выс-

шему сословію, къ дворянству и къ избранному обществу. Замѣтивъ, что многіе осуждали такую забавную любовь къ народу, онъ сказалъ: *Господа, говорите что хотите, но въ теперешнемъ моемъ положеніи, дворянство для меня въ черни предмѣстій, а чернь въ дворянствѣ, которое я создалъ.* Безъ сомнѣнія, это было прекрасное средство, чтобы нравиться всѣмъ, потому что, по словамъ Наполеона, всѣ были чернью.

Въ это время Якобинцы были расположены служить ему и употребить всѣ зависящія отъ нихъ средства, чтобы спасти его. Но требовали, чтобы онъ далъ имъ волю. Хотѣли имѣть власть возбудить со всею свободою и незатрудняясь всѣ революціонныя страсти. Книгопечатаніе, страдавшее подъ игомъ самой несносной и ненавистной цензуры, долженствовало также быть имъ совершенно предоставлено. Надобно было позволить пѣть на улицахъ и въ представленіяхъ ихъ любимыя пѣсни, какъ то: Allons, enfans de la patrie, Ça ira, Veillons au salut del'empire. Послѣдняя пѣсня, признаюсь, была сообразна съ обстоятельствами, по первому стиху; но за нимъ слѣдовалъ другой: Veillons au maintien de nos droits, и эти слова уничтожали все достоинство перваго стиха. Но мнѣ совѣстно шутить надъ этими забавными претензіями якобинства, которыя впрочемъ

сдѣлались нешуточными. Императору сдѣланы другiя предложенiя, не менѣе безумныя и столь же безуспѣшныя. То что я говорю здѣсь, мнѣ не разсказывали другiе; я присутствовалъ, правда случайно, на двухъ совѣщанiяхъ, гдѣ предлагали проэкты, отзывавшiеся клубнымъ запахомъ, проэкты, похожiе на бредъ; при мнѣ ихъ поддерживали тѣмъ съ большею увѣренностью, что не сомнѣвались въ успѣхѣ. Я не могу объяснить, съ какимъ огорченiемъ могу сказать, съ какимъ презрѣнiемъ къ объяснявшимъ подобныя мысли, я глядѣлъ на людей, прiучившихся къ самой низкой снисходительности, старающихся найти въ революцiонныхъ сатурналiяхъ, извлекшихъ ихъ изъ грязи, средства къ сохраненiю блестящихъ украшенiй, которыми ихъ надѣлила Имперiя. Конечно, я приверженецъ свободы книгопечатанiя; но я не хотѣлъ бы, чтобы принялись рыться въ могилѣ революцiи, и вырывать мерзости, которымъ бы надлежало оставаться тамъ на вѣки погребенными. Что хотѣли заставить Наполеона сдѣлать? лицемѣрный поступокъ, потому что этимъ зловѣщимъ совѣтникамъ не безъизвѣстны были ни его ненависть къ свободѣ книгопечатанiя, ни его презрѣнiе народной власти.

Хотя я не видѣлся съ Наполеономъ съ самого моего отъѣзда въ Гамбургъ, но я зналъ довольно упорство его мыслей о Якобинцахъ,

и потому не могъ оставаться въ покоѣ на этотъ счетъ и не сомнѣваться, чтобы ихъ взыскательныя ласкательства не замѣдлили ему опротивѣть. Я не ошибся. Цѣна, какую требовали за предлагаемыя ему услуги, наконецъ его утомила, и онъ сказалъ: «Это слишкомъ; я «могу найти спасеніе въ сраженіяхъ, а не найду «его у неистовыхъ безумцевъ!» Къ этому онъ очень справедливо прибавлялъ, когда говорилъ о столь не совмѣстномъ союзѣ: «Не можетъ «существовать соотношеній между демагогиче«скими правилами 93-го и монархіею; между клу«бами неистовыхъ и правильнымъ Министерст«вомъ; между комитетомъ общественной безопас«ности и Императоромъ; между революціонны«ми судилищами и владычествомъ законовъ. Если «я паду, то по крайнѣй мѣрѣ ни какъ не оставлю «Франціи революціи, отъ которой я ее избавилъ.»

Объясняясь такимъ образомъ, Наполеонъ говорилъ какъ нельзя умнѣе, а чтобы отклонить угрожающую ему опасность, онъ прибѣгнулъ къ истинно самому народному и самому благородному средству. Онъ предписалъ собрать народную Парижскую гвардію. Начальство надъ этою гвардіею поручено было Маршалу Монсею, человѣку во всѣхъ отношеніяхъ почтенному; который съ честью служилъ подъ Французскими знаменами, и въ преклонныхъ уже лѣтахъ, сохранилъ всю живость молодости, ко-

торую часто утрачивають вмѣстѣ съ зрѣлыми лѣтами. Императоръ не могъ сдѣлать выбора лучше; но Штабъ народной гвардіи, былъ гнѣздо скрытныхъ происковъ, гдѣ, когда наступило время, занимались менѣе защитою Парижа, чѣмъ средствами, какъ бы извлечь выгоду изъ Наполеонова ниспроверженія, ни мало не показывая вида, что берутъ какое нибудь участіе въ этомъ ниспроверженіи. Какъ бы то ни было, меня сдѣлали Капитаномъ этой гвардіи, и я, вмѣстѣ съ другими Офицерами, былъ призванъ въ Тюлери двадцать третьяго Генваря; въ этотъ самый день мы прощались съ Наполеономъ, который на другой день отправлялся сражаться за свое отечество.

Какой для меня день, и сколько воспоминаній долженствовали придти мнѣ въ голову. Насъ ввели въ большую залу, по которой я столько разъ проходилъ, какъ въ своемъ домѣ. Чтобы лучше видѣть эту торжественную церемонію, я взобрался со многими другими Офицерами на стоявшую у стѣны скамейку. Наполеонъ вышелъ вмѣстѣ съ Императрицею; онъ выступалъ гордо, держа за руку своего сына, которому тогда еще не было трехъ лѣтъ. Давно уже я не видалъ близко того, съ кѣмъ жилъ столько лѣтъ въ тѣсной связи. Я нашелъ, что онъ очень потолстѣлъ; а на блѣдномъ лицѣ его замѣтилъ признаки печали и огорченія.

Обычайныя движенія мускуловъ его шеи были несравненно сильнѣе и чаще, чѣмъ когда либо, по замѣчанію моему, то было. Нѣтъ, я не могу выразить, что происходило со мною во время этой церемоніи, когда я увидѣлъ друга моего дѣтства, сдѣлавшагося обладателемъ Европы и близкаго къ паденію предъ усиліями его непріятелей. Эта церемонія имѣла что-то важное, торжественное, и вмѣстѣ съ тѣмъ унылое. Рѣдко я замѣчалъ въ столь многочисленномъ собраніи, такое глубокое молчаніе. Въ немъ царствовало, не знаю какое-то безпокойство, какая-то потребность услышать Наполеоновъ голосъ. Его услышали; Наполеонъ громкимъ и звучнымъ голосомъ, точно такъ, какъ онъ говаривалъ бывало солдатамъ своимъ въ Италіи или въ Египтѣ, только безъ выраженія той довѣренности, какая тогда блистала на лицѣ его, сказалъ намъ:

«Господа Офицеры народной гвардіи, мнѣ «пріятно видѣть васъ собравшихся вокругъ «меня: я уѣзжаю сего дня ночью, чтобы «командовать арміею: Покидая столицу, я съ «довѣренностью оставляю мою жену и сына, въ «которыхъ вижу столько надеждъ. Я обязанъ «былъ этимъ знакомъ довѣренности, такимъ же «знакамъ, которые вы мнѣ не преставали оказывать въ первыя эпохи моей жизни. Я уѣду, «не имѣя на душѣ никакого безпокойства, когда

«они останутся подъ вашею вѣрною охраною; «я оставляю вамъ то, что для меня всего на «свѣтѣ дороже послѣ Франціи, и поручаю это «вамъ.

«Можетъ случится, что по предполагаемымъ «мною движеніямъ, непріятели выищутъ время, «чтобы приблизиться къ стѣнамъ вашимъ. Если «это будетъ, то помните что это можетъ продлить«ся нѣсколько дней, и что я скоро подоспѣю къ «вамъ на помощь. Я прошу васъ быть согласны«ми между собою и противустоять всѣмъ внуше«ніямъ, которыя бы могли клониться къ ваше«му раздѣленію. Не упустятъ стараться поколе«бать вѣрность вашу къ вашему долгу; но я «надѣюсь, что вы отвергнете всѣ эти вѣролом«ныя подстреканія.

Я слушалъ слова Бонапарте съ величайшимъ вниманіемъ, и хотя онъ ихъ произносилъ съ силою, но ему трудно было, когда онъ хотѣлъ показать душевное движеніе. Но это душевное движеніе, истинно или притворно оно было, раздѣляла большая часть присутствовавшихъ, и признаюсь, что касается до меня, то я былъ очень растроганъ, когда онъ въ особенности сказалъ: *«Я оставляю вамъ мою жену и сына.»* Въ эту минуту я смотрѣлъ на этого ребенка; участіе, которое онъ внушалъ мнѣ, было совсѣмъ чуждо и окружавшаго его величія, и тѣхъ несчастій, которыя угро-

жали ему уничтоженіемъ. Я видѣлъ въ этомъ ребенкѣ, котораго личико было очень привлекательно, не Римскаго Короля, а сына стариннаго пріятеля. Во весь день я не могъ избавиться отъ какой-то тоски, и удалить отъ себя мысли, внушаемыя утренними впечатлѣніями, когда я сравнивалъ это зрѣлище прощанія съ нашимъ вступленіемъ во владѣніе Тюльери. Сколько вѣковъ въ теченіи отдѣляющихъ ихъ четырнатцати лѣтъ.

++

ГЛАВА XXIV.

Странное сближеніе чиселъ.—Смерть Лудовика XVI и прощанье Бонапарте въ Тюльери.—Отъѣздъ Императора въ армію.—Шатильонскій конгрессъ.—Безполезное требованіе перемирія. — Какъ Бонапарте судили при его переговорахъ.—Наполеонъ собственная жертва своя.— Воспоминанія дѣтства и непремѣнность характера Бонапарте.—Наполеонова фортуна имѣетъ связь съ его славою.—Замѣчательныя слова Императора Коленкуру. — Открытіе конгреса.—Новыя условія и увертки.—Произнесенное союзниками слово старой Монархіи.—Г. Коленкура несправедливо обвиняютъ въ томъ, что онъ препятствовалъ миру.—Тайныя подробности о засѣданіяхъ конгреса. — Невозможность понимать другъ друга.—Побѣжденные договариваются какъ побѣдители.—Предписанія явныя и предписанія тайныя.—Конституціонныя провинціи. — Обманчивыя предложенія, и очевидное желаніе повести дѣло въ оттяжку.—Изустныя обѣщанія.—Подробности о ходѣ переговоровъ.—Проэктъ и отмѣна.—Изумленіе союзниковъ отъ требованій Императора .—Точная воля упрочить миръ Европы.—Предложенія Наполеона, принятыя съ насмѣшкою.—Разговоръ мой съ Талейраномъ по предмету Коленкурова письма.— Мнѣніе мое сочтено за упрямство.—Мои предвѣщанія вскорости сбываются.—Распущеніе конгреса.—Наполеонъ, одна причина своего паденія и безсмертіе его славы.

Для людей любящихъ заниматься сближеніемъ чиселъ, было очень замѣчательно, что

Наполеонъ наслѣдникъ Лудовика XVI, сдѣлавшійся его племянникомъ, женясь на племянницѣ Маріи Антоанеты, прощался съ Парижскою народною гвардіею именно въ то самое достопамятное число, двадцать перваго Генваря, спустя двадцать одинъ годъ, промежутокъ времени, въ который видѣли столько ужасовъ, стыда, надеждъ, славы и неудачь. На другой день нашего пріема онъ уѣхалъ, чтобы принять начальство надъ арміею; но дорога ему была не длинна до главной квартиры, не такъ какъ прежде бывало. Восточная Франція была занята пятью стами тысячами войска, а у Наполеона противъ нихъ по самой большей мѣрѣ было только сто тысячъ человѣкъ; но все его геній, не только не покидалъ его, а еще, казалось, помолодѣлъ въ этихъ ужасныхъ обстоятельствахъ.

Однакоже въ Шатильонѣ на Сенѣ открыли конгрессъ, состоявшій изъ Герцога Виченскаго со стороны Франціи; лорды Абердеенъ, Каткартъ и Стюартъ отъ Англіи; Графъ Разумовскій отъ Россіи; Графъ Стадіонъ отъ Австріи; и Графъ Гумболденъ отъ Пруссіи.

Такъ какъ меня въ точности извѣщали обо всемъ, что происходило на конгресѣ, то полагаю, что эта часть моихъ Записокъ въ особенности будетъ достойна любопытства для людей желающихъ знать истину о перегово-

рахъ этой эпохи, и я посвящу эту славу на изложенie краткой исторiи того времени, основанную на тогдашнихъ моихъ Запискахъ, моихъ воспоминанiяхъ и на подлинныхъ документахъ; тутъ окажется эта великая истина, которую я неоднократно повторялъ, что Наполеонъ никогда не хотѣлъ мира.

Согласно съ приказанiями Императора, при самомъ открытiи конгреса Герцогъ Виченскiй потребовалъ перемирiя, какъ то всегда почти дѣлается, когда хотятъ вести переговоры о мирѣ. Наполеонъ только и хотѣлъ перемирiя: по высокой своей прозорливости онъ заключалъ дурно о первыхъ слѣдствiяхъ внезапной войны, и потому явное его желанiе было, чтобы переговоры, которые начать надлежало не имѣли на себя влiянiя со стороны успѣха военныхъ дѣйствiй. Когда онъ бывалъ побѣдителемъ, то всякой знаетъ, хотѣлъ ли онъ когда давать отсрочку своимъ непрiятелямъ; будучи побѣжденъ числомъ онъ требовалъ этой отсрочки; но уже черезъ чуръ было поздно, чтобы союзники согласились на перемирiе, о которомъ уже давно они не хотѣли и слышать. Руководимые опытомъ минувшаго, они рѣшились продолжать военныя дѣйствiя и во время переговоровъ, которымъ надлежало начаться въ Шатильонѣ. Пятнадцатилѣтнiй опытъ предупредилъ ихъ, что съ Наполеономъ нельзя смѣ-

пивать наружнаго вида съ настоящими его намѣреніями. Въ отвѣтъ на такое требованіе перемирія, они съ своей стороны потребовали, чтобы тотчасъ же подписали предложенія о мирѣ; но это были уже не Франкфуртскія предложенія. Союзники поставили за основаніе границы прежней монархіи: они почитали себя въ правѣ такъ поступать по своимъ успѣхамъ и положенію; и каждый бы такъ сдѣлалъ.

Чтобы судить, какъ должно, о Наполеонѣ во всѣхъ его переговорахъ относительно мира, происходившихъ во время Шатильонскихъ совѣщаній, надобно прежде всего вспомнить организацію, полученную имъ отъ природы, и оцѣнить идеи, развитыя въ немъ этою организаціею съ юныхъ его лѣтъ. Дѣйствительно, что видимъ мы въ послѣднихъ переговорахъ уничтожающагося его царствованія? Если разсмотримъ ихъ со вниманіемъ и безпристрастіемъ, которыхъ, можетъ быть, я имѣю право требовать, то убѣдимся, что причины его паденія проистекаютъ отъ его характера. Я не удаляюсь отъ истины, служившей мнѣ постояннымъ руководителемъ, но не могу поставить себя на ряду съ тѣми недостойными ласкателями, которые обвиняли приближенныхъ его въ томъ, что они всегда отклоняли его отъ мира. Безъ сомнѣнія, какъ я уже замѣтилъ, при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ, другіе люди могли бы, долженствовали бы представлять ему

о нуждахъ Францiи, когда онѣ согласовались съ его славою; но въ послѣднее время, не возможно, безъ оскорбленiя истины, относить къ агентамъ Наполеона несчастныя послѣдствiя его разчетовъ, его честолюбивыхъ видовъ, его не ограниченной любви къ славѣ и его глубокой проницательности. Если онъ былъ жертвою этого, особенно въ настоящемъ случаѣ, то сiе можно приписывать только ему одному. Не сказалъ ли онъ на островѣ Св. Элены, разсуждая о переговорахъ Шатильонскихъ: «*Громовый ударъ только могъ спасти насъ: вести, переговоры заключать перемирiе значило предаваться безразсудно непрiятелю.*» Наполеонъ весь является въ сихъ словахъ: вотъ единственный свѣтильникъ, могущiй руководствовать на мрачномъ пути, коимъ я проходить намѣренъ. Не должно забывать, что, живо пораженный безсмертiемъ великихъ именъ, которыя исторiя оставила удивленiю нашему, и которыя передаются изъ рода въ родъ, Наполеонъ хотѣлъ также, чтобы имя его гремѣло, въ продолженiи грядущихъ вѣковъ, даже въ самыхъ бѣдныхъ хижинахъ. Но если, при такой жаждѣ къ славѣ, а не къ *знаменитости*, онъ возъимѣлъ желанiе превзойти Александра и Цезаря, то никогда не искалъ славы Герострата, и хотя уже я сказалъ, но скажу еще, что если онъ совершилъ дѣянiя, достойныя хулы, то, къ несчастiю, отъ того, что почиталъ ихъ ступенью,

способствовавшею ему достигнуть верха того безсмертія, на который хотѣлъ онъ вознести свое имя. Жить такъ, чтобы объ немъ не говорили, казалось ему преждевременною смертію; это видно изъ написаннаго имъ къ брату его, Іерониму: *Лучше хотѣлъ бы не жить, чѣмъ жить безъ славы;* а также изъ того, что писалъ онъ позже къ брату своему Лудовику: *Лучше умереть Королемъ, чѣмъ жить Принцемъ.* Сколько разъ, во время самыхъ искреннихъ моихъ бесѣдъ съ Бонапарте, говаривалъ онъ мнѣ: «Кто знаетъ теперь имена всѣхъ Королей, «которые возведены были на тронъ по своему «происхожденію! Они жили и умерли въ без«вѣстности. Имена ихъ съ трудомъ отыскива«ются въ древнихъ архивахъ; какая нибудь ме«даль, монета, найденная въ кучѣ сору, откры«ваетъ ученымъ существованіе Государя, о ко«торомъ они и не знали. Напротивъ того, на«зовите Кира, Александра, Цезаря, Магомета, «Шарлемана, Генриха IV, и Лудовика XIV, «и всякой будетъ точно между знакомыми.» «Я долженъ сказать, что говоря мнѣ такимъ образомъ въ садахъ Мальмезонскихъ, Бонапарте только что повторялъ говоренное въ юношескомъ его возрастѣ; потому что его характеръ, мысли, потребности его души были всегда однѣ и тѣ же. Только измѣнились предметы, къ которымъ онъ прилагалъ ихъ.

Я намѣренъ былъ сказать только одно слово о Наполеонѣ, но мнѣ пришли въ голову другія воспоминанія, а по этому я надѣюсь, что мнѣ позволено будетъ дать волю теченію моихъ мыслей, тѣмъ болѣе, что мы касаемся происшествій, близко предшествовавшихъ его паденію. Наполеонъ, съ самого дѣтства читалъ съ жадностью исторію великихъ мужей древности; при этомъ чтеніи онъ наиболѣе старался открыть то, какими средствами эти мужи сдѣлались великими. Онъ замѣчалъ, что слава военная передаетъ имя ее пріобрѣтшаго гораздо далѣе въ потомство, чѣмъ счастливые мирные труды, глубокая ученость и благородныя усилія способствовать счастію людей. Исторія насъ научаетъ, что великія военныя дарованія и побѣда даютъ часто силу, которая въ свою очередь доставляетъ средства къ насыщенію честолюбія. Наполеонъ всегда былъ увѣренъ, что эта сила была для него необходима, чтобы покорять людей своей волѣ и заглушать всякое разсужденіе о событіяхъ.

Онъ принялъ за непремѣнное правило никогда не подписывать невыгоднаго мира: что же долженствовало быть съ постыднымъ миромъ, который отымалъ у Франціи не только то, чѣмъ она была обязана Наполеону, но еще и то, что поручила его генію, его великимъ военнымъ дарованіямъ и его фортунѣ? Онъ

былъ внутренно убѣжденъ, и на мои глаза никогда въ разсужденіи этого не обманывался, что какъ скоро исчезнетъ обманчивый призракъ, порожденный его побѣдами, то очарованіе и энтузіазмъ, которыя долженствовали произвести столько чудесъ въ народѣ храбромъ и великодушномъ, исчезнутъ вмѣстѣ съ этими чудесами: «Франція, говорилъ онъ мнѣ, приняла «своего начальника изъ рукъ побѣды; если по«бѣда меня покинетъ, то Франція возвратится «къ потомкамъ Генриха IV-го.»

Наполеонъ во всѣ эпохи своей жизни старался производить обманчивыя мысли на счетъ своего положенія, но рѣдки были такія минуты, когда онъ самъ поддавался такому обману. Его могущество, будучи лишено его основаній, долженствовало пасть—онъ это очень хорошо зналъ. Для этого великаго характера, который займетъ столько прекрасныхъ страницъ въ исторіи, вѣнецъ поблекшій, не могъ болѣе быть вѣнцемъ. Во время моего при немъ пребыванія, я всегда видѣлъ, что онъ скучалъ занятіями по гражданскому управленію, даже въ такое время, когда слава его была наиболѣе неопровергаема: что же надлежало быть, когда ему пришлось устремить свои мысли на уничиженіе его прекрасной Франціи, послѣдствіе гигантскихъ его предпріятій и бѣдствій, которыя онъ какъ бы призывалъ къ себѣ въ Москвѣ? Не.

сказалъ ли онъ однажды Г. Коленкуру, который убѣждалъ его согласиться на пожертвованія: «Мужество можетъ защитить корону, но «безславіе никогда.» Такимъ образомъ во всѣхъ послѣднихъ дѣйствіяхъ Наполеона на его поприщѣ, я находилъ отпечатокъ его характера, точно такъ, какъ я видѣлъ часто въ великихъ дѣлахъ Императора исполненіе мысли, родившейся въ умѣ Главнокомандующаго Италіянскою арміею.

Видѣли, въ какомъ расположеніи былъ Наполеонъ при отъѣздѣ своемъ въ армію; онъ прибылъ туда, и вскорѣ открыли Шатильонскій конгрессъ. Герцогъ Винченскій, убѣдясь, что онъ не могъ болѣе надѣяться на сохраненіе естественныхъ границъ Франціи, обѣщанныхъ союзниками во Франкфуртѣ, потребовалъ новыхъ полномочій. Эти границы были безъ сомнѣнія послѣдствіемъ благоразумныхъ уступокъ, и даже послѣ Лейпцига ихъ давали; дѣло не казалось болѣе удобоисполнимымъ, а потому надлежало принять видъ готовности на другія уступки, если хотѣли быть допущенными къ вступленію въ переговоры. Открытіе конгреса послѣдовало 5 Февраля; шестаго засѣданія не было, но седьмаго уполномоченные союзныхъ державъ объявили рѣшительно свои намѣренія. Они помѣстили въ протоколѣ, что въ послѣдствіе успѣховъ, благопріятствовавшихъ ихъ ору-

жію, они требуютъ, чтобы Франція вступила въ древнія свои границы, каковы онѣ были подъ правленіемъ *монархіи*, до революціи; чтобы Франція отказалась отъ всякаго прямаго вліянія внѣ будущихъ ея границъ, и чтобы отреченіе отъ всѣхъ титуловъ Протекторства Италіи, Германіи и Швейцаріи, было непосредственнымъ слѣдствіемъ такого распоряженія.

Такое предложеніе, столь различествовавшее отъ предложенія, сдѣланнаго Г. Сенъ-Эньяну, показалось столь необычайнымъ Г. Коленкуру, что онъ принужденнымъ себя нашелъ требовать прекращенія засѣданія, по причинѣ нарочитой важности этихъ новыхъ условій, которыя были слишкомъ несогласны съ его инструкціями, такъ что онъ никакъ не могъ отвѣчать *непосредственно*. Союзные уполномоченные, снисходя къ его желанію, отложили продолженіе засѣданія до восьми часовъ вечера.

Въ этомъ вечернемъ собраніи, Герцогъ Виченскій возобновилъ изъявленіе готовности сдѣлать для заключенія мира величайшія пожертвованія, какъ ни было далеко объявленное союзниками по утру требованіе отъ основаній, предложенныхъ въ Франкфуртѣ, основаній, въ которыхъ дѣло шло *о естественныхъ границахъ* Франціи. Г. Коленкуръ присовокупилъ, что такъ какъ *перечень* пожертвованій довольно необходимо зависитъ отъ перечня вознаг-

ражденій, то онъ не можетъ ни на что рѣшиться, не имѣя полныхъ свѣдѣній обо всѣхъ уступкахъ или вознагражденіяхъ. Онъ желалъ имѣть проэктъ, въ которомъ бы изложены были въ точности виды союзниковъ, и требовалъ, чтобы ихъ уполномоченные объяснились положительно относительно числа и рода пожертвованій, которыя будутъ требуемы, также о вознагражденіяхъ. Должно признаться, что Герцогъ Виченскій вполнѣ выполнялъ тайныя виды Императора, проволачивая дѣломъ, и выигрывая время хитрыми увертками, потому что все, чего онъ требовалъ, уже было выполнено (*).

(*) Я слышалъ, какъ въ то время обвиняли Г. Коленкура въ томъ, что онъ не хотѣлъ мира. Нѣкоторые писатели въ послѣдствіи были того же мнѣнія и писали о томъ; обвиняли Герцога Вичснскаго въ томъ, что онъ дѣлалъ ничего незначущія представленія о положеніи, въ какое ходъ дѣлъ его ставилъ; что онъ показалъ неискуство при требованіи ограниченій и недостатокъ ловкости въ уменьшеніи требованій Наполеона, требованій которыя союзники считали слишкомъ преувеличенными и о которыхъ Г. Коленкуръ зналъ, что они про нихъ не захотятъ и слушать. Враги и завистники Г. Коленкура, всѣ тѣ, которые не хотятъ ни находить, ни предоставить Наполеону ни одной ошибки, попрекаютъ Министра въ томъ, что онъ наполнялъ свои депеши неопредѣленными объясненіями о мирѣ, войнѣ и проч.

Кого можно заставить вѣрить, что Г. Коленкуръ, столь хорошій Французъ, съ такимъ благороднымъ характеромъ, столь преданный Наполеону, отступилъ отъ инструкцій секретныхъ и офиціальныхъ Наполеона? Онъ его слишкомъ хорошо зналъ, чтобы нарушить его положительныя при-

На другой день послѣ этого засѣданія, нѣкоторые успѣхи, пріобрѣтенные союзниками и взятіе ими Шалона на Марнѣ и Троа, заставили Наполеона рѣшиться приказать Коленкуру объявить, что *если немедленно соглашено бу-*

казанія, особливо въ дѣлѣ столь великой важности: тутъ онъ подвергался слишкомъ большой отвѣтственности.

Кто можетъ подумать, чтобы онъ отказался подписать окончательныя предложенія, которыя, какъ слишкомъ легкомысленно утверждаютъ, приличествовали Императору, если бы не имѣлъ противнаго тому приказанія? Намѣреніе пятнадцатаго Марта, о которомъ увидятъ ниже, объяснитъ все.

Какъ поступалъ онъ во всѣхъ своихъ переговорахъ? Онъ говорилъ союзникамъ: Вотъ на что согласенъ Императоръ.— Подпишите, мы также согласны.—Не могу, я долженъ прежде объ этомъ доложить; такъ мнѣ приказано.« Эти не многія слова объясняютъ и оправдываютъ все его поведеніе. Если Коленкуръ не подписалъ мира, то онъ не могъ этого сдѣлать: Наполеонъ нехотѣлъ этого. Ходъ переговоровъ служитъ неоспоримымъ тому доказательствомъ. Коленкуръ говорилъ въ письмахъ своихъ въ Парижъ, которыя я имѣлъ случай читать, что онъ не зналъ что дѣлать и что онъ находился въ безпрестанномъ недоумѣніи отъ ограниченій и перемѣнъ, которыя всегда слѣдовали за Императорскими инструкціями, и которыя были болѣе или менѣе темны, болѣе или менѣе положительны; что если бы онъ принималъ на себя подписывать не доложась, даже согласно съ ограничивающею инструкціею, то для Наполеона могли бы произойти благопріятныя слѣдствія, послѣ которыхъ на него посыпались бы сильные упреки. Ихъ бы возбуждали даже тѣ, кто чтобы нравиться и льстить, позабыли то плачевное положеніе, въ какомъ находилась Франція. Все это долженствовало внушить Коленкуру большую робость, которую ни какъ не должно считать за неискуство и почти за измѣну.

детъ о перемирiи, то онъ готовъ согласиться на то, чтобы Францiя вступила въ древнiя свои границы. Это перемирiе нужно было Наполеону какъ нельзя больше. Выигрывалось время; на Востокѣ и на Сѣверѣ могли произойти возстанiя, а съ полудня Францiи могло подоспѣть подкрѣпленiе. Можно было бы успѣть вызвать войска изъ Испанiи и изъ Германскихъ крѣпостей. Могли представиться удачные обороты и можно было употребить интриги.

Но союзники не хотѣли и слышать о перемирiи. Они это положительно объявили. Ихъ требованiя усиливались по мѣрѣ ихъ успѣховъ. Они знали, что Наполеонъ проволочитъ переговоры какъ можно долѣе. Но они надѣялись, что когда военныя дѣйствiя продолжаться будутъ съ гораздо превосходными съ ихъ стороны силами, и они достигнутъ Парижа прежде его рѣшенiя, то отвергнутъ тогда всѣ его предложенiя. Они не могли вѣрить этому согласiю на древнiя границы со стороны человѣка, который до того безпрестанно отвергалъ всякiя о томъ предложенiя, какъ позоръ, и который такъ часто повторялъ: *Или почтенный миръ, или война!*

9 Февраля Французскiй Полномочный Министръ представилъ конгресу такое неожиданное требованiе. Какъ только оно было прочте-

но, Россійскій Министръ Г. Разумовскій, увѣренный, что Англія будетъ согласна, потому что она достигала своей цѣли (*) потребовалъ именемъ Императора Александра, чтобы переговоры были остановлены; отвергли увертку Наполеона въ требованіи перемирія, и были правы. Безъ всякаго сомнѣнія это была собственная его мысль—ссылаюсь на самого Императора. Онъ написалъ 8 Маія Г. Коленкуру письмо, въ которомъ объяснилъ свое намѣреніе. Онъ сообщалъ въ этомъ письмѣ, что первое слово союзниковъ еще *неокончательное условіе*: что должно отвѣчать согласіемъ на Франкфуртскія предложенія, для перемирія, но что этотъ отвѣтъ все таки не будетъ *окончательнымъ условіемъ*. Онъ присовокуплялъ, что сдѣлалъ бы еще и другія уступки. Если союз«ники этимъ удовольствуются, говорилъ онъ, «то можно кончить; въ противномъ же случаѣ, «надобно оспоривать.» Въ этомъ же письмѣ находятся замѣчательныя слова, которыя разомъ объясняютъ мысль Императора. «Слѣдуйте *въ* «*точности* наставленію до тѣхъ поръ, пока то «признаете за нужное, а когда вамъ удастся «получить положительно *окончательное условіе*, «то представте правительству, для полученія «рѣшительныхъ предписаній.» Не ясно ли это?

(*) Этой державѣ достаточно было, чтобы Анверсъ былъ оставленъ и Бельгія очищена.

Въ засѣданiи 10 Марта, Герцогъ Виченскiй сообщилъ конгресу открытыя предписанiя Наполеона, въ которыхъ онъ уполномочивалъ своего Министра приступить къ разсмотрѣнiю требованiй союзниковъ, требованiй, относительно которыхъ Францiею сдѣлано уже соглашенiе, и отъ которыхъ теперь союзники отступали, неизвѣстно, по какимъ причинамъ. Но дѣлая такое сообщенiе уполномоченнымъ союзныхъ Державъ, Г. Коленкуръ ни подъ какимъ видомъ не показалъ имъ особенныхъ и секретныхъ инструкцiй, которыя онъ получилъ въ тоже время; сверхъ сего эта предварительная уступка, дѣлаемая Г. Коленкуромъ по повелѣнiямъ Императора, имѣла непремѣннымъ условiемъ немедленное перемирiе. Можно было бы сказать, что Бонапарте въ эту минуту принялъ политику неприпомню какого театральнаго героя, который сказалъ своему посланнику: *Настаивайте, требуйте всего, для того, чтобы не получить ничего.* Наполеоновъ посланникъ въ самомъ дѣлѣ ничего не получилъ; союзники отказали, потому что перемирiе замѣдлило бы ихъ побѣдоносным движенiемъ; но они соглашались подписать окончательный миръ, чего въ особенности не хотѣлъ Императоръ.

Въ очень длинной нотѣ, помѣщенной въ протоколѣ, Коленкуръ повторялъ всѣ общiя

мѣста относительно равновѣсія Европы, о трехъ раздѣленіяхъ Польши, о низшей степени, до какой доведена будетъ Франція, въ сравненіи съ Россіею и Австріею, если она согласится на новыя основанія, то есть на древнія границы, какія были до революціи. Герцогъ Виченскій сверхъ того жаловался, что хотятъ безъ Франціи, устроить главную систему и равновѣсіе Европы. Но однакоже, не употреблялъ ли во зло Императоръ тѣ выгоды, которыя ему такъ долго доставляла его фортуна, въ трактатахъ, которыя онъ предписывалъ Европѣ?

Опираясь на эти уваженія, Полномочный Французскій Министръ по приказанію Императора объявилъ, что такъ какъ Белгія и лѣвый берегъ Рейна присоединены *конституціонньымъ образомъ*, что признано всѣми мирными трактатами, заключенными послѣ этого присоединенія, то онъ не можетъ ни предлагать объ уступкѣ участка земли Французской, признанной конституціонно, ни соглашаться на такую уступку.

Правда, что Наполеонъ въ Ноябрѣ 1813 могъ бы получить *естественныя* границы Франціи. За чѣмъ онъ тогда на это не согласился? Для чего довелъ себя до того, что пришлось спорить о границахъ монархіи? Онъ хотѣлъ имѣть болѣе чѣмъ Рейнскія границы — доказательствомъ тому письмо его отъ 8 Марта. Но могъ

ли онъ обманывать себя относительно различія положенія своего въ Франкфуртѣ Ноября 1813 и въ Шатильонѣ въ Мартѣ 1814; и не смотря на нѣкоторые успѣхи въ его удивительной кампаніи, могъ ли онъ быть ослѣпленъ на счетъ своего будущаго! Могъ ли онъ не знать, что упорство его дѣлать напрасную проволочку, побудитъ союзныхъ монарховъ подписать въ Шомонѣ 1 Марта трактатъ, по которому Россія, Австрія, Пруссія и Англія обязывались продолжать безпрерывно войну, до тѣхъ поръ, пока Франція невступитъ въ прежнія границы монархіи. Увы, мы и того не получили.

Наполеонъ наконецъ, принявъ наружную рѣшимость сдѣлать пожертвованія, потребовалъ, чтобы объ нихъ объяснено было вообще въ проэктѣ союзниковъ; но не смотря на его согласіе на то, чтобы въ этомъ проэктѣ не были болѣе приняты за основанія Франкфуртскія предложенія, онъ не хотѣлъ однакоже, чтобы этотъ проэктъ считался окончательнымъ условіемъ. Если бы союзники согласились дать такой проэктъ, то Коленкуръ долженъ былъ предложить *контръ-проэктъ*, который былъ бы возобновленіемъ Франкфуртскихъ предложеній (*), но при всемъ томъ этотъ контръпроэктъ не долженствовалъ считаться оконча-

(*) Видно, что Наполеонъ принялъ видъ будто бы отказывается отъ этихъ условій.

тельнымъ условіемъ со стороны Наполеона. Невозможно было дѣлать предложеній болѣе обманчивыхъ, продолжать переговоры съ большею хитростью, и лучше доказать союзникамъ волю не заключать мира на условіяхъ, которыя долженствовали казаться постыдными тому, кто недавно еще былъ властелиномъ Европы.

Герцогъ Виченскій предложилъ конгресу Наполеоновы предложенія. Союзники отвѣчали въ тоже засѣданіе, что эти предложенія ничего не значатъ и не содержатъ никакого яснаго и понятнаго изложенія о проэктѣ, представленномъ ими 17 Февраля; что они требовали 28 числа того же мѣсяца рѣшительнаго отвѣта черезъ десять дней, на каковой срокъ согласился Г. Коленкуръ, и потому должны прекратить засѣданіе. Тутъ Коленкуръ, чтобы не прерывать переговоровъ объявилъ *словесно.*

1) «Что Наполеонъ готовъ отказаться отъ «всякаго притязанія или конституціоннаго вліянія, подъ какимъ бы то ни было видомъ, на «всѣ земли внѣ *границъ* Франціи.

2) Признать независимость Испаніи, Италіи, Швейцаріи, Германіи и Голландіи; что въ отношеніи къ Англіи Франція сдѣлаетъ уступки, которыя признаны будутъ за нужное, при надлежащемъ вознагражденіи.

Послѣ такой декларацiи засѣданіе тотчасъ

прекращено и не сдѣлано никакого отвѣта. Должно замѣтить, что эта странная декларація сдѣлана на словахъ, а потому ни на что не обязывала и что наконецъ въ ней сказано о *границахъ* Франціи безъ обозначенія ихъ. По этому нельзя сомнѣваться, что Наполеонъ разумѣлъ *границы, о которыхъ соглашенось было въ Франкфуртѣ*, и что онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что союзники рѣшились не соглашаться болѣе вразсужденіи этихъ границъ. Время перемѣнилось. Что значатъ еще въ этой деклараціи выраженія относительно къ Англіи, *при надлежащемъ вознагражденіи?* Можно ли дивиться тому, что такая неясность и неопредѣлительность не внушили никакой довѣренности уполномоченнымъ союзныхъ державъ?

Три дня спустя послѣ засѣданія десятаго Марта, они объявили, что не могутъ даже входить въ сужденіе относительно *словеснаго* протокола Французскаго Министра, а иначе только протянули бы и запутали переговоры; что эта словесная декларація не можетъ быть сочтена даже контръ-проэктомъ, заключающимъ существо предложеній сдѣланныхъ союзными державами, предложеній, о которыхъ ни слова не сказано. Въ слѣдствіе сего они потребовали отъ Г. Коленкура объявить въ теченіи двадцати четырехъ часовъ, хочетъ ли онъ принять или отвергнуть проэктъ трактата, предложен-

ный союзными дворами (*) или представить контръ-проэктъ.

Герцогъ Виченскій, руководствуясь все своими секретными инструкціями, которыя воспрещали ему что либо окончить на предложенныхъ основаніяхъ, помѣстилъ въ протоколъ засѣданія 13 Марта двусмысленный отвѣтъ, въ которомъ онъ говорилъ, что его проэктъ 10 Марта удовлетворялъ требованію союзниковъ, въ отношеніи къ тѣмъ предметамъ, на которые Франція могла согласиться безъ разбирательства; что же касается до другихъ подлежащихъ измѣненіямъ, то помѣщенныя въ протоколѣ засѣданія 10 Марта замѣчанія на то отвѣчали; но что впрочемъ онъ готовъ былъ тотчасъ же приступить къ разбирательству ихъ.

Союзные уполномоченные отвѣчали, что въ актахъ, представленныхъ въ засѣданіи 10 Марта, ничего не сказано о тѣхъ статьяхъ, на которыя Франція могла согласиться безъ разбирательства, но о тѣхъ, о которыхъ она хотѣла войти въ сужденія и переговоры; что одна изъ этихъ бумагъ содержала только общія замѣчанія, которыя не вели ни къ чему, и ни къ какому заключенію, такъ какъ слова о раздѣлѣ польши, равновѣсіи Европы и проч. и проч. и что эта изустная нота ни сколько

(*) Условія этого трактата были границы Франціи до революціи.

лучше не объясняла, что разумѣлося подъ словомъ *границы* Францiи. Уполномоченные присовокупили, что они получили отъ союзныхъ дворовъ положительную инструкцiю, чтобы объявить (что они симъ и выполняли), что эти два акта признаны недостаточными и настоятельно требовать отъ полномочнаго Французскаго Министра другой декларацiи. Эта декларацiя долженствовала содержать въ себѣ или *принятiе* ихъ проэкта трактата представленнаго въ собранiи 7 Февраля, или *отказъ*, или же *контръ-проэктъ*.

Но Г. Коленкуръ настаивалъ, чтобы приступили къ совѣщанiямъ. Уполномоченные отвѣчали, что они не хотятъ отказываться отъ совѣщанiя, потому что требовали котръ-проэкта, но что не могутъ принять такого, который бы не заключалъ предложенiй, могущихъ настоящимъ образомъ вести къ цѣли. Они потребовали отъ Французскаго уполномоченнаго опредѣлительнаго отвѣта; сей послѣднiй пожелалъ, чтобы засѣданiе было отложено до восьми часовъ вечера. Эта отсрочка, послѣ совѣщанiя со стороны союзныхъ уполномоченныхъ, была допущена; но притомъ объявлено, что если ввечеру Французскiй Министръ рѣшится представить согласiе на трактатъ 7 Февраля, или отказъ, или контръ-проэктъ, то его приглашали согласно съ положительными настоянiями дво-

ровъ, выполнить это въ двадцать четыре часа послѣ рѣшенія. Послѣ чего засѣданіе отложено до девяти часовъ вечера. По возобновленіи засѣданія Г. Коленкуръ наконецъ объявилъ, что онъ представитъ *контръ-проектъ*, что было какъ видѣли однимъ изъ требованій союзниковъ, и сдѣлаетъ это на другой день, 14 Марта въ девять часовъ вечера, но что все-таки онъ желалъ, чтобы отложили до утра 15 ч., если онъ 14 ч. ввечеру не успѣетъ докончить своей работы. Уполномоченные Министры союзниковъ торопились, и видя, что ничего не было готово, настаивали, чтобы засѣданіе было непремѣнно 14 ч. ввечеру, если никакая крайняя необходимость не заставитъ отложить его до утра 15 ч. Это было личное снисхожденіе къ Г. Коленкуру. Пятнадцатаго числа онъ представилъ *контръ-проэктъ*, подъ заглавіемъ: Проэктъ окончательнаго трактата между Франціею и союзниками. Въ этомъ непостижимомъ проэктѣ, предложенномъ послѣ столькихъ отсрочекъ, Г. Коленкуръ, къ великому и справедливому удивленію союзниковъ, не измѣнилъ *ничего* въ декларацiяхъ десятаго Марта. Онъ возражалъ снова на *окончательныя условія* союзниковъ, или на то, что должно было почитать такимъ, защищая множество мелочныхъ выгодъ, которыя были совершенно ничтожны при такомъ важномъ спорѣ.

По контръ-проекту Императоръ сохранялъ Рейнъ, и отказывался отъ Голландiи, Италiи и верховной власти надъ Швейцарiею, и признавалъ независимость Испанiи; но онъ упрочивалъ Италiянскую корону Принцу Евгенiю Наполеону.

Принцесса Елиза сохраняла также въ полной силѣ самодержавiе и обладанiе Луккою и Пiомбиною; Принцу Невшательскому оставалось его Княжество; а послѣ переходило къ его потомкамъ. Великiй Герцогъ Бергскiй (*) долженствовалъ также быть введенъ во владѣнiе своимъ Герцогствомъ; Король Саксонскiй введенъ въ полное и совершенное владѣнiе своимъ великимъ Герцогствомъ. Острова Iоническiе должны принадлежать во всемъ самодержавiи Королевству Италiи. Наконецъ всѣ прочiя условiя были таковы же, какъ и выше объясненныя и можно было подумать что ихъ предлагаетъ побѣдитель, у котораго непрiятель находится во власти, а не человѣкъ, удрученный несчастiемъ. Трудно было бы повѣрить такимъ непостижимымъ требованiямъ, если бы не знали Наполеонова характера. Но легко себѣ представить, что большая часть требованiй, изложенныхъ въ этомъ мнимомъ проэктѣ, были приняты союзниками съ насмѣшкою. Они замѣтили, что даже не означены на письмѣ владѣнiя, которыя уступить *на словахъ* дано

(*) Сынъ Лудовика Бонапарте.

было полномочіе, какъ то Кэль, Майенцъ, Кассель, Брабантъ въ Голландіи и другія земли. Какому прямодушному человѣку, который ищетъ истины, не очевидно будетъ, что эти договоры были слѣдствіемъ твердо принятой рѣшимости, не соглашаться на *окончательныя условія* союзниковъ, и проволочить переговоры? Не ясно ли, что въ этомъ странномъ проэктѣ, Наполеонъ намѣревается удержать Белгію и лѣвый берегъ Рейна? Безъ сомнѣнія онъ вполнѣ убѣжденъ былъ, что союзники никогда не согласятся, чтобы онъ удержалъ эти двѣ страны, которыя они могли у насъ исторгнуть. Что касается до Италіи, то все равно было, оставить ли ее ему, или признать Королемъ Принца Евгенія.

Все доказываетъ, что Французскій Полномочный Министръ оставался безъ положительныхъ инструкцій съ 5 числа Февраля, и что послѣ многихъ проволочекъ, которыя Наполеонъ безпрестанно возобновлялъ, Коленкуръ все не имѣлъ возможности отвѣчать положительно на предложенія союзниковъ. По чему? потому что Наполеонъ никогда не былъ намѣренъ заключить миръ въ Шатильонѣ на тѣхъ условіяхъ, которыя ему предписывали; я сказалъ тому причины; онъ все надѣялся, что какое нибудь счастливое событіе доставитъ ему средства къ полученію болѣе выгодныхъ условій.

Предъявя пятнадцатаго Марта странный про-

экть трактата, о которомъ я говорилъ, Коленкуръ требовалъ, чтобы оный былъ ратификованъ черезъ пять дней или скорѣе, если то можно было. Но чего было надѣятся отъ этого трактата? Уполномоченные не вдалися въ обманъ; они видѣли ясно, что надъ ними издѣваются, и опасаяся сдѣлаться еще жертвою хитростей и коварнаго поведенія Наполеона, приняли свои мѣры.

18 Марта, то есть три дня послѣ предъявленія этого проэкта трактату, они объявили, помѣстивъ въ протоколъ засѣданія того дня, что если согласиться на требованія Наполеона, и почесть эти предложенія достойными обсужденія, то это значило бы дать поводъ проволочкѣ въ переговорахъ, которая бы никогда не кончилась; что контръ-проэктъ, предъявленный наконецъ такъ поздно и полученный съ такимъ затрудненіемъ послѣ столькихъ отлагательствъ, былъ представленъ союзнымъ дворамъ, и что отъ нихъ получено предписаніе отвѣчать, что *этотъ контръ-проэктъ составленъ съ точки зрѣнія совершенно противуположной ихъ инструкціямъ и желанію упрочить Европѣ миръ.* Сверхъ того они говорили, что этотъ контръ-проэктъ имѣлъ слишкомъ неопредѣлительный смыслъ и удалялся слишкомъ отъ пунктовъ принятыхъ всѣми сторонами, долженствовавшихъ быть основаніемъ совѣщаній, по чему

его нельзя было слушать и минуты. Союзники не хотѣли болѣе, чтобы ихъ обманывали. Они видѣли для Европы болѣе опасности въ какомъ бы то нибыло трактатѣ съ Бонапарте, чѣмъ въ продолженіи войны въ томъ положеніи, въ какомъ она находилась. Всякой миръ могъ быть только перемиріемъ, которое бы продолжалось до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ не найдетъ средствъ захватить опять всѣ завоеванныя имъ земли и возсоздать свое владычество Европѣ.

«Франція, присовокупляли союзники, по условіямъ контръ-проэкта удерживала гораздо большее пространство земли, чѣмъ то согласно было съ равновѣсіемъ Европы. Наполеоновы уступки были только мнимыя. Онъ удерживалъ наступательныя позиціи и пункты атаки, посредствомъ коихъ произвелъ столько разрушеній. Чужеземные народы по прежнему будутъ составлять часть Французской націи; члены царствующаго дома будутъ на чужестранныхъ тронахъ; и по этому трактату Наполеонъ остался бы властителемъ внутреннихъ отношеній и участи державъ Европы. Только бы побѣжденные согласились на такія требованія. Чтобы предложить ихъ у Бонапарте были слишкомъ несоразмѣрныя средства, которыя онъ могъ противупоставить многочисленнымъ арміямъ, занимавшимъ Францію.»

Такъ объяснились союзники, которые не могли обманываться, при такомъ замѣдленіи, на счетъ настоящихъ намѣреній Наполеона. Что касается до меня, то я такъ былъ убѣжденъ, по объясненнымъ мною причинамъ, въ томъ, что Императоръ никогда не рѣшится подписать условія, содержащіяся въ окончательныхъ постановленіяхъ союзниковъ 13 Марта, что мнѣ помнится, я сказалъ тогда объ этомъ Г. Талейрану. Я увидѣлся съ нимъ на третій день и нашелъ его очень занятымъ полученною имъ отъ Герцога Виченскаго новостью (*). Его извѣщали о томъ, что несомнѣнно миръ скоро будетъ подписанъ; Коленкуръ получилъ предписаніе заключить его; наконецъ, сказалъ онъ, *Наполеонъ уполномочилъ его спасти столицу и уклониться отъ сраженія, въ которомъ бы подвергнулись опасности послѣднія пособія націи.* Это казалось очень положительно; но самая сія достовѣрность не заставила меня ни на минуту перемѣнить мое мнѣніе. Чтобы лучше меня убѣдить Г. Талейранъ далъ мнѣ прочитать самому Коленкурово письмо. Прочитавъ,

(*) Предъ отъѣздомъ Императора въ армію, Г. Талейранъ, у котораго лучше бы спрашивать совѣтовъ, чѣмъ раздражать его досадами, едва не сдѣлался жертвою устрояемыхъ противъ него козней. Щекотливыя жертвы его острыхъ словъ только что ходатайствовали у Императора объ арестованіи его. Императоръ не захотѣлъ этого и Талейранъ отдѣлался только одною довольно жаркою сценою.

я возвратилъ его, сказавъ съ увѣренностью: «Онъ не подпишетъ.» Г. Талейранъ не могъ непочесть такого моего постояннаго мнѣнія за упрямство, потому что онъ судилъ объ Императорѣ по его положенію, а я думалъ о Бонапарте по его характеру. Я сказалъ Г. Талейрану, что можетъ быть Коленкуръ получилъ письменное предписаніе подписать, чтобы показать оное уполномоченнымъ союзниковъ, но что онъ безъ сомнѣнія получилъ приказаніе обо всемъ представлять и ожидать окончательныхъ повелѣній. Я прибавилъ, что всѣ эти наружные виды ни сколько не измѣняли моего мнѣнія; что я по прежнему полагаю прекращеніе конгреса ближе, чѣмъ то по видимому кажется; въ самомъ дѣлѣ три дни спустя союзникамъ надоѣло, и совѣщанія прекратились. Я безпрестанно говорилъ Г. Талейрану и друзьямъ моимъ, что Наполеонъ скорѣе пожертвуетъ всѣмъ, чѣмъ славою — и это сбылось. Онъ упалъ очень съ высока; но не согласился подписать ни какого раздробленія. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ не столько дорожилъ короною само по себѣ, какъ ея славою.

Въ контръ-проэктѣ, представленномъ пятнадцатаго Марта Французскимъ Министромъ, не только отдалялись отъ основаній мира, предложенныхъ союзниками въ началѣ Шатильонскихъ переговоровъ, но еще этотъ контръ-

проэктъ былъ совершенно противенъ ихъ духу и не соотвѣтствовалъ ни одному изъ условій, слишкомъ снисходительно предложенныхъ для продолженія переговоровъ. Союзные дворы не могли видѣть въ томъ порядкѣ дѣлъ, которому слѣдовало Французское Правительство, ничего кромѣ желанія проволочить переговоры столь же безполезные, какъ и способные послужить имъ во вредъ. Безполезные потому что предложенія Франціи были противны тѣмъ условіямъ, которыя державы считали необходимыми; способные послужить имъ во вредъ потому, что безплодное продолженіе переговоровъ могло только ввести въ погрѣшность народы Европы, породя въ нихъ напрасно надежду на миръ, который сдѣлался ихъ первою необходимостью.

Уполномоченные союзныхъ державъ, убѣжденные въ томъ, что эти безпрестанно вновь раждающіяся затрудненія, и эти повторяемыя требованія, имѣли въ предметѣ только то чтобы выиграть время, и вмѣстѣ съ тѣмъ пораженные, видя, что отвергали въ отношеніи къ рѣшительному миру то, на что соглашались при простомъ перемиріи, объявили, что оставаясь вѣрными своимъ правиламъ и согласно съ ихъ прежними непремѣнными декларацiями, союзныя Державы считаютъ переговоры начатыя въ Шатильонѣ, оконченными *Французскимъ Правительствомъ*. Союзныя Державы при-

совокупляли чрезъ посредство своихъ уполномоченныхъ, что онѣ прежде не положатъ оружія, пока ихъ правила не будутъ признаны и приняты Французскимъ Правительствомъ. Это прекращеніе собраній послѣдовало 19 Марта, шесть дней спустя послѣ предложенія окончательныхъ условій союзниковъ, условій для подписанія, которыхъ сначала назначенъ былъ только срокъ въ двадцать четыре часа. Послѣдствія этихъ великихъ преній предоставлены случайностямъ войны, мало тогда благопріятнымъ человѣку, котораго геній боролся противъ вооруженной Европы. Успѣхи союзниковъ во время совѣщаній Шатильонскихъ показали имъ путь въ Парижъ, тогда какъ Наполеонъ отступалъ предъ необходимостью подписать свой стыдъ. Таковы были причины его гибели, и онъ могъ сказать: «*Все потеряно кромѣ славы.*» Слава его безсмертна.

++

ГЛАВА XXV.

Безполезное искуство Наполеоновыхъ маневровъ.—Достопримѣчательный разговоръ.—Точное положеніе союзниковъ въ отношеніи къ дому Бурбоновъ.—Наполеонъ единственный непріятель союзниковъ.—Мои старинныя связи съ Ренье.—Преждевременная смерть.—Наполеонъ отражаетъ Пруссаковъ.—Русскіе въ Фонтенебло.—Бріенское сраженіе и предполагаемыя мысли Наполеона.—Поѣздка моя въ Бріеннъ.—Тяжкія воспоминанія и смерть Графа Бріеня.—Странныя размышленія, и Бонапарте ребенокъ.—Пустыня и берега Оби.—Искушеніе Св. Антонія, стертыя картины и дѣтскія забавы.—Потонувшій Бріенскій воспитанникъ, и ива.—Одна жертва вмѣсто другой.—Вліяніе мѣстъ.

Между тѣмъ какъ вышеописанное происходило въ Шатильонѣ, Наполеонъ все еще питалъ себя надеждою, что его фортуна по прежнему сдѣлается ему вѣрною; замѣнялъ малое число войскъ, которое онъ могъ противупоставить непріятельскимъ громадамъ, самыми искусными маневрами, какіе только могъ выдумывать его геній. Я ненамѣренъ входить въ подробности объ этой достопамятной Шампань-

ской кампаніи. Когда я былъ вмѣстѣ съ Ренье у Савари, то прошло много времени, что мы не видались, и я очень былъ радъ встрѣчѣ съ нимъ. Мы очень хорошо съ нимъ познакомились въ Египтѣ, и съ того времени я началъ его много уважать. Увы! когда я встрѣтился съ нимъ у Герцога Ровиго, то никакъ не думалъ, что вижу его въ послѣдній разъ. Скоро я съ огорченіемъ узналъ о его смерти, послѣдовавшей того же 27 Февраля, когда онъ намѣревался ѣхать къ Наполеону въ Шампанію, чтобы предложить ему въ пособіе свои дарованія, мужество и вѣрность.

Французская кампанія требовала отъ Наполеона совсѣмъ новаго для него рода дѣйствій; привыкнувъ нападать, онъ принужденъ былъ защищаться, такъ, что вмѣсто выполненія прежде составленнаго плана, подобно какъ онъ мнѣ показывалъ въ Тюльерійскомъ кабинетѣ мѣсто Маренгскаго сраженія, ему надлежало безпрестанно подчинять свои расположенія движеніямъ безчисленныхъ его непріятелей. Когда Императоръ прибылъ въ Шалонъ на Марнѣ, то Прусская армія приближалась по Лорренской дорогѣ—онъ отбросилъ ее за Сенъ-Дизье. Въ тоже время большая Русская и Австрійская армія перешла Сену и Іонну въ Монтеро, и отдѣлила даже корпусъ впередъ, который достигъ Фонтенебло. Наполеонъ сдѣлалъ движеніе

въ право, чтобы отразить войска угрожавшія движеніемъ на Парижъ, и въ это время очень странное стеченіе обстоятельствъ сдѣлало, что Наполеонъ повстрѣчалъ эти войска, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы провели первые годы нашей жизни, столь тогда для него полные будущности, можно сказать баснословной. Какія воспоминанія и какія мысли долженствовали волновать его душу и тѣсниться въ ней, когда онъ видѣлъ себя Императоромъ и Королемъ, предводительствующимъ арміею, не давно еще столь сильною, въ замкѣ Графа Бріенна (*), которому онъ столь часто свидѣтельствовалъ свое почтеніе! Здѣсь-то онъ говорилъ мнѣ за тридцать четыре года: «Я надѣлаю твоимъ Французамъ столько зла, сколько буду въ силахъ» Конечно съ той поры онъ перемѣнилъ такое желаніе, но можно сказать, что фортуна упорствовала въ томъ, чтобы заставить великаго человѣка, противъ его воли, выполнить родившееся въ дѣтскомъ возрастѣ намѣреніе. Кто бы могъ предполагать, когда Бонапарте изъявлялъ предо мною такой дѣтскій гнѣвъ противъ Французовъ, что онъ привлечетъ нѣкогда своими ошибками вооруженную Европу въ нѣдра прекрасной Франціи, на счетъ которой онъ полу-

(*) Въ Бріеннѣ было сраженіе, въ которомъ Наполеонъ съ пятнадцатью тысячами держался двѣнадцать часовъ противъ восьмидесяти тысячъ Русскихъ.

чилъ свое воспитаніе, и даже въ мѣста, которыя были свидѣтелями его ученія и забавъ. Какъ бы то ни было, едва Наполеонъ увидѣлъ Бріеннъ, какъ побѣдитель, и былъ низвергнутъ къ своему паденію, которое дѣлалось болѣе и болѣе ощутительнымъ. Онъ уже не увидѣлъ болѣе этихъ мѣстъ, гдѣ провелъ самые счастливые годы, безъ сомнѣнія, изъ своего буйнаго поприща. Я былъ счастливѣе его; я увидѣлъ эту колыбель нашего дѣтства, и могу судить, какъ велико могущество мѣстъ на вообраніе и воспоминанія.

Наполеонъ былъ на островѣ Эльбѣ, когда я выполняя свое желаніе посѣтилъ поле Бріенскаго сраженія и такъ какъ воспоминаніе о впечатлѣніяхъ, которыя я тогда ощущалъ было неразлучно съ тѣмъ событіемъ, которое было для нихъ поводомъ, то я давая имъ здѣсь волю, не удерживаюсь опасеніемъ сдѣлать погрѣшность противъ счисленія времени. Когда я вышелъ изъ кареты и пришелъ на самое мѣсто сраженія, гдѣ я столько разъ будучи ребенкомъ прохаживался съ Наполеономъ, то мнѣ пришли въ голову самыя странныя мысли относительно участи, ожидавшей тогда столько дѣтей, бывшихъ нашими товарищами въ этомъ училищѣ, котораго я видѣлъ только мѣсто. Какая разница въ ихъ фортунѣ! Эти размышленія утвердили меня въ вѣрованіи,

которое съ того времени сдѣлалось во мнѣ неизмѣннымъ, что воспитанie есть только вспомогательное средство счастливыхъ расположенiй дѣтскаго возраста; организацiя человѣка дѣйствуетъ прямѣе на перемѣны его счастiя, а случай можетъ быть еще и болѣе.

Я прошелъ по великолѣпному замку Графа Брiенна, въ которомъ видны были слѣды войны и опустошенiя Я вспоминалъ съ невыразимымъ душевнымъ движенiемъ объ этомъ столь почтенномъ, столь обожаемомъ человѣкѣ, который составлялъ благополучie здѣшняго края и погибъ на эшафотѣ. Какое было его преступленie? Любовь, которую онъ умѣлъ внушить къ себѣ. Безчестный комитстъ, разсѣявавшiй повсюду смерть, устрашился отъ великаго числа депутацiй, которыя безпрестанно являлись съ требованiями Гр. де Брiенна, отца бѣдныхъ и тамошнихъ жителей. Свирѣпые люди, засѣдавшiе въ этомъ кровавомъ судилищѣ, не видѣли, или не хотѣли видѣть, въ этихъ ходатайствахъ, внушенныхъ благодарностью, ничего кромѣ расположенiя къ возстанiю, и подъ этимъ однимъ предлогомъ Г. Брiенна осудили на смерть. Эта смерть, о которой мнѣ часто говорилъ Бонапарте, не мало споспѣшествовала къ внушенiю ему ненависти къ Якобинцамъ, ненависти, которой онъ не скрывалъ со мною, потому что и я также не лю-

билъ ихъ; но его политика привуждала скрывать эту ненависть предъ людьми приверженными къ революціи, и которыхъ онъ преобразовалъ въ ступени для достиженія могущества.

Предавшись этимъ воспоминаніямъ на развалинахъ Бріення, я шелъ безъ всякой опредѣленной цѣли. Въ этой безмолвной и уединенной прогулкѣ случай привелъ меня къ пустынѣ, бывшей на самомъ концѣ сада на берегахъ Оби Время, съ помощію революціонныхъ рукъ и дыма пороха, изгладили, даже до послѣднихъ слѣдовъ, прекрасныя картины, представляющія искушеніе Св. Антонія, и которыя насъ восхищали въ ребячествѣ. Повсюду представлялся мнѣ вдругъ Бонапарте ребенокъ и Наполеонъ бѣдствующій. Я пошелъ къ берегу быстраго источника, въ водахъ котораго я такъ часто купался съ тѣмъ, который наполнилъ свѣтъ своимъ именемъ. Я узналъ то мѣсто, гдѣ мы обыкновенно рѣзвились въ прохладѣ водъ, и нашелъ иву, которую мы посадили, чтобы означить мѣсто, гдѣ погибъ одинъ изъ нашихъ товарищей. «За чѣмъ этотъ а не другой? подумалъ я самъ въ себѣ. Если бы судьба избрала тогда своею жертвою молодаго Корсиканца! . . . Какая бы разница была въ судьбѣ Франціи и цѣлаго свѣта!»

Когда я возвратился въ деревню, то мнѣ казалось, что я видѣлъ сонъ вмѣстѣ и тягост-

ный и прiятный; къ удовольствiямъ моихъ старинныхъ воспоминанiй, присоединялось какое-то тягостное чувство, причиняемое паденiемъ человѣка, который можетъ быть, несправедливо былъ противъ меня предубѣжденъ, но который готовностью своею вѣрить клеветѣ и жестокостью своихъ поступковъ, принудилъ меня не считать себя болѣе другомъ. На развалинахъ Брiеннскаго училища дружба вполнѣ возродилась.

+++

ГЛАВА XXVI.

Чудесная дѣятельность. — Театръ войны приближается къ Парижу.—Очеркъ Французской кампаніи. — Пораженіе Русскихъ и Наполеонъ въ Троа.— Шамъ-Абертское сраженіе. —Ужинъ Наполеона съ двумя Маршалами. — Не вѣроятныя мѣчты и удачное слово Генерала Друо.— Перемѣны счастія — Извѣстіе о прибытіи Герцога Ангулемскаго во Францію.—Графъ д'Артуа въ Весулѣ — Война вороновъ противъ орла.—Подвиги Мармона, Макдональда и Мортье. —Безпрестанно возрастающая преданность Савари. — Обманчивыя надежды.— Прибытіе Бернадота на Французскіе границы —Краонское сраженіе и раненые Генералы.—Вліяніе зрѣлища раненыхъ на Парижскихъ жителей. — Герцогъ Ангулемскій въ Бордо. — Отъѣздъ Папы и отсылка Испанскихъ Принцевъ.—Взятіе конвоя и бюллетень Бюлова. — Макдональдъ въ главной Императорской квартирѣ. —Вліяніе перевернутой цыфры — Нація утомлена Императорскимъ правленіемъ. — Послѣднія и безполезныя покушенія.— Послѣднія числа Марта и союзники предъ Парижемъ.

———

Я сказалъ, что не войду въ подробности о Французской кампаніи потому что описанія войнъ и сраженій выходятъ изъ начертанныхъ

мною себѣ границъ; но все таки я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о дѣятельности, истинно чудесной, какую явилъ Наполеонъ со времени отъѣзда своего изъ Парижа, до самого вступленія союзниковъ въ столицу. Мало великихъ успѣховъ дозволили нашимъ Генераламъ и Французской Арміи пожать столько славы, какъ въ продолженіи этихъ уроновъ, потому что можно торжествовать безъ славы и пасть съ честію. Случайности войны были несомнѣнны, но навѣрное многочисленныя арміи союзниковъ не долженствовали ожидать такого продолжительнаго и блестящаго сопротивленія. Театръ военныхъ дѣйствій, въ короткое время, такъ сталъ близокъ къ Парижу, что жадность, съ какою ожидали извѣстій изъ арміи была въ скорости удовлетворяема, и когда узнавали о какомъ нибудь новомъ успѣхѣ Императора, то его приверженцы видѣли уже непріятеля изгнаннымъ изъ земли Французской. Я ни на минуту неискушался такими мечтами, зная расположенія и способы Государей ополчившихся противъ Наполеона, къ тому же перемѣны счастія были столь внезапны въ этой борьбѣ истребленія, что иногда за звукомъ пушекъ изъ Инвалиднаго дома, возвѣщающимъ побѣду, слѣдовалъ въ далекѣ гулъ артиллеріи, показывающій близкое отъ столицы присутствіе непріятеля.

Императоръ выѣхалъ изъ Парижа 25 Генваря, то есть въ то самое время когда Александръ, Императоръ Австрійскій и Король Прускій съѣхались въ Лангресѣ. Наполеонъ прибылъ къ своей гвардіи въ Витри; и на другой день прогналъ Прускую армію, которую принудилъ очистить Сенъ-Дизье. Два дни спустя послѣдовало Бріеннское сраженіе, о которомъ я говорилъ, и наконецъ 1 Февраля отъ семидесяти до восьмидесяти тысячъ человѣкъ, какъ изъ Французской арміи, такъ и изъ арміи союзниковъ, сошлися. Предводительствовавшіе обѣими арміями оба подвергались личнымъ опасностямъ; подъ Наполеономъ убита лошадь, а возлѣ самого Блюхера убитъ козакъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ этого великаго дѣла, Наполеонъ вступилъ въ Троа, гдѣ онъ остался не долго, а пошелъ къ Шамъ-Оберту, гдѣ было сраженіе, ознаменовавшее это мѣсто. Шамъ-Обертское сраженіе дано 10 Февраля, и безъ преувеличенія можно сказать, что въ это время Французской арміи каждый день приходилось выдерживать по сраженію, а часто даже и по нѣскольку въ разныхъ мѣстахъ. Такъ напримѣръ 11 Февраля, то есть на другой день послѣ того сраженія, о которомъ я говорилъ, дрались въ трехъ мѣстахъ съ разнымъ успѣхомъ: въ этотъ день Принцъ Виртембергскій вступилъ въ Санъ, мой родимый городъ, кото-

рый ему достался послѣ самого упорнаго сопротивленія гарнизона, тогда какъ Генералъ Бурмонъ мужественно отражалъ непріятеля предъ Ножаномъ, а въ Монмиралѣ Императоръ поражалъ единственные корпуса Генераловъ Іорка и Сакена.

Послѣ Шамъ-Обертскаго сраженія Императоръ составлялъ себѣ такую мечту о своемъ положеніи, что въ тотъ же вечеръ ужиная съ Бертье, Мармономъ и плѣнникомъ своимъ Генераломъ Алсуфьевымъ: «Ну, Господа, сказалъ «онъ имъ, еще такую же побѣду, и я на Вис«лѣ.» Видя, что никто не отвѣчаетъ и полагая, что примѣчаетъ на лицахъ Маршаловъ, что они не раздѣляютъ его надеждъ: «Вижу очень, «Господа, прибавилъ онъ, что всѣмъ война на«доѣла; нѣтъ болѣе энтузіазма; весь священный «огонь, кажется, въ васъ потухъ.» Потомъ вставъ изъ-за стола онъ пошелъ прямо къ Генералу Друо, съ видимымъ намѣреніемъ сдѣлатъ ему комплиментъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ осудить Маршаловъ. «Не правдали, Генералъ, сказалъ онъ «ему, ударивъ его по плечу, что для успѣха до«вольно бы было ста человѣкъ такихъ какъ «вы.» Друо отвѣчалъ ему сколько остроумно, столько кстати и скромно: «Скажите ста ты«сячъ, Государь.»

Какъ бы то ни было, фортуна благопріятно улыбнулась Наполеону; но скоро она явила се-

бя менѣе милостивою, и невозможно было быть иначе, потому что когда мы теряли двадцать человѣкъ, то уронъ для насъ былъ также великъ, какъ для союзниковъ, когда они теряли сто. Формировать полки сдѣлалось очень трудно; рекруты еще не подоспѣли къ Французскимъ знаменамъ, тогда какъ войска союзниковъ, расположенные отъ самой Германіи до центра Франціи, приходили ежедневно и не только покрывали потери, которыя имъ причиняла Французская храбрость, вспомоществуемая геніемъ Бонапарте, но еще безпрестанно увеличивали непріятельскую армію. Однакоже успѣхъ обѣихъ сторонъ былъ довольно долго непостояненъ; Фельдмаршалъ Блюхеръ принудилъ тринадцатаго числа Французскій корпусъ отступить; за то на другой день онъ былъ побѣжденъ у Вошама Герцогомъ Рагузскимъ, тогда какъ въ тотъ же день Графъ Винценгероде взялъ Соассонъ.

17 и 18 числа Февраля были два благопріятныхъ дня для Французскаго оружія. 17 корпусъ Генерала Витгенштейна претерпѣлъ рѣшительное пораженіе въ Вилленевѣ, а корпусъ Генерала Вреде въ Нангисѣ. Въ первомъ изъ сихъ сраженій Австрійцы потеряли множество людей, пороховыхъ ящиковъ, ружей и пушекъ. 18 Принцъ Виртембергскій нашелъ себя вынужденнымъ очистить Монтеро, послѣ бывшаго

въ этомъ городѣ сраженія. Какое было печальное зрѣлище, видѣть сражающихся одинъ противъ другаго Генераловъ, которые еще за два года дрались подъ одними знаменами. Но Наполеонъ хотѣлъ этого, дѣлая изъ своего союза несносное бремя и отказываясь всегда склонить свое честолюбіе предъ законами необходимости.

Наполеонъ, совершенно предавшись военнымъ дѣламъ, не имѣлъ тогда времени заниматься внутренними дѣлами. Но уже онъ имѣлъ другія причины къ безпокойству, кромѣ тѣхъ, которымъ служила поводомъ участь сраженій. Ему не безъизвѣстно было, что въ первыхъ числахъ Февраля Герцогъ Ангулемскій прибылъ въ Сенъ-Жанъ де Луцъ, откуда адресовалъ, отъ имени дяди своего Лудовика XVIII прокламацію къ Французскимъ солдатамъ; и вскорѣ онъ услышалъ о пребываніи Графа д'Артуа въ Везулѣ, куда этотъ Принцъ прибылъ двадцать перваго Февраля, а выѣхалъ оттуда 16 слѣдующаго Марта.

Между тѣмъ военныя дѣйствія продолжались на обширномъ пространствѣ и все съ новымъ ожесточеніемъ; какою безполезною славою покрылись наши солдаты въ столькихъ сраженіяхъ! Но не смотря на чудеса ихъ храбрости, корпуса сходились и приближались къ центру.

Передъ истеченіемъ Февраля мѣсяца союз-

ники отступали въ разныхъ пунктахъ. Мармонтъ отражалъ нападенія Блюхера, тогда какъ Наполеонъ, преслѣдуя Австрійцевъ, благоразумнымъ маневромъ раздѣлилъ свои силы такъ, что часть ихъ могъ противопоставить Силезской арміи, которая угрожала его тылу. Въ тоже время Маршалы Викторъ, Удино и Макдональдъ шли впередъ по дорогамъ къ Оби и Сенѣ. Удино вошелъ силою въ Баръ-на Оби, а Макдональдъ, пройдя Баръ-на-Сенѣ, дошелъ до Ла Ферте. Но отступленіе союзниковъ, не было пораженіе. Испытавъ нѣсколько неудачь, они сомкнулись другъ съ другомъ, не давъ себя разстроить, и отретировались позадь Оби, гдѣ они вновь устроились съ помощію многочисленныхъ подкрѣплѣній, которыя, какъ я упомянулъ, приходили къ нимъ ежедневно, что привело ихъ въ состояніе начать снова наступательныя дѣйствія. Савари, съ которымъ я продолжалъ часто видѣться, приходилъ въ отчаяніе отъ получаемыхъ изъ арміи дурныхъ извѣстій, и я могу сказать, что его преданность къ Императору возрастала при каждой его неудачѣ; но онъ не могъ вѣрить, чтобы счастіе покинуло того, кому оно такъ долго покровительствовало. Нашъ образъ мыслей по сему предмету, былъ столь же различенъ, какъ и наши положенія; онъ надѣялся, что союзники уступятъ что либо изъ своихъ требованій, послѣ

какой нибудь знаменитой одержанной Императоромъ побѣды, потому что Савари сильно желалъ мира; онъ зналъ лучше всякаго, сколько миръ былъ нуженъ Франціи. Люди, которые любятъ сами себя обманывать, все думали, что Австрійскій Императоръ можетъ быть отстанетъ отъ союза, или никогда не согласится, чтобы дочь его сошла съ Французскаго престола. Событія доказали, что надлежало тутъ думать; но тогда тѣ, кто старался вѣрить отдѣленію Австріи, были скоро разочарованы когда узнали, что 1 Марта Министры Англійскій, Австрійскій, Русскій и Прусскій подписали въ Шомонѣ трактатъ о союзѣ на двадцать лѣтъ, если этого времени потребуется, чтобы принудить Францію къ миру, который обезпечиваетъ независимость и спокойствіе Европы. Двадцать лѣтъ! . . . понадобилось только тридцать дней.

Эти послѣдніе тридцать дней существованія Французской Имперіи были ознаменованы столькими событіями, что для описанія ихъ понадобилась бы цѣлая книга. Сначала союзники отняли назадъ Троа, откуда ихъ вытѣснили, и въ тоже время Шведская армія подъ начальствомъ Наслѣднаго Шведскаго Принца пришла на Французскія границы. Я получилъ отъ одного моего пріятеля письмо, въ которомъ извѣщали меня, что Бернадотъ говорилъ всякому, кто только хотѣлъ его слушать, что союзники

твердо рѣшились отнять власть у Наполеона и его семейства. Онъ говорилъ о возстановленіи Бурбоновъ, не такъ какъ объ условіи, которое союзники налагали на Францію, но такъ какъ о вѣроятномъ дѣлѣ. Шведскій участокъ не могъ быть для союзниковъ важнымъ подкрѣпленіемъ, но они хотѣли, чтобы вся Европа была представлена въ этомъ великомъ вооруженномъ протестѣ противъ владычества Наполеона.

Между тѣмъ Наполеонъ изумилъ еще ополчившуюся противъ него Европу; въ Краонѣ 7 Марта онъ разбилъ корпусъ Блюхера въ очень жаркомъ дѣлѣ, но при этомъ побѣда стоила множества людей побѣдителю. Маршалъ Викторъ былъ тяжело раненъ, также Генералы Груши и Ла Феріеръ. При этомъ случаѣ я замѣчу, какъ велико было нравственное вліяніе на Парижскихъ жителей отъ близости непріятельскихъ дѣйствій. Пока война была въ далекѣ, то конечно часто во многихъ семействахъ надѣвали трауръ, но раненые такъ часто не извѣщали о себѣ, увѣдомляя въ одно время и о полученной ранѣ и о выздоровленіи. Не таково было во время описываемой мною кампаніи, по той мѣрѣ, какъ поле сраженія приближалось къ Парижу; не слышно было болѣе стоновъ раненыхъ подъ Аустерлицами или подъ Москвою; одна слава этихъ великихъ битвъ достигала столицы; но слава Шамъ-Обе-

ра и Краоны была сопровождаема конвоемъ раненыхъ, которыхъ видѣли мученія; видѣли какъ загромождали гошпитали несчастными, тогда какъ перевозили въ домы Генераловъ, Полковниковъ и Офицеровъ, которымъ состояніе дозволяло пользоваться дома; въ Парижѣ повсюду, въ домахъ и въ лавкахъ женщины только и дѣлали что готовили корпію; такъ было велико число раненыхъ. Испытывая столько бѣдствій, и ожидая еще большихъ, начинали понимать, что было законнаго въ дѣлаемомъ чужестранными арміями себѣ удовлетвореніи, арміями, которыхъ Наполеонъ искалъ на самомъ концѣ Европы; но отъ того терпѣли не менѣе, и таковъ Французскій характеръ, что въ театрахъ были зрители.

Наполеонъ съ помощію своихъ сподвижниковъ продолжалъ оспаривать каждый шагъ земли; но уже знали, что Герцогъ Ангулемскій вошелъ въ Бордо; извѣстно, какъ встрѣтили его жители — пріемъ былъ, можетъ быть, болѣе лестный чѣмъ того желали тѣ, кто способствовалъ его возвращенію во Францію; вскорѣ узнали, что Графъ д'Артуа вышелъ изъ Версула и отправился въ Нанси. 20 Марта, день который предопредѣленіе казалось назначило для великихъ эпохъ Наполеоновой судьбы, вторый городъ Имперіи, уже не Римъ, а Ліонъ, занятъ Австрійскимъ корпусомъ подъ

начальствомъ Генерала Бубны и въ тотъ же день Наполеонъ взялъ Арцисъ на Оби; на другой день подъ нимъ опять убили лошадь въ частномъ сраженіи, потому что Наполеонъ жертвуя собою войнѣ, не жалѣлъ себя, какъ на Аркольскомъ мосту: хорошо бы для него было, если бы онъ, какъ Густавъ Адольфъ и Тюрень, нашелъ смерть въ послѣднемъ своемъ сраженіи.

Между тѣмъ, какъ Наполеонъ стоялъ противъ столькихъ непріятелей, собравшихся чтобы сокрушить его, можно было сказать, что онъ явилъ себя собственнымъ своимъ непріятелемъ, по ложному ли расчету, или по небреженію въ отношеніи къ высокимъ плѣнникамъ, которые при отъѣздѣ его изъ Парижа не были еще отосланы въ ихъ владѣнія. Папа былъ тогда въ Фонтенебло, а Испанскіе Принцы въ Валансеѣ. Папу перваго отослали въ Римъ и я видѣлъ, какъ Герцогъ Ровиго нѣсколько разъ приказывалъ, чтобы на дорогѣ Его Святѣйшеству оказывали все уваженіе и вниманіе, какого требовали его лѣта и санъ. Наполеонъ конечно не думалъ о Папѣ и о пользѣ, какую онъ могъ ему принести въ Римѣ, который по причинѣ одного его присутствія, Мюратъ не осмѣлился занять своими войсками; но какой то духъ безумія началъ соединяться съ могуществомъ Наполеонова генія. Не повиновался ли

онъ этому духу безумія въ дѣлахъ Испанскихъ Принцевъ? Какъ растолковать то, что Наполеонъ задержалъ ихъ плѣнниками въ Валансеѣ до 13 Марта! Я знаю, что Фердинандъ VII не внушалъ и не заслуживалъ никакого участія, по причинѣ оскорбительныхъ поступковъ съ своимъ отцемъ и можно было предугадывать *странный характеръ*, который онъ покажетъ на Испанскомъ престолѣ; но вопросъ былъ вполнѣ политическій, и можно сказать, что разсудительность Наполеона оставила его въ этомъ важномъ обстоятельствѣ. Надобно было ему быть слишкомъ ослѣплену увѣренностью въ своемъ счастіи, чтобы такъ долго вѣрить возможности сохранить во Франціи эти безполезные трофеи падшихъ притязаній. Признаюсь, что я никакъ не могъ себѣ растолковáть поведенія Наполеона въ семъ отношеніи; можно было такъ просто кончить съ Валансейскими особами, отославъ ихъ туда откуда взяли! Такъ было естественно воротить со всею поспѣшностію войска съ Юга, когда наши Германскія арміи начали отбрасывать къ Рейну и даже во Францію! Съ помощію этихъ привыкшихъ къ военнымъ трудамъ войскъ, можетъ статься очень бы возможно было, чтобы Наполеонъ и его геній еще разъ сдѣлали перевѣсъ фортуны на свою сторону; но нѣтъ; Наполеонъ надѣялся на націю, и напрасно, пото-

му что нація имъ была утомлена; умноженіе налоговъ, наборы, торговля раззоренная континентальною системою, остановка въ дѣлахъ, вмѣсто закона произволъ, занятіе земли непріятельскими войсками, таковы были причины всеобщаго утомленія, и Бонапарте не смѣя самъ себѣ признаться, ошибочно полагался на народъ въ защитѣ его дѣла, которое такъ издавна было уже не дѣломъ отечества

Послѣднія числа Марта были для Наполеона рядомъ бѣдствій. 23 аріергардъ Французской арміи претерпѣлъ значительныя потери; слово аріергардъ должно было очень непріятно раздаваться въ ушахъ Императора, котораго авангарды столько разъ открывали путь большой его арміи! Вскорѣ Князь Шварценбергъ переходитъ Объ и идетъ на Витри и Шалонъ. Наполеонъ, полагаясь на возможность защищать Парижъ, бросается съ быстротою орла въ тылъ Шварценбергу, пройдя чрезъ Дулеванъ и Баръ на Оби; онъ подвигаетъ свои авангарды до Шомона, и видитъ, что Австрійская армія дѣлаетъ движеніе, которое онъ сочелъ за отступленіе; но ничего не бывало— это движеніе было направлено на Парижъ, тогда какъ Блюхеръ снова занимавшій Шалонъ-на Марнѣ, пустился на встрѣчу Князю Шварценбергу, такъ что Наполеонъ, думая имъ отрѣзать путь къ отступленію, самъ у себя отрѣзалъ возможность идти

на Парижъ. Все тогда зависѣло отъ защиты Парижа, или, говоря правду, можно было, можетъ статься, пожертвовавъ столицею, продолжить на нѣсколько дней существованіе призрака Имперіи, которая разрушалась со всѣхъ сторонъ. Двадцать седьмаго числа было Феръ-Шампенуазское сраженіе, въ которомъ мужество не могло долго противустоять числу, и Маршалы Мармонъ и Мортье были принуждены отступить къ Сезаннѣ, съ значительнымъ урономъ.

26 Марта (прошу читателя замѣтить это число) Наполеонъ испыталъ уронъ, который въ настоящихъ его обстоятельствахъ, былъ въ самомъ дѣлѣ уронъ невознаградимый: въ Феръ-Шампенуазскомъ сраженіи, союзники взяли обозъ, въ которомъ находились всѣ остальные наши запасы; они также захватили множество оружія, пороховыхъ ящиковъ, аммуниціи и экипажей всякаго рода: все это сдѣлалось добычею союзниковъ, которые дали напечатать бюллетень, съ описаніемъ въ подробности этой важной добычи. Экземпляръ приказа объ этомъ попался въ руки Маршалу Макдональду, который счелъ, что такое извѣстіе должно довести немѣдленно до свѣдѣнія Императора; онъ зналъ, что Наполеонъ, какъ я то сказалъ въ первыхъ частяхъ моихъ Записокъ, хотѣлъ, чтобы никогда не мѣшкали въ доставленіи ему худыхъ извѣстій. Въ это время Наполеонъ былъ такъ не

счастливъ, что передъ нимъ умалчивали объ этихъ извѣстіяхъ, пока онѣ не были доказаны; но Маршалъ не могъ сомнѣваться въ вѣрности бюллетеня. Макдональдъ поѣхалъ самъ въ главную квартиру къ Императору, который тогда намѣревался взять обратно Витри, занятый Прусаками. Маршалъ, чтобы отклонить его отъ этого, какъ отъ безполезнаго покушенія, далъ ему прочитать бюллетень: это было утромъ 27 Марта. Наполеонъ не хотѣлъ вѣрить такой новости. «Нѣтъ, сказалъ онъ Маршалу, «васъ обманули, это не можетъ быть правда.» Потомъ посмотрѣвъ Бюллетень съ бо́льшимъ вниманіемъ, прибавилъ съ живостью: «Нате, по«смотрите сами; сего дня 27, а бюллетень из«данъ 29-мъ числомъ; вы видите, что это не «возможно; бюллетень ложный!» Маршалъ, обращавшій болѣе вниманія на самое извѣстіе, чѣмъ на число, сначала изумился; но когда показалъ бюллетень Друо: «Увы, Маршалъ, сказалъ ему «Генералъ, извѣстіе справедливо; тутъ только «опечатка—9 есть поставленное вверхъ ногами «6!» Отъ какой бездѣлицы, часто зависятъ самыя важныя вещи! Постановленной вверхъ ногами цифры достаточно было, чтобы льстить Бонапарте въ его мечтахъ, или покрайней мѣрѣ въ тѣхъ, которыя онъ хотѣлъ сохранить между достойнѣйшими изъ своихъ сподвижниковъ, замѣдляя тою минутою, когда они узнаютъ что

оплакиваемый ими уронъ, случился въ самомъ дѣлѣ!

Въ этотъ самый день Императрица выѣхала изъ Парижа, о чемъ я здѣсь упоминаю только какъ о событіи случившемся этого числа; въ послѣдствіи я долженъ, буду говорить о томъ, чего я былъ свидѣтелемъ въ Парижѣ и о происшествіяхъ, въ которыхъ принять участіе, меня призвали. Тогда легко можно было видѣть, что все кончено. Въ самомъ дѣлѣ союзники 28 числа перешли Марнь въ Трипортѣ, а 29 достигли Мо, гдѣ расположились дивизіи Вреде и Сакена и держались тамъ, не смотря на сильное нападеніе, въ которомъ Маршалъ Мортье прогналъ Генерала Іорка въ Клей; 29 число союзники посвятили пріуготовленіямъ къ атакѣ на другой день Парижа, а Маршалы Мармонъ и Мортье, къ тому чтобы дорого продать входъ въ столицу. Они не могли защищать ее съ успѣхомъ; капитуляція спасла ее; это вмѣнили въ преступленіе Мармону; такова справедливость людей!

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ.

ПИСЬМО ГЕРЦОГА РОВИГО, МИНИСТРА ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПОЛИЦІИ, КЪ ПРИНЦУ ЭКМЮЛЬСКОМУ МАРШАЛУ ДАВУ.

Парижъ 16 Іюля 1813.

Господинъ Маршалъ!

Я получилъ письмо, которымъ Ваше Сіятельство меня почтить изволили отъ 3 Іюля, и которымъ извѣщаете меня, что по просьбѣ моей приказали выпустить на свободу Г. Бувье. Я бы желалъ, Г. Маршалъ, чтобы вы не изволили приказывать ему выѣхать изъ Гамбурга, до полученія сего письма, въ которомъ я постараюсь убѣдить васъ въ томъ, какъ необходимо мнѣ было содержать тамъ столь полезнаго агента. Не смотря на гласность его арестованія, я не вижу затрудненія, чтобы по прежнему употребить его тамъ. Это, напротивъ, было бы еще новымъ средствомъ получить отъ него всѣ свѣдѣнія, которыхъ я требовалъ, потому что направленіе, которое я ему далъ не касается ни до политики, ни до Государственнаго управленія. Онъ былъ для меня надежнымъ и вѣрнымъ эхомъ всѣхъ жалобъ, которыя онъ на кого либо слышалъ, а мнѣ оставалось употреблять это, какъ я хотѣлъ. Я имѣлъ намѣреніе скрыть о его надзорѣ въ Гамбургѣ только отъ тѣхъ, за кѣмъ ему надзирать надлежало, и я не могъ жалѣть о томъ, что небольшое гоненіе доставило ему нѣсколько болѣе еще довѣренности со стороны тѣхъ, кто хотѣлъ жаловаться. Это заступило для него мѣсто денегъ, чтобы заплатить имъ.

Вы распорядились иначе, Г. Маршалъ; Г. Бувье уѣдетъ, и въ продолженіи всего Вашего управленія 32 военною дивизіею, я не помѣщу въ оную агента, который бы лично вамъ былъ непріятенъ. Но то, что я буду имѣть честь объяснить вамъ, покажетъ, не потеряетъ ли Императорская служба отъ того, что я лишусь человѣка, который мнѣ такъ хорошо служилъ. Я между тѣмъ долженъ предупредить Ваше Сіятельство, что я предписалъ Г. Бувье остаться пока въ Вестфаліи и ожидать, когда я найду случай употребить въ пользу его услуги.

Я перейду къ послѣдней статьѣ Вашего письма, и буду отвѣчать на довѣренность, которую мнѣ оказывать изволите. Мы знаемъ другъ друга давно и одушевлены одинаковыми чувствами къ Императору. Я не поставлю третьяго лица между нами, обнаружа интригу, которая имѣетъ въ предметѣ, чтобы обоихъ насъ обмануть. Я прошу напередъ В. С имѣть въ виду, что я говорю это одним Вамъ, потому что никакъ не хочу ни заводить ссоры, ни приниматься за оправданіе кого либо; но только желаю показать изложеніемъ событій, правоту принятаго мною мнѣнія, о всемъ томъ, что происходило въ моемъ управленіи Гамбургскимъ Департаментомъ. Такъ какъ В. С. мнѣ говорите, что если я имѣю какія причины думать, что вы ошибаетесь на счетъ дѣлъ, или людей, то чтобы я сказалъ Вамъ это откровенно, и что вы искренно признаете свои ошибки, по сему я буду говорить Вамъ отъ чистаго сердца, безъ всякой страсти, безъ предубѣжденія и имѣя въ виду только одну пользу службы Императорской.

Я обращусь, Г. Маршалъ, къ устройству полицейскаго управленія въ Гамбургѣ. В. С. припомните, что я не объяснилъ никакого мнѣнія о выборѣ Г. д'Обиньоска, котораго я не зналъ. Казалось, что онъ Вамъ нравится. Я счелъ, что онъ заслуживаетъ моей довѣренности; потому что въ Гамбургѣ мнѣ только хотѣлось завести хорошую полицію. Подчиненные агенты этой полиціи назначены были по представленіямъ Г. д'Обиньоска, исключая нѣсколькихъ человѣкъ, противъ которыхъ всѣ отзывались уже слишкомъ съ явнымъ негодованіемъ.

Съ этихъ поръ я началъ внимательнѣе смотрѣть на то, что дѣлало это управленіе. День ото дня я дѣлался недовѣрчивѣе, потому что я вскорѣ замѣтилъ, что главнымъ занятіемъ Г. д'Обиньо-

ска было узнавать, о сношенiяхъ, какiя могли существовать между Г. Бурiенномъ и мною. Всѣ его письма дышали страстью и были исполнены ненависти, которой я не понималъ причины и которой судьею быть мнѣ было со всѣмъ ненужно. Это не имѣло ничего общаго съ обязанностями Гамбурскаго управленiя. Нѣтъ сомнѣнiя, Г. Маршалъ, что мнѣ приходилось искать у Г. Бурiенна всѣхъ свѣдѣнiй, которыя о Гамбургѣ я долженъ былъ бы находить въ перепискѣ Г. д'Обиньоска, и не находилъ. Если бы тамъ вмѣстѣ съ Г. Бурiенномъ былъ другой Французскiй Министръ, который также бы долго жилъ въ Гамбургѣ, то я къ нему также отнеслись бы для полученiя полезныхъ свѣдѣнiй. За чѣмъ Г. д'Обиньоскъ жалуется на то, что видались съ Г. Бурiенномъ? Онъ не жалуется на то, что видались съ Г. Дорманомъ, Абендротомъ Геннишемъ и другими. Министры внутреннихъ дѣлъ, коммерцiи, финансовъ, казначейства видались съ ними часто наединѣ и имѣли совѣщанiя о дѣлахъ ихъ департаментовъ, такъ какъ я ихъ видалъ по дѣламъ моего министерства; и такова была слѣпая ненависть Г. д'Обиньоска противъ Г. Бурiенна, что онъ ему приписывалъ большую часть свѣдѣнiй, которыя я почерпалъ изъ разныхъ источниковъ: это мнѣ доказывала его переписка. Я его оставилъ въ такомъ ошибочномъ мнѣнiи. Я говорю это здѣсь В. С. въ отвѣтъ на то мѣсто вашего письма, гдѣ вы говорите, *что мы различно смотримъ на Гамбургскiя дѣла, потому что свѣдѣнiя объ нихъ почерпаемъ изъ различныхъ источниковъ.* В. С. совершенно ошибаетесь. Я никому не дозволяю имѣть на меня влiянiя; у меня всегда есть разные очки, чтобы смотрѣть на одинъ предметъ, и если бы поступалъ иначе, то мнѣ скоро пришлось бы перемѣнить врученную мнѣ власть на несносное тиранство. Я не руководствуюсь побужденiями ни Г. Бурiенна противъ Г. д'Обиньоска, ни Г. д'Обиньоска противъ Бурiенна; послѣднiй до того вѣжливъ, что никогда не говоритъ мнѣ объ немъ, а Г. д'Обиньоску я не дозволяю говорить объ немъ въ своихъ письмахъ. Здѣсь въ особенности, я буду отвѣчать той довѣренности, которой В. С. отъ меня требуете, и я Васъ самихъ поставлю въ судьи о томъ мнѣнiи, которое я долженъ былъ себѣ составить, препровождая всѣ служащiя доводомъ бумаги.

Сначала я былъ предупрежденъ самимъ Гамбургомъ, что Г.

д'Обиньоскъ стращалъ Г. Бувье. Впрочемъ онъ зналъ, что я его употребляю, и долгъ его былъ Васъ объ этомъ увѣдомить и тѣмъ отвратить огласку, которая могла быть мнѣ непріятна, потому что я не отказывался дать объясненія послѣ его арестованія. Я вижу изъ донесенія Г. Реалю, съ коего я здѣсь прилагаю копію, что онъ оправдываетъ себя въ такомъ распоряженіи, говоря, что все сдѣлано по приказанію В. С. не смотря на его представленія. Меня сначала поразила, Г. Маршалъ, неправильность въ арестованіи этого агента. Эта неправильность, которая въ глазахъ министра, есть важный проступокъ, показываетъ еще ненависть, которая руководила Г. д'Обиньоскомъ. Вотъ она:

Онъ выполнилъ приказаніе В. С., и хорошо сдѣлалъ, но мнѣ бы надлежало получить въ теченіи двадцати четырехъ часовъ протоколъ объ этомъ арестѣ, и этотъ протоколъ долженствовалъ заключать всѣ доказательства къ обвиненію и оправданію его, найденныя въ бумагахъ обвиненнаго, признанныя и намѣченныя имъ по листамъ. Такъ поступаетъ полиція во всей Французской Имперіи, исключая Гамбурга, гдѣ Г. д'Обиньоскъ во второй разъ нарушаетъ эти правила. Не только не составили протокола, но даже сняли, въ неприсутствіи обвиненнаго печати, приложенныя имъ къ бумагамъ. Онъ тогда былъ въ правѣ всѣ ихъ отвергнуть; и я спрошу васъ, Г. Маршалъ, если бы такъ поступили съ Государственнымъ преступникомъ, невышло ли бы изъ того, что лишили бы себя способа предать его въ руки правосудія, которое не терпитъ подобныхъ поступковъ. Какого я долженъ быть мнѣнія о такомъ поведеніи? Долженъ ли я приписать его усердію Г. д'Обиньоска передать мнѣ бумаги, подкрѣпляющія его доказательства? но присутствіе Г. Бувье при снятіи печатей, не истребило бы этихъ бумагъ; не въ правѣ ли я, на противъ того, думать, или что не было въ готовности другихъ для подлогу или, что хотѣли вынуть служащія оправданіемъ? Что дѣйствительно случилось, какъ вы увидите изъ копіи съ письма Г. Бувье, вмѣстѣ съ коею я прилагаю такую же копію съ письма Г. Бурьенна къ Г. Бувье, которое долженствовало быть вамъ доложено, чего не сдѣлано, потому что это способствовало бы къ истребленію неблагопріятнаго впечатлѣнія, которое въ васъ погасить старались Г.

д'Обиньоскъ тѣмъ болѣе виновать, поступивъ такимъ образомъ, что при арестованiи Г. Герцта, онъ сдѣлалъ тоже и получилъ за то сильный отъ меня выговоръ.

Я читалъ со вниманiемъ все, что Г. д'Обиньоскъ говоритъ о письмахъ, найденныхъ у Г. Бувье. Я нечиталъ подлинниковъ, но очень хорошо ихъ себѣ обьясняю: я вамъ сообщу объ нихъ подробности, и вы увидите, Г. Маршалъ, какъ самое неважное обьясненiе уничтожаетъ подозрѣнiе, внушаемое фразами, которыя темны только по наружности, и въ глазахъ людей, которымъ во всемъ хочется видѣть худое.

«Начало перваго письма относится къ Г. Карру. Вотъ что дало тому поводъ: тонъ переписки Г. д'Обиньоска былъ столь нахаленъ, что онъ сдѣлался мнѣ несносньшъ. Я хотѣлъ самъ посмотрѣть, что это за человѣкъ, и подъ какимъ-то предлогомъ далъ ему предписанiе прiѣхать въ Парижъ. Я назначилъ на его мѣсто, на время его отсутствiя, главнаго Коммисара, бывшаго у меня подъ руками, и которому я далъ особенныя наставленiя, сообразныя съ моими подозрѣнiями. Ни его пребыванiе въ Парижѣ, ни еще менѣе свѣденiя отъ заступившаго его мѣсто, не заставили меня перемѣнить мыслей. Я противустоялъ всѣмъ покровительствамъ, которыми онъ себя подкрѣплялъ; я вамъ ихъ не называю, но увѣренъ, что В. С. въ нашемъ съ вами отношенiи, не болѣе меня ими бы уважили. Г. Бурiеннъ могъ узнать о его прiѣздѣ. Онъ могъ даже судить о большей части нашихъ разговоровъ, потому что самъ мнѣ доставилъ много свѣдѣнiй, которыя послужили имъ за основанiе и что, чрезъ его посредство я объяснилъ много событiй, и отвергнулъ множество обвиненiй, которыхъ лживость мнѣ была доказана. Рапортъ главнаго Коммисара столь былъ наполненъ дѣйствительными событiями, что я рѣшился спросить въ особенности Г. Шабана о мнѣнiи его на счетъ главнаго управленiя Гамбургской Полицiи. Онъ мнѣ сообщилъ это мнѣнiе и я признаюсь В. С., что на его одномъ отвѣтѣ я основалъ мои мысли предъ тѣмъ, какъ началъ писать вамъ.

Я приказалъ удалить Коммисара Карра по причинѣ всеобщихъ жалобъ; мнѣ противились, но наконецъ должны были согласиться. Карра потребовалъ дозволенiя прибыть въ Парижъ; ему въ томъ отказано; это возбудило мои сомнѣнiя; ра-

44*

жорты Коммисара, временно исправлявшаго должность въ отсутствіи Г. д'Обиньоска въ Парижѣ представлялись моимъ мыслямъ во всей ихъ истинѣ; я хотѣлъ предписать о высылкѣ мнѣ Карра, какъ очищеніе Гамбурга его ко мнѣ доставило. Онъ пріѣхалъ добровольно, чтобы сдѣлать мнѣ открытіе, согласное со всѣмъ тѣмъ, что мнѣ сообщали мои частные агенты, что сообщилъ мнѣ Коммисаръ Роланъ, также съ мнѣніемъ, которое изъяснилъ мнѣ Г. Шабанъ въ собственно ручномъ письмѣ своемъ. Карръ написалъ и подписалъ свое показаніе. Не довольно ли этого, Г. Маршалъ, чтобы основать мое мнѣніе? Я поручилъ Г. Буріенну извѣстить Г. Бувье, о данномъ мною въ разсужденіи Карра приказаніи. Слово д'Оби . . . есть ничто иное какъ сокращенное имя Г. д'Обиньоска.

«Что значатъ слѣдующія слова: «Нужныя вѣрнѣйшія свѣдѣнія о любопытномъ анекдотѣ о печати, и пр.» мнѣ совершенно извѣстно; онѣ написаны по моему приказанію. Слѣдующая фраза относится къ Г. Реннеменилю, находящемуся здѣсь уже пять дней, и котораго надлежало отослать въ Марсель. Вотъ объясненіе этого случая.

«Меня предупредили изъ Гамбурга, что Г. Реннемениль, извѣстный съ дурной стороны Министерству Полиціи, говорилъ громко въ Гамбургѣ и Альтонѣ, что онъ напишетъ къ Г. Буріенну письмо, которое его поставитъ въ большое замѣшательство. Нѣсколько времени спустя интрига пущена въ ходъ и письмо получено по почтѣ. Я долженъ отдать справедливость Г. Буріенну, въ томъ, что онъ мнѣ тотчасъ принесъ это письмо, съ котораго копію увидѣвъ у меня въ рукахъ, онъ очень изумился. Оно было сходно съ доставленнымъ мнѣ свѣдѣніемъ, и въ тоже время Г. д'Обиньоскъ предупреждалъ меня, *что это было безумное требованіе, изслѣдованіе котораго онъ счелъ не нужнымъ.* Я принялъ это дѣло совсѣмъ иначе, потому что видѣлъ доказательства явнаго безстыдства. Тутъ непристойно задѣвали Раппа, Принца Беневентскаго и другихъ. Я непремѣнно хотѣлъ наказать строго управленіе, которое осмѣливалось такъ шутить надо мною. Я неувѣдомилъ Гамбургской Полиціи о полученіи ея донесенія; я послалъ ей предписаніе, заднимъ числомъ, чтобы сбить ее въ расчетахъ, объ арестованіи Г. Реннеменила за эмигрантство и интриги, что было

моимъ предлогомъ. *Я* такъ хорошо означилъ мѣсто жительства и примѣты Ренпеменіля, что не посмѣли не отыскать его. Онъ ко мнѣ прiѣхалъ, и признался въ томъ, какою хитростью заставили его написать это письмо. Онъ, по правдѣ не выдалъ Г. д'Обиньоска, но такъ какъ тотъ аналъ это, то за чѣмъ онъ непачалъ обыскомъ, который могъ бы привести его къ послѣдствiямъ, тѣмъ болѣе могшимъ послужить его ненависти, что общественная выгода, на этотъ разъ, согласовалась съ этою ненавистью. Если бы, напротивъ того, онъ тутъ видѣлъ только одну интригу, то за чѣмъ онъ недонесъ объ ней тѣмъ болѣе, что дѣло касалось до важныхъ особъ, къ которымъ онъ обязанъ былъ внушать уваженіе. Этотъ Ренпеменіль былъ наказанъ по распоряженiю высшей Полицiи и *я* ему запретилъ возвращаться въ тридцать вторую военную дивизiю.

«Когда съ интригана снимутъ личину, то онъ обыкновенно обнаруживаетъ всѣхъ своихъ сообщниковъ. Этотъ сдѣлалъ мнѣ признанiя, которыя послужили подкрѣпленiемъ мнѣнiю моему о всемъ томъ, что дѣлалось въ Гамбургѣ. Въ слѣдующемъ перiодѣ, который начинается такъ: *«Вы хорошо сдѣлали, что говорили . . .»* разумѣется объ одномъ дѣлѣ, извѣстномъ Министерству, и которое въ немъ разсматривалось; тутъ нѣтъ интриги. Напротивъ того, Г. Маршалъ, *я* могу васъ увѣрить, что это дѣлаетъ честь Г. Бурiенну. Но долго было бы вамъ расказывать.

«Другое:» *Я послалъ записку*, и пр. также извѣстно Полицiи, потому что особа, къ которой она была послана находилася однимъ изъ начальниковъ въ томъ мѣстѣ, къ которому подобныя дѣла относились. Г. Костъ, адвокатъ, долженъ былъ изслѣдовать это дѣло; въ этомъ *я* удостовѣрился.

«*Для* Г. д'Обиньоска всего мудренѣе показалось то мѣсто, гдѣ говорится о дѣлѣ Шпидецганца. Правду говорятъ, Г. Маршалъ, что за шесть строчекъ, кѣмъ нибудь написанныхъ, можно найти зачто повѣсить. Много видно охоты вредить въ изслѣдованiи и привязкахъ къ слову *ребячество*, находящемуся въ началѣ фразы, въ мнимомъ похищенiи тысячи фридрихсдоровъ, о коихъ и не упоминается въ письмѣ, и въ приложенiи этого слова къ случаю, о которомъ ничто не можетъ доказать, что онъ былъ извѣстенъ Г. Бурiенну. Можно ли предположить, чтобы онъ упо-

требилъ такое выраженіе вмѣсто похищенія, тогда какъ въ первомъ письмѣ, упоминаемомъ Г. д'Обиньоскомъ, онъ объявлялъ Г. Бувье о покражѣ ста тысячъ франковъ, которую хотѣли сдѣлать у законныхъ кредиторовъ? Я впрочемъ дивлюсь, что Г. д'Обиньоскъ не отдалъ В. С. оригинальнаго письма, найденнаго у Г. Бувье, въ которомъ бы вы увидѣли вынужденное объясненіе того, что дѣло шло о похищеніи тысячи фридрихсдоровъ, и что Г. Буріеннъ сдѣлался ихъ защитникомъ.

«Я приступаю, Г. Маршалъ, къ очень важному обвиненію, но которое не боюсь назвать клеветою. Я хочу говорить о поѣздкѣ Г. Буріенна въ Гамбургъ въ 1812 году. Поѣздка эта мнѣ была извѣстна, и даже полезна. Не знаю что разумѣлъ Г. д'Обиньоскъ подъ словами: *крики въ публикѣ противъ Г. Гонса и пр.* Я имѣю доказательство, въ *вѣрныхъ письмахъ*, что Г. Буріеннъ, напротивъ того, безпрестанно старался отвратить вниманіе, котораго такъ неловко сдѣлали предметомъ Гамбургъ. Свидѣтельство Г. Лавалетта служитъ подкрѣпленіемъ тому, что я говорю В. С. и по столь умѣреннымъ и прямымъ свѣдѣніямъ о Г. Буріеннѣ приняты мѣры, чтобы отклонить зло которое произвело нѣкоторое неудобство.

«То что Г. д'Обиньоскъ говоритъ вамъ о Г. Денѣ, о Госпожѣ Паппенгеймъ, *есть ложь*, какъ мнѣ то *доказали* двадцать письменныхъ документовъ. В. С. можете въ томъ убѣдиться если Его Величество пришлетъ ему поданный отъ меня рапортъ обо всемъ томъ, что происходило въ Гамбургѣ, во время занятія его Русскими.

«То что Г. д'Обиньоскъ говоритъ вамъ о Гумпрехтѣ болѣе ли необычайно чѣмъ все, что можно сказать о ста тысячахъ Гамбургскихъ жителей? Кромѣ того, Гумпрехтъ въ прежнее время былъ одинъ изъ доносщиковъ на Г. Буріенна. Но докторъ Кноррь, который въ Стральзундѣ догналъ Наслѣднаго Шведскаго Принца, раззорился на вооруженіе Ганзеатическаго легіона, и онъ былъ другомъ всѣхъ Французовъ, которыхъ лѣчилъ. Было бы очень опасно и вмѣстѣ съ тѣмъ несправедливо подвергать кого бы то ни было отвѣтственности за будущее поведеніе тѣхъ, съ кѣмъ были въ связяхъ.

Я принялся за это длинное письмо, Г. Маршалъ, только потому, что я знаю навѣрное, что Г. д'Обиньоскъ употреб-

ляетъ противъ меня имя В. С., чтобы оправдать себя въ разсужденiи мѣръ, которыя казались противъ его мнѣнiя и образа сужденiя, тогда какъ собственное его мнѣнiе и образъ сужденiя, были побудительными къ тому причинами. Я нахожу тому доказательство въ письмѣ В. С. отъ 3 Iюня, сравнивая его съ письмами, писанными двадцать шестаго и девятнадцатаго Iюля Г. Реалю по тому же предмету. Я вижу, что онъ передалъ В. С. свои особенныя мысли, отъ которыхъ онъ отказывается въ письмахъ своихъ къ Г. Реалю.

Посылаю вамъ, Г. Маршалъ, всѣ эти бумаги, вы сами можете судить объ нихъ. Я прилагаю копiю съ послѣдняго рапорта, который мнѣ подалъ Бувье передъ самымъ отъѣздомъ. В. С. усмотрите, что Г. д'Обиньоскъ самъ отпирается отъ распоряженiя, которое ему повредило, относя все къ вамъ. Я обязанъ этою довѣренностiю В. С. въ замѣнъ той, которую мнѣ оказали. Прилагаю при семъ копiю съ письма Г. Бурiенна къ Г. Бувье отъ 25 Октября съ отвѣтомъ послѣдняго, котораго вамъ Г. д'Обиньоскъ не докладывалъ. Онъ не имѣлъ права этого невыполнить. Эти письма дѣлаютъ разительную противуположность съ тѣмъ поведенiемъ, какое приписываютъ Г. Бурiенну, а именно, что онъ приводилъ въ дѣйствiе интриги вопреки видамъ Правительства.

«Но между этими бумагами, есть одна, которую я долженъ въ особенности замѣтить В. С.—это письмо Г. Лекопа къ Г. д'Обиньоску.

«Я бы спросилъ послѣдняго, по какой непонятной злобѣ онъ находитъ еще Бурiенна въ этомъ дѣлѣ, тогда какъ самъ Лекопъ не только не говоритъ объ этомъ, но даже изъ далека не заставляетъ о томъ думать. Чтобы васъ еще болѣе убѣдить, что это предположенiе есть ничто иное какъ клевета, я васъ смѣю увѣрить, Г. Маршалъ, что въ моемъ Министерствѣ никогда не было и дѣла о Бухольцѣ; что этотъ человѣкъ никогда не имѣлъ съ онымъ ни малѣйшихъ сношенiй; что Г. Бурiеннъ никогда мнѣ не говорилъ о немъ ни слова; что я самъ не зналъ, если онъ на свѣтѣ, и что объ немъ ни одинъ изъ моихъ агентовъ въ Гамбургѣ не извѣщалъ меня ни съ худой, ни съ хорошей стороны.

«Но я прошу, любезный Маршалъ, обратить ваше вниманiе

въ особенности на подчеркнутыя мною слова изъ письма Лекопа. Какое мнѣніе, хотите вы чтобы я имѣлъ о молодомъ и несостоятельномъ повѣсѣ, который дозволяетъ себѣ подобныя выраженія и мѣшаетъ имя власти въ сквернословномъ письмѣ, и о начальникѣ, къ которому полагаютъ, что можно такъ писать, и который непремѣнно далъ ему право своими разговорами и поведеніемъ на такія довѣрія и наглость? Я поручилъ Г. Реалю отвѣчать на это письмо, которое ему было прислано отъ Г. д'Обиньоска; но я предоставляю В. С. это дѣло, которое намъ есть общее, потому что оно имѣетъ въ предметѣ то, чтобы унизить власть.

«По прочтеніи всего этого В. С. увидите, нужно ли мнѣ было имѣть въ Гамбургѣ агента, который бы имѣлъ надзоръ за всѣмъ тѣмъ, что тамъ дѣлаетъ управленіе Полиціи, о дурныхъ поступкахъ, котораго я имѣю болѣе вѣрныя доказательства, чѣмъ о тѣхъ, коими попрекаютъ Г. Буріенна. Я не говорю объ нихъ, потому что человѣкъ, который тутъ виноватъ можетъ вамъ быть полезенъ, а мнѣ бы очень прискорбно было лишить васъ человѣка, который вамъ служитъ въ настоящихъ обстоятельствахъ нашихъ. Пускай онъ хорошо отправляетъ свое ремесло, пускай мнѣ говоритъ правду, вотъ все, о чемъ я теперь думаю. Однакоже я прошу В. С. остеречься одного обстоятельства: я навѣрное еще не знаю, не употребили ли власть, чтобы удалить Бувье, потому что онъ былъ тамъ какъ безпокойный замѣчатель, который бы предупреждалъ меня о маленькихъ бездѣльничествахъ, которыя употребятъ въ замѣнъ нѣсколькихъ налоговъ контрибуціи.

«Такъ какъ я сказалъ В. С. о дурныхъ поступкахъ, въ коихъ попрекаютъ Г. Буріенна, то скажу на этотъ счетъ мои мысли въ полнѣ, не имѣя въ виду говорить ни за него, ни противъ него.

«Около трехъ лѣтъ уже управленіе Гамбургской Полиціи пишетъ мнѣ цѣлыя книги противъ Г. Буріенна, относя къ нему все свое надзирательство и всѣ свои труды; забывая въ отношеніи ко мнѣ всякую благопристойность и уваженіе, говорятъ и пишутъ другимъ кромѣ меня, что я нахожусь подъ непосредственнымъ вліяніемъ Г. Буріенна. Вы можете это видѣть изъ письма Г. Реаля. Я читалъ со вниманіемъ все, что мнѣ было писано отъ

этого управленія, и не понимаю, какъ будучи движимы такою ненавистью и ожесточеніемъ, занимая предпочтительно театръ интригъ, приписываемыхъ Г. Буріенну, и его предполагаемыхъ дурныхъ дѣлъ, не могли еще даже найти, не говорю доказательства, но другаго доноса кромѣ этой длинной записки, которая прислана ко мнѣ въ 1811 году, и которой нелѣпости я все объяснилъ въ длинномъ отвѣтѣ Г. д'Обиньоску. Когда я ему объ этомъ говорилъ въ своемъ кабинетѣ, онъ отпирался, говоря, что ни чему невѣрить; что Вы приказали ему сдѣлать это донесеніе, которое онъ поручилъ составить Ожье де ла Соссею. Болѣе всего заставило меня возразить на всю эту записку, увѣреніе о мнимомъ *таинственномъ ящичкѣ* (*), которое вѣнчаетъ этотъ доносъ. Разверните; недостаетъ страницы: это очевидно доказываетъ слабость средствъ нападенія. Это чистая выдумка Гаммерштейна, у котораго былъ этотъ пасквиль и который думалъ тутъ найти средство къ уплатѣ своихъ долговъ, навязавъ на Г. Буріенна дурное дѣло, что ему и удалось.

«Другое обвиненіе, которымъ я видѣлъ что занялось все мое Министерство, состояло въ томъ, что Г. Буріеннъ способствовалъ запрещенной торговлѣ.

«Но кромѣ того, что сдѣланное для погубленія его донесеніе оправдываетъ его отъ такого обвиненія, кромѣ того, что по предписаннымъ мною розыскамъ ничего не оказалось, въ архивахъ Министерства есть бумаги, смѣю сказать, рѣшительно убѣждающія. Доказано, и таможенные то свидѣтельствуютъ, что Г. Буріеннъ, съ перваго дня какъ по причинѣ отсутствія управлявшаго дѣлами Консульства, онъ долженъ былъ ихъ принять на себя, отказался отъ всякаго распоряженія или надзора за морскими бумагами, и отъ всякаго рода подписи для впуска въ Гамбургъ чего бы то ни было. Странное средство способствовать запрещенной торговлѣ, тѣмъ что добровольно отказаться отъ права, употребленіе во зло коего могло бы ей вспомоществовать. Съ Августа мѣсяца 1807 года входъ въ Гамбургъ, какъ сухимъ путемъ, такъ и водою, исключительно принадлежалъ къ

(*) Таинственный ящичекъ есть ничто иное, какъ жестяная коробка, въ которой лежали служившіе мнѣ документы и важныя замѣчанія.

надзору таможенъ, и если, такъ какъ хотѣли говорить, эта мѣра наружной строгости, была только личина для скрытія истины, какъ же это случилось, что когда хотѣли употребить какое либо средство для ввоза, то надсматриватели, которыми онъ себя добровольно окружилъ, того не примѣтили? Я не предполагаю, чтобы тутъ можно было подозрѣвать въ стачкѣ, которая подвергая опасности столько лицъ, рано или поздно, необходимо была бы открыта.

«Другое обстоятельство служило бы къ совершенному его оправданію, если бы его стали по сему предмету понуждать оффиціально. Съ того времени, какъ входъ въ Эльбу строго запрещенъ всякаго рода судамъ, контробанда производилась чрезъ Голштейнъ. Эта страна заваленная колоніальными товарами была золотымъ дномъ для занимающихся запрещеннымъ торгомъ. По предложенію Г. Буріенна всѣ эти колоніальные товары были приняты въ Гамбургъ, съ платежемъ Французскому Правительству значительной пошлины. Г. Буріеннъ предложилъ эту мѣру, потому что видѣлъ, какъ товары приходили контробандою, и расчелъ математически то время, въ которое онѣ пройдутъ непозволительнымъ образомъ внутрь Германіи. Если бы онъ имѣлъ свои выгоды въ этой торговлѣ, то онъ одинъ, и пособственному своему побужденію, не потребовалъ бы постановленія, которое прекращало оную.

«Вотъ, Г. Маршалъ, слишкомъ длинное письмо. Желаю, чтобы оно вамъ не наскучило, и чтобы В. С. видѣли въ заключающихся въ немъ чувствахъ, только мою къ вамъ довѣренность на службу Императору, вмѣстѣ съ чувствомъ правосудія, которое я стараюсь всегда предпочтительно употреблять съ мѣрами строгости, какія Министерство мое принимать меня заставляетъ. Если бы я на минуту отъ того уклонился, то не отвѣчаю за довѣренность, которою почтилъ меня Императоръ. Не мое дѣло мѣшаться въ причины неудовольствія, какое можетъ имѣть Императоръ на Г. Буріенна; онъ есть та точка, куда должны клониться всѣ замѣчанія этого рода. Но во всѣхъ частяхъ общественнаго управленія, которыя на него были возлагаемы, и которыя были предметомъ строжайшаго надзора, я даю вамъ свое честное слово, я не примѣтилъ ничего, чрезъ что онъ могъ бы потерять уваженіе людей справедливыхъ, его знав-

нихъ. Покойный Маршалъ Дюрокъ умеръ, убѣдясь въ его невинности; другія особы, которыхъ называть я себѣ не дозволяю, мнѣ объясняли тоже мнѣніе, и пока мнѣ не докажутъ противнаго, я невижу причинъ, чтобы перемѣнить это мнѣніе. Если бы Гамбургская полиція, вмѣсто того, чтобы представлять мнѣ грубыя обвиненія, не сопровождаемыя даже вѣроятностію правдоподобія, занялась подробными изысканіями, то навѣрное дала бы вамъ поводъ думать одинаково со мною.

«Въ заключеніе, Г. Маршалъ, я помѣщу послѣдній случай, относительно котораго прошу В. С. допросить оффиціально Г. д'Обиньоска. Я вижу въ донесеніи, составленномъ Г. Бувье, во время занятія Гамбурга Русскими, что онъ тамъ встрѣтилъ Г. *де Либри*, который остался въ тюрьмѣ при выступленіи Французскихъ войскъ. Надобно, чтобы В. С. узнали этотъ анекдотъ. Этотъ *де Либри* хитрый политикъ, о которомъ мнѣ дано было знать отъ *высшей власти*, и о которомъ я скоро узналъ, что это таинственная особа, о которой говорятъ во многихъ доставшихся въ мои руки письмахъ. Женщина, къ которой эти письма были писаны, объяснила мнѣ всю его интригу. Дѣло шло о гласномъ покушеніи, котораго этотъ человѣкъ хотѣлъ быть душею. Долго проискавъ его въ Италіи, я нашелъ его въ Гамбургѣ; я приказалъ его арестовать; и такъ какъ каждый разъ когда арестовываютъ столь важнаго преступника, необходимо сдѣлать нѣкоторыя предварительныя наставленія, то я его оставилъ на нѣсколько дней въ Гамбургѣ. Я никакъ не думалъ, чтобы выходя изъ города не взяли его съ собою, тѣмъ болѣе потому что было время о томъ подумать. Я не удивлюсь, если этотъ человѣкъ поѣдетъ въ Англію, и при первомъ случаѣ сыграетъ со мною какую нибудь дурную штуку. Я желаю, чтобы Г. д'Обиньоскъ объяснилъ свое странное поведеніе въ этомъ обстоятельствѣ.

ПИСЬМО МИНИСТРА ГЛАВНОЙ ПОЛИЦІИ ГЕРЦОГА РОВИГО КЪ ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПОЛИЦЕЙСКОМУ КОММИСАРУ ВЪ ГАМБУРГѢ Г. д'ОБИНЬОСКУ.

10 Ноября 1813.

«Я получилъ, Милостивый Государь, письмо ваше отъ 2 Октября, которое, какъ полагаю, должно быть отъ 2 Ноября, и при немъ шесть допросовъ, учиненныхъ центральнымъ Полицейскимъ Коммисаромъ, который изъ нихъ сдѣлалъ выписку въ рапортѣ, присланномъ вмѣстѣ съ вашимъ письмомъ.

«Я не давалъ предписаній относительно дѣлъ Г. Буріенна, и по сему долженъ почитать это съ вашей стороны извѣщеніе за отчетъ въ распоряженіяхъ вашихъ. Но не менѣе, того, такъ какъ вы имѣли по сему порученіе, то не могу не замѣтить вамъ, что выписка вашего центральнаго Коммисара представляетъ въ себѣ безразсуднаго, часто противорѣчащаго и нелѣпаго.

«Я не понимаю, за чѣмъ вы сами не производили этого дѣла. Вы кажется хотите, отбывъ отъ отвѣтственности за ошибки и неточности, подвергнуть ей Г. Ожье де Соссея. Какъ можете вы посылать къ вашему Министру выписку изъ дѣла, за вѣрность которой не ручаетесь? Это значитъ ставить его самого въ необходимость сдѣлать ложное донесеніе. Если этотъ Г. Ожье де Соссей есть тотъ самый, который прежде былъ подъ-префектомъ въ Рочфортѣ, то я его зналъ; онъ былъ послѣ страпчимъ, и то мѣсто, какое онъ теперь занимаетъ не даетъ ему никакого права на мою довѣренность; надобно полагать, что онъ слишкомъ не къ многому способенъ, когда до такой степени унизился. По донесеніямъ вашимъ въ назначеніи Г. Бувье было отказано, а онъ уже безъ сомнѣнія былъ лучше Г. Ожье де Сосся, котораго я лично знаю. Его подпись внизу присланнаго отъ васъ ко мнѣ рапорта заставила меня сдѣлать изслѣдованія, о плодѣ которыхъ вы усмотрите.

«Я начну съ статьи полученій: вы говорите, что Сенатъ сдѣлалъ Г. Буріенну подарокъ въ два раза 1,040,000 франковъ, не смотря на то, что Г. Верегерленъ вамъ замѣчалъ, что 440,000 франковъ, данныя во время его управленія, составляли часть, первыхъ 600,000 франковъ; кажется, не должно было бы утвер-

дительно говорить, что они были сверхъ 600,000, какъ вы то сдѣлали. Къ тому же Сенатъ представивъ самъ счетъ своимъ расходамъ, о которомъ вы имѣли свѣдѣніе, навѣрное бы непоказалъ 440,000 франковъ менѣе, данными Г. Бурiенну, особливо со всѣмъ непредвидя, въ то время когда давали деньги, что когда нибудь потребуютъ отъ нихъ, чтобы показали свои книги. Сверхъ того, за чѣмъ бы ихъ ему прощать?

«Вашъ центральный Коммисаръ сдѣлалъ тутъ большую ошибку, которую бы вы должны были исправить, и я къ вамъ отношуся съ упрекомъ точно также, какъ если бы вы сами подписали рапортъ. По этому тутъ или есть пристрастіе, или большое небреженіе, или величайшее неискуство въ этомъ дѣлѣ, потому что у васъ были для повѣрки Сенатскія книги.

«Что касается до третьяго и четвертаго пунктовъ полученія, вы помѣщаете 735,000 франковъ изъ Мекленбургъ-Шверина и 72,500 франковъ отъ Датскаго Короля. Прежде всего тутъ представляется одна мысль. Нѣтъ умнаго человѣка, который бы могъ предположить, что Герцогъ Мекленбургскій имѣлъ бы такія обязанности къ Французскому Министру въ Гамбургѣ, что съ тѣмъ чтобы изъявить ему свою признательность, онъ долженъ былъ сдѣлать ему такой подарокъ, даже если бы, онъ отдалъ ему свои владѣнія, которыя не стоятъ Департамента Имперіи Французской; Король Испаніи и Индіи, Король Англійскій никогда не могли бы сдѣлать болѣе значительнаго подарка.

«72,500 франковъ изъ Даніи не болѣе мнѣ постижимы, и я въ отвѣтахъ допрашиваннаго вами человѣка не вижу ни чего такого, чтобы могло подтвердить показываемое вами. Какъ вы недошли до того лица, которое выдавало эти деньги. Какъ Г Бурiенну досталась въ руки облигація въ 145,000 франковъ на Датскаго Короля? Гдѣ актъ? По этому Государь сей заплатилъ долгъ, а не подарокъ сдѣлалъ. Оно выходитъ сдѣлка между частными людьми, которой должно найти слѣды. Къ тому же самыя выраженія рапорта долженствовали бы отклонить васъ отъ довѣрія къ такому утвержденію. Г. Гумпрехтъ увѣряетъ что Г. Бурiеннъ долженъ былъ получить эту сумму: по этому онъ знаетъ за что?

«Не смотря на всѣ эти замѣчанія, вы считаете полученіе Г. Бурiенна 1,847,500 франковъ только, не включая пашпортовъ.

Прежде всего тутъ должно отвергнуть три последнія статьи, неимѣющія достаточныхъ доказательствъ; вы увидите, что останутся только Сенатскія 600,000 франковъ и пашпорты, о которыхъ вы только приводите на память.

«Я перейду теперь къ употребленію капиталовъ.

«Вашъ центральный Коммисаръ смѣло ставитъ миліонъ долговъ, заплаченныхъ въ Парижѣ. Онъ жилъ довольно долго въ Парижѣ, и вѣрно знаетъ, что кто имѣетъ тамъ миліонъ долгу, тотъ не можетъ оттуда выѣхать, не сдѣлавъ предварительно съ своими кредиторами соглашенія, а я какъ теперь помню, что Г. Буріеннъ тогда былъ не въ такомъ положеніи, чтобы договариваться съ ними. По выправкамъ, которыя мнѣ легко было сдѣлать, долговъ у него не было и 100,000 франковъ, и такое преувеличеніе въ находящихся въ рапортѣ вашего Коммисара показаніяхъ, заставляетъ меня сомнѣваться и въ другихъ статьяхъ. Къ тому же я вижу, что Г. Гумпрехтъ не имѣлъ непрерывнаго счета съ Г. Буріенномъ. Если не онъ заплатилъ этотъ миліонъ долговъ, то какъ онъ о томъ знаетъ? Если же онъ, такъ потребуйте отъ него подробностей: онъ долженъ знать ихъ.

«Шесть слѣдующихъ статей могутъ быть справедливы.

«50,000 франковъ Г. Вегера показаны вашимъ центральнымъ Коммисаромъ за дѣйствительные; а въ Гумпрехтовомъ допросѣ я читаю показаніе его, что онѣ не принадлежатъ болѣе Г. Буріенну. Признайтеся, что или вы не читали этого рапорта и допросовъ, или думали, что я ихъ читать не буду.

«Перейду къ послѣдней статьѣ. 1,500,000 франковъ расхода мнѣ кажутся безпримѣрною нелѣпостью. Мнѣ кажется, что вы бы могли узнать прежде всего отъ служителей, которыхъ Г. Буріеннъ долженъ былъ оставить въ Гамбургѣ, сколько у него было лошадей, людей и что онъ платилъ послѣднимъ; кому онъ платилъ за наемъ своего дома; наконецъ надлежало итти даже къ его повару, и тогда бы вы убѣдились въ преувеличеніи этой суммы, какую Императорскій Министръ даже и въ Парижѣ неиздерживаетъ. Впрочемъ это по показанію Гумпрехта, который, повторю еще, не имѣя постояннаго счета съ Г. Буріенномъ, не можетъ знать, что онъ тратилъ. Если онъ платилъ за него, такъ пускай покажетъ бумаги, удостовѣряющіе въ истинѣ его счетовъ.

«Перечитывая все, что вы мнѣ прислали, я не могу составить

себѣ справедливаго мнѣнія. Невижу, для чего вы говорите въ своемъ письмѣ: *Что вѣрно, такъ это то, что были пріобрѣтены капиталы, простирающіеся до четырехъ миліоновъ.* Ничто менѣе невѣрно. Вы заключаете о преувеличенномъ расходѣ, по полученіи, которое дѣлается условнымъ; вы идете отъ предполагаемаго извѣстнаго къ искомому неизвѣстному. Что мнѣ кажется вѣрно, такъ это то, что если отнять изъ 3,800,000 франковъ, которые вы предполагаете пріобрѣтеннымъ капиталомъ, 600,000 лишніе по долгамъ, 1,200,000 лишніе по расходамъ въ Гамбургѣ, можно предположить, что Г. Буріеннъ, кромѣ своего содержанія впродолженіи шести лѣтъ, прибавилъ къ нимъ своихъ 300,000 (предположеніе очень основательное и которое ближе къ истинѣ чѣмъ то, что вы говорите), 50,000 Г. Вегера, которыя, по словамъ вашего Коммисара, не принадлежатъ болѣе Г. Буріенну, то выдетъ 1,847,000, которые вы допускаете, не включая пашпортовъ, но въ числѣ которыхъ, по этому очень простому разсужденію, долженъ заключиться не только доходъ отъ пашпортовъ, но и доходы Г. Буріенна впродолженіи шести лѣтъ и проценты на его капиталы.

«Изъ этого вы видите, какъ ложно разсужденіе вашего центральнаго Коммисара, который говоритъ, что 3,800,000 франковъ пріобрѣтенныхъ капиталовъ доказываютъ важность полученій.

«Это заставляетъ меня думать, что Г. Буріеннъ могъ имѣть Мекленбургскія и Датскія облигаціи на суммы, занятыя у сихъ государствъ, но только онѣ не должны быть причислены къ его имуществу; потому что если бы онъ ихъ купилъ на свои деньги, то это былъ бы двойной расходъ.

«Съ другой стороны, если, по вашей системѣ, отнять изъ 3,800,000 фр. 1,500,000 фр. расходовъ въ Гамбургѣ, миліонъ заплаченныхъ долговъ, 50,000 фр. то сумма Г. Буріенна ограничится 1,250,000 фр; и это близко къ мнѣнію вашего центральнаго Коммисара, который утвердительно объясняется относительно большаго преувеличенія состоянія Г. Буріенна, и который пишетъ самъ, что всѣ тѣ лица, съ которыми Г. Буріеннъ имѣлъ счеты, не думаютъ, чтобы онъ былъ очень богатъ. Это должно бы было поразить васъ.

«Я нашелъ двѣ статьи, простирающіяся вмѣстѣ до 6,000 фр. которыя были даны Институту бѣдныхъ пятнадцатаго Августа;

я желаю, чтобы вы потребовали и прислали мнѣ вѣрную вѣдомость о всемъ томъ, что Г. Буріеннъ такимъ образомъ давалъ во время своей миссіи.

«Напослѣдокъ скажу, Милостивый Государь, что я не вижу изъ всего того, что вы мнѣ прислали, ничего такого, что могло бы доказать тѣ дѣла, о которыхъ вы доносите. Мнѣ кажется, что сдѣланныя мною вамъ замѣчанія могутъ дать вамъ возможность объяснить, какимъ бы то ни было образомъ, то, что вы мнѣ хотѣли доказать; но я не могу только понять, какъ вы поступили такъ съ легка въ отношеніи къ этому ящичку, называемому таинственнымъ, о которомъ говоритъ въ послѣднемъ параграфѣ своего рапорта вашъ центральный Коммисаръ, и которому, какъ кажется, онъ вѣритъ. Я не намѣренъ, что бы вы это оставили безгласнымъ, и я вамъ предписываю *положительно* добиться до источника этихъ показаній, которыя столь сильно касаются вѣрности Г. Буріенна къ Императору. Я хочу непремѣнно имѣть этотъ ящичекъ, если онъ существуетъ, а не то, чтобы такой обманъ былъ наказанъ. Когда вы будете имѣть болѣе опытности въ вашей должности, тогда вы лучше узнаете этотъ родъ людей, которые простираютъ свою наглость до того, что обманываютъ должностныхъ людей ложными обѣщаніями открыть важныя вещи, которыя существуютъ только въ ихъ низкихъ страстяхъ и мечтаніяхъ.

«Въ числѣ погрѣшностей содержащихся въ разныхъ допросахъ, я замѣчаю многія важныя, которыя бы вы могли мнѣ объяснить.

«Напримѣръ, вы намѣкаете, что Г. Буріеннъ былъ въ Траве-Мюнде въ Іюлѣ 1810, чтобы способствовать производству контрабанды; вы прибавляете, что онъ былъ *притворно* боленъ; это притворно можно было бы повѣрить на мѣстѣ, а что касается до обвиненія въ контрабандѣ, то я замѣчаю, что эта одна статья изъ вашихъ допросовъ постоянно отрицательна; между тѣмъ у васъ было естественное средство доказать истину по этому предмету, по тому что вы могли тотчасъ узнать, сколько судовъ вошло въ Траве-Мюнде въ Іюлѣ и Августѣ, и чѣмъ онѣ были нагружены.

«Что касается до корабля Софія-Августа, по предмету котораго допросы благопріятствуютъ Г. Буріенну, то вамъ равномѣрно легко будетъ судить о томъ, какую онъ тутъ имѣлъ вы-

году. Я знаю изъ рапорта Морскаго Министра, что этотъ корабль отвезъ въ Иль-де-Франсъ депеши изъ этого Министерства, которыя были спрятаны въ ящикѣ со шляпами, сдѣланными въ Альтонѣ у одного *Карко*. Если этотъ *Г. Карко* еще въ Альтонѣ, то велите развѣдать о томъ, что я говорю, и если это подтвердится, то вы убѣдитесь, что злость обратила въ алчную жадность къ прибыли, такое дѣло, которое было его настоящимъ долгомъ.

«Вотъ, Милостивый Государь, мои возраженія на вашу депешу отъ 2 числа; я, чтобы размыслить объ ней употребилъ болѣе времени, чѣмъ вашъ центральный Коммисаръ на то, чтобы сдѣлать свое донесеніе, и прежде чѣмъ сдѣлаю отъ себя какое либо по всѣмъ этимъ дѣламъ распоряженіе, мнѣ нуженъ вашъ отвѣтъ на эту депешу. Говорите смѣло все, что найдете противъ моихъ словъ, и освѣдомтесь хорошенько, а послѣ мнѣ отвѣчайте.

КОНЕЦЪ ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ.

Стр.

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

Стр.

ГЛАВА III.

ГЛАВА IV.

Стр.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

Стр.

ГЛАВА VII.

ГЛАВА VIII.

Стр.

Стр.

ГЛАВА X.

ГЛАВА XI.

Стр.

ГЛАВА XII.

ГЛАВА XIII.

Стр.

ГЛАВА XIV.

ГЛАВА XV.

Стр.

ГЛАВА XVI.

ГЛАВА XVII.

ГЛАВА XX.

Стр.

ГЛАВА XXI.

ГЛАВА XXII.

ГЛАВА XXIII.

ГЛАВА XXIV.

Стр.

ГЛАВА XXV.

Стр.

ГЛАВА XXVI.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ.

